

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ РАНХиГС

На правах рукописи

Лукшин Роман Сергеевич

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГАРМОНИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Специальность: 5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Дахин Андрей Васильевич

Нижний Новгород – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ФИЛОСОФСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ	25
§ 1.1. Социальная память в поле отношений «традиция – новация»	25
§ 1.2. Социальная память как основа диалектики событий современности.....	57
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	87
§ 2.1. Основное противоречие праксеологического поворота современности	87
§ 2.2. Концептуальная основа гармонизации отношений «социальная память – новации»	112
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	140
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	145

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью философского осмысления возможностей и условий гармоничного сосуществования и взаимодействия двух, на первый взгляд, противоположных начал – стремления к новациям и потребности в сохранении историко-культурного наследия. Современное общество находится в состоянии интенсивных трансформаций, вызванных как стремительным развитием технологий, так и глубинными изменениями социокультурной парадигмы. Эти процессы затрагивают все сферы общественной жизни, формируя новые запросы к структурам, институтам и формам взаимодействия. Одним из ключевых вызовов современной эпохи становится необходимость согласования векторов инновационного развития с сохранением культурной и исторической преемственности. В условиях цифровизации, глобализации, технологических и институциональных изменений возрастает риск утраты социальной памяти, которая играет фундаментальную роль в формировании идентичности, устойчивости и целостности социума. Одновременно с этим процессы социальных инноваций становятся неотъемлемым условием адаптации общества к новым реалиям, и эти процессы затрагивают все сферы общественной жизни, формируя новые запросы к структурам, институтам и формам взаимодействия. Одновременно усиливается интерес к феномену социальной памяти, которая выступает не просто как хранилище прошлого, но и как основание идентичности, социокультурной преемственности и устойчивости общественных систем. Социальная память обеспечивает целостность коллективного опыта, структурируя восприятие времени, традиций и ценностей.

Однако между этими двумя феноменами – инновационным развитием и сохранением памяти – возникает напряжение, противоречия и конфликты. Социальные инновации ориентированы на преобразование и переосмысление, в то время как социальная память стремится к сохранению и воспроизводству наследия, созданного предшествующей историей общества. Социальная память и инновации часто действуют как антагонистические силы: первая направлена на сохранение того, что было, вторая – на обновление его и трансформацию. В частности, отечественная традиция философского знания в лице славянофилов являет пример, когда ценность традиций (патриархальный уклад, православие, русская крестьянская община) противопоставлялась ценностям инновационного развития России XIX в. (индустриализация, урбанизация образа жизни, онаучивание мировоззренческой культуры и пр.). Другая ветвь отечественной философии – диалектический и исторический материализм – в XX веке даёт пример, когда ценности исторической инновации (социалистическая революция, диктатура пролетариата,

пролетарская сознательность и пр.) противопоставлялись традициям, которые определялись как «родимые пятна прошлого», требующие удаления. В XX веке убедительного решения спора между этими двумя ветвями отечественной философской культуры не было найдено.

Увлечение западными теориями и практиками «прогресса» вступает в противоречие с определениями его в качестве меры «изживания человека «по-научному»¹. Представления о западных memory studies как линейного одномерного процесса², который ведёт к плюрализму мнений, вступают в противоречие с представлениями о существенном различии, с одной стороны, западных и, с другой стороны, отечественных концептуальных оснований исследований памяти, которые ориентированы на формирование целостной философской теории социальной памяти³. Кроме того, наблюдается различие западной политики памяти и отечественной политики памяти⁴, которое наиболее отчётливо проявляется в отношении памятников и событий Великой Отечественной войны⁵. Всё это актуализирует вопросы критического анализа философских подходов к пониманию природы социальной памяти, предлагаемых западными memory studies, критического анализа философских подходов к пониманию природы современности в аспекте отношений «традиция – новация».

В этом контексте, а также в контексте усиления геополитического противостояния стран Запада и России актуализируются вопросы об истоках основных социальных инноваций начала XX в., положивших начало различиям современной социальной организации общества, которые нашли свою первую форму проявления в различии общественной организации в СССР и в странах Запада, а теперь, в начале XXI в., проявляются в новых формах. В аспекте анализа роли социальной памяти в формировании таких различий, а также в аспекте взаимосвязи социальной памяти и новаций эти процессы обычно не рассматриваются, хотя факт столь продолжительного, устойчивого противостояния наводит на предположения об участии в этом структур коллективной социально-исторической памяти.

¹ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с. С. 191.

² Нечаева А.А. Становление memory studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4(60). С. 121–129.

³ Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 105–118.

⁴ Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и её воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1 (80). С. 111–121.

⁵ Аронов Д.В., Сизов В.Е., Жилыева С.К. Международно-правовые аспекты сохранения памятников Великой Отечественной войны в странах СНГ, Восточной и Центральной Европы в контексте формирования исторического сознания российского социума // Современное общество и право. 2022. № 2 (57). С. 3–15.

Концептуальное обоснование практики сноса исторических памятников под эгидой «десоветизации»⁶ и практики сноса исторической застройки под предлогом эффективности деятельности девелоперов⁷ позволяет заключить, что существуют значительные противоречия различных современных процессов, сулящих обществу прогресс и развитие, со структурами коллективной социально-исторической памяти современных обществ, которые требуют глубокого изучения. Поэтому философский анализ проблематики взаимосвязи структур социальных инноваций и структур социальной памяти необходим для поиска глубинных оснований интегрированности обоих феноменов в природе человека и общества, для осмысления их в качестве элементов единого процесса – процесса развития общества в его целостности. В этом контексте актуально выявление концептуальных, социально-философских оснований формирования такой модели социальной организации, в которой инновационные процессы будут не разрушать, а органично встраиваться в структуру культурной преемственности, опираясь на ценности и смыслы, укоренённые в коллективной памяти.

Теоретико-философская актуальность исследования имеет и отчётливо выраженное региональное, российское измерение. Носителем коллективной социально-исторической памяти выступает не только государствообразующее сообщество в целом, но и конкретные региональные сообщества России, поэтому вопрос о гармонизации социальных инноваций и социальной памяти обнаруживает себя наиболее рельефно именно на региональном уровне – там, где расхождение между темпами институциональных и технологических новаций и сохранностью историко-культурного, этнокультурного и конфессионального наследия проявляется предметно и конкретно. Философское осмысление этой проблематики применительно к российским регионам представлено в исследованиях А.В. Дахина, посвящённых диверсификации социальных рамок коллективной памяти и специфике социально-исторического самосознания регионов России⁸. Это обстоятельство делает избранную тему актуальной не только в общетеоретическом, но и в конкретно-историческом, региональном отношении – применительно к задачам сохранения целостности российского государствообразующего сообщества в условиях многообразия его региональных, этнических и конфессиональных составляющих.

Практико-ориентированная актуальность исследования обусловлена тем, что соотношение социальной памяти и социальных инноваций приобрело статус предмета

⁶ Passerini Luisa. Introduction, in *Memory and totalitarianism* // *International Yearbook of Oral History and Life Stories*. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press. 1992. Pp. 1–20.

⁷ Тен А. На этом поле много не бывает // *Коммерсантъ*. Северо-Запад. 26.03.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7604781>.

⁸ Дахин А.В. Человек – дом социального бытия: диверсификация рамок коллективной социально-исторической памяти // *Аспирантский вестник Поволжья*. 2021. № 3–4. С. 37–44.

острой международной политической борьбы. Политика ряда государств Запада в последние десятилетия последовательно движется в направлении пересмотра итогов Второй мировой войны - это проявляется в демонтаже и осквернении памятников советским воинам-освободителям в странах Восточной Европы и Прибалтики, в попытках уравнивать ответственность СССР и нацистской Германии за развязывание войны, в героизации коллаборационистских формирований. Показательно, что с 2005 г. Российская Федерация ежегодно выносит на голосование Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики...», которая неизменно поддерживается большинством государств – членов ООН, но систематически отклоняется рядом западных государств⁹. Российская государственная политика, напротив, ориентирована на сохранение исторической правды о войне, что получило закрепление на законодательном уровне¹⁰ и содержательно раскрывается в ряде исследований¹¹. Данное принципиальное различие политик памяти демонстрирует, что вопрос о гармонизации социальной памяти и социальных инноваций - не отвлечённая теоретическая конструкция, а предмет, имеющий прямое практическое, государственно-политическое значение.

Степень научной разработанности проблемы

В предметное поле исследования попадают две большие группы исследований, одна из которых отражает степень научной разработанности проблем социальной памяти и значимости фактора социальной памяти в обществе, а другая – степень научной разработанности проблем инновационных изменений в обществе. Наиболее ранние примеры философского осмысления роли памяти в процессах познания были представлены в диалогах Платона¹², в философско-религиозных учениях Древней Индии (учение о «карме» и др.), в философском наследии Конфуция (учение о роли традиции и ритуала). В западноевропейской философии тематика памяти отражена в текстах Парменида¹³, Платона, Аристотеля¹⁴, Плотина¹⁵, затем в Средние века у Августина¹⁶. Практики мнемотехники от Древней Греции до Ренессанса, исследование которых представлено в

⁹ Генассамблея ООН приняла резолюцию России по борьбе с героизацией нацизма // РИА Новости. 18.12.2024. URL: <https://ria.ru/20241218/genassambleja-1989810591.html>

¹⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Ст. 354.1 «Реабилитация нацизма» (введена Федеральным законом от 05.05.2014 № 128-ФЗ).

¹¹ Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 105–118.

¹² Платон. Философское наследие. Сочинения: в 3 т. Т. 2. Федон. 96 в. М.: Мысль, 1970. С. 66.

¹³ Парменид. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1: Философия древности и Средневековья. Ч. 1. Псевдо-Плутарх. Стм 5. М.: Мысль, 1969.

¹⁴ Аристотель. О памяти и воображении / пер. С.В. Месяц // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 162.

¹⁵ Плотин. Об ощущении и памяти / пер. Д.В. Бугай // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 169–173.

¹⁶ Августин Аврелий (еп. Иппонийский; 354–430). Исповедь / пер. М.Е. Сергиенко; отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука. 2013. 371 с.

работе Ф. Йейтс¹⁷, хотя и не были предметом специального рассмотрения в то время, но были частью философских представлений о значимости ораторского искусства, которое развивали представители школы античного скептицизма, римской философии, средневековой католической литургии, в которой понятие «вечная память» и другие стали частью молитвенного глоссария. В последующей традиции западноевропейской философии фактор памяти в качестве непосредственного предмета философского исследования появляется в теории познания Ф. Бэкона¹⁸, Р. Декарта¹⁹, Д. Юма²⁰, в работах европейских теософов (А. Безант²¹ и др.), в психологии З. Фрейда²², в философии жизни А. Бергсона²³, В. Бенямина²⁴.

Если в западноевропейской философии от Античной Греции до Нового времени мыслители рассматривали в качестве значимого элемента мироздания память отдельно взятой личности (личности человека или личности Бога), то в XX в. появляется новый этап исследований памяти, которая стала рассматриваться как коллективный феномен. В этом качестве представления о социальной памяти демонстрируются в трудах М. Хальбвакса²⁵, а впоследствии порождают т.н. «memory boom»²⁶, то есть активные концептуальные исследования различных проявлений коллективной памяти (П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж, М. Винок²⁷, Я. Зерубавель²⁸, Э. Зерубавель²⁹, Я. Ассман³⁰, А. Ассман³¹, П. Рикёр³², Л.

¹⁷ Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская книга. 1997. 479 с.

¹⁸ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. Кн. Вторая. Посвящение королю. Гл. I. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 1. С. 156.

¹⁹ Декарт Р. Правила для руководства ума. Правила XVI / пер. с фр. М.: Политическая литература, 1950. С. 156–157.

²⁰ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск: ООО «Поппури», 1998. 146 с.

²¹ Безант А. Введение в теософию. М.: Шанти, 1991. 173 с.

²² Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. С. 202–309.

²³ Бергсон А. Творческая Эволюция. Материя и память / пер. М. Булакова. Минск: Харвест, 1999.

²⁴ Бенямин В. Озарения / пер. С. Ромашко. М.: Мартис, 2000.

²⁵ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

²⁶ История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Репина Л.П.; ред. М., 2006. С. 17.

²⁷ Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / пер. Д. Хапасовой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.

²⁸ Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // *Am Imperio*. 2004. № 3. С. 17–42; Zerubavel Y. The Holiday Cycle and the Commemoration of the Past: Folklore, History and Education // *Proceedings of the Ninth World Congress of Jewish Studies*. Jerusalem, 1986. Vol. 4. Pp. 111–118; Zerubavel Yael and Barnett Bernice. The Recovery of Masada: A Study in Collective Memory // *Sociological Quarterly*. 1986. Vol. 27. No. 2. Pp. 147–64.

²⁹ Zerubavel Eviatar. Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life. Chicago: University of Chicago Press. 1981. 201 p.

³⁰ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004.

³¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

³² Рикёр П. Память, история, забвение / пер. И.И. Блауберг и др. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

Кожокари³³, И. Шубрт³⁴, А. Конфино³⁵, В. Кустейнер³⁶, и др.³⁷) и массовых проявлений индивидуальных состояний памяти, связанных с феноменом холокоста, с феноменом «вьетнамского синдрома» (культурной травмы³⁸), с формированием Европейского союза³⁹ и пр. Это разнообразное по предметам исследований и по плюрализму концепций поле получило название *memory studies* и в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в. стало основным источником интереса отечественных исследователей в этой области. Обобщающие, систематизирующие работы по западным *memory studies* были изданы П. Хаттоном⁴⁰, Ф. Йейтс⁴¹, Ж. Ле Гоффом⁴², П. Рикёром⁴³ и др., а также рядом наиболее часто цитируемых в отечественной литературе представителей западных *memory studies* — Дж. Оликом⁴⁴, Я. Кубиком⁴⁵ и М. Бернхардтом, Р.Н. Лебоу⁴⁶ (в соавторстве с В. Канштайнером и К. Фогу), Д. Лоуэнталем⁴⁷, А. Сиерпом⁴⁸ и др. Российские исследования также содержат примеры систематизации, комплексного анализа исследований в области *memory studies*, к числу которых относятся работы Д.А. Аникина⁴⁹, О.Т. Лойко⁵⁰, Ф.В. Николаи⁵¹, С.Ю.

³³ Cojocari L. Staging the nation in Moldova: Between politics and practices of memory and beyond // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки: сб. статей / ред. А.В. Дахин. Н. Новгород: ВВАГС, 2011. С. 63–76 (англ.).

³⁴ Шубрт И. Парадоксы коллективной памяти // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки: сб. статей / ред. А.В. Дахин. Н. Новгород: ВВАГС, 2011. С. 17–24.

³⁵ Confino Alon. Collective memory and cultural history: problems of method // *American Historical Review*. 1997. № 103. Pp. 1386–1404.

³⁶ Kaustein Wulf. Finding meaning in memory: a methodological critique of collective memory studies // *History and Theory*. 2002. Vol. 41. Pp. 179–197.

³⁷ Science of Memory: Concepts / Roediger H.L.III, Dudai Y., Fitzpatrick S.M. (Eds.). Oxford University Press. 2007. 464 p.

³⁸ Kansteiner W., Weilnbock H. Against the Concept of Cultural Trauma // *Cultural Memory Studies* / Ed. by A. Erll. Berlin, N.Y.: De Gruyter, 2008. P. 229–240.

³⁹ Fortunati V., Lamberti E. Cultural Memory: A European Perspective // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nunning. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008. P. 127–140.

⁴⁰ Хаттон П. История как искусство памяти / пер. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2003.

⁴¹ Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская книга, 1997. 479 с.

⁴² Ле Гофф Ж. История и память / пер. К.З. Акопяна. М.: РОСПЭН, 2013. 303 с.

⁴³ Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с французского И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризян. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 725 с.

⁴⁴ Olick J.K. The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. New York: Routledge, 2007. 229 p.

⁴⁵ Bernhard M., Kubik J. (eds.) Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration. New York: Oxford University Press, 2014. 384 p.

⁴⁶ Lebow R.N., Kansteiner W., Fogu C. (eds.) The Politics of Memory in Postwar Europe. Durham: Duke University Press, 2006. 366 p.

⁴⁷ Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль; Русский Остров, 2004. 624 с.

⁴⁸ Sierp A. History, Memory, and Trans-European Identity: Unifying Divisions. New York: Routledge, 2014. 192 p.

⁴⁹ Аникин Д.А. Топология коллективной памяти: от социальных рисков к цивилизационным вызовам. Саратов: ИЦ «Наука», 2016. 163 с.

⁵⁰ Лойко О.Т. Феномен социальной памяти. Томск: ТГУ, 2002. 255 с.

⁵¹ Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры: дисс. ... д.ф.н. Н.Новгород, 2018. 332 с.

Анисимовой⁵², А.Г. Васильева⁵³ и др.⁵⁴, а также отражают критический подход к западным memory studies и определяют их концептуальные отличия от отечественной традиции гуманитарных исследований в этой области (Дахин А.В.⁵⁵).

В рамках настоящей работы западные memory studies рассматриваются с критических позиций, что позволяет выявить слабые стороны этих подходов, фрагментарный характер описания феномена социальной памяти. С опорой на отечественные традиции гуманитарного знания рассматриваются пути преодоления фрагментарности и достижения целостности в осмыслении феномена социальной памяти в аспектах диалектики «индивидуальное – коллективное» и «субстанциальное – атрибутивное», что позволяет выявить роль социальной памяти в качестве ключевого элемента в системе взаимодействия традиции и инновации. Целостное понимание социальной памяти как культурно-мировоззренческого феномена служит необходимым основанием для последующего анализа её сопряжения с инновационными процессами и разработки модели гармонизации функций социального памятования и социальных инноваций в современном российском обществе.

Философско-культурологическое направление представляет для нашей темы наибольший интерес, поскольку охватывает широкий комплекс вопросов, отражающих различные аспекты диалектики «традиции – новации». Исследования взаимосвязи феномена «традиции» в культуре и феномена «социальной памяти» в культуре позволяют рассмотреть становление отечественных теоретико-методологических ресурсов целостного изучения природы коллективной социально-исторической памяти, к которым относятся идеи о преемственности византийской религиозной культуры и русского православия XV–XIX вв. (о. П. Флоренский⁵⁶ и др.), идеи славянофилов о значимости патриархальных традиций православной крестьянской общины (А.С. Хомяков и др.), идеи общественно-политического консерватизма в общественном устройстве России XIX в. (И.А. Ильин и др.), идеи о «родовой памяти» народа как форме существования «сознания вообще» (С.Н. Трубецкой⁵⁷). В системе диалектического и исторического материализма XX в.

⁵² Анисимова С.Ю. Историческая память в историографии античной Греции: философский анализ взаимодействия // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 3–4. С. 13–17.

⁵³ Васильев А.Г. «Осевое время» memory studies: российский след // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 1(6). С. 6–11; Васильев А.Г. Традиция от классической философии к memory studies // Философские науки. 2012. № 12. С. 54–63.

⁵⁴ Мемориальное право: теоретико-исторические и практические аспекты: коллективная монография / под ред. А.А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2025. 356 с.

⁵⁵ Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 105–118.

⁵⁶ Флоренский П.А. Троице-Сергиевская лавра и Россия // О, Русь, волшебница суровая / сост., вступит. статья Л.Е. Шапошникова. Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. С. 208–230.

⁵⁷ Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания // Трубецкой С.Н. Сочинения. М.: Мысль. 1994. С. 483–717.

исследовалось «историческое познание» (А.И. Ракитов⁵⁸, В.Б. Устьянцев⁵⁹, и др.⁶⁰), «опережающее отражение»⁶¹, проблема «идеального»⁶², концептуализация представлений о традиции в культуре (Э.С. Маркарян⁶³), концепция системогенеза (А.И. Субетто, В.А. Шамахов⁶⁴ и др.).

Отечественный философский дискурс по вопросам диалектики «традиции – новации» в XIX в. был связан с дискуссией между славянофилами и западниками, где оформилось противопоставление названных социальных феноменов. В XX веке в поле диалектического и исторического материализма диалектика «традиции – новации» рассматривалась по линии классового подхода к развитию общества, по линии связи научно-технической революции и теории социалистической революции, практики построения социализма в СССР⁶⁵. В 1990-е гг. это направление было вытеснено интересом к философии техники, технического прогресса⁶⁶. В постсоветской России в дискурсе по вопросам диалектики «традиции – новации» присутствуют как элементы отечественных теорий и концепций, так и элементы западных теорий «модернизации»⁶⁷ (в том числе в аспекте модернизации России⁶⁸), «догоняющего развития»⁶⁹, «технореволюционеров» (Э.

⁵⁸ Ракитов А.И. Историческое познание. М., 1982.

⁵⁹ Устьянцев В.Б. Историческое сознание и историческая память // Исторические воззрения как форма общественного сознания: материалы научной межвузовской конференции (Саратов, 2 июня 1993 г.). Ч. 1. Саратов, 1995. С. 28–34.

⁶⁰ Концепции «исторического сознания» в настоящее время пришла концепция «исторического сознания». См.: Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.

⁶¹ Коган А.Б. Об опережающем отражении // Философские науки. 1985. № 2. С. 142.

⁶² Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984.

⁶³ Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1969. 228 с.; Маркарян Э.С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений // Методологические предпосылки исследования этнических культур: материалы симпозиума / ред. Э.С. Маркарян. Ереван: АН Арм. ССР, 1978. С. 84–90.

⁶⁴ Субетто А.И. Системогенетика ноосферы или ноогенетика и логика трансформации социальных основ бытия человечества // Системогенетика и проблемы глобального развития: коллективная научная монография / под науч. ред. А.И. Субетто и В.А. Шамахова. СПб.: Астерион, 2015. 286 с. С. 12–19.

⁶⁵ Кедров Б.М. К. Маркс о науке и техническом прогрессе. М.: Знание, 1985. 64 с. (Новое в жизни, науке и технике. Философия. 1985. № 2.); Научно-техническая революция и социализм / ред. Кедров Б.М. М.: Политиздат, 1973. 366 с.; Человек. Наука. Техника. Опыт марксистского анализа науч.-техн. революции. Копнин П.В. и др. – ред. М.: Политиздат, 1973. 366 с.; Ведута Н.И. Экономическая кибернетика. Очерки по вопросам теории. Минск: Наука и техника, 1971. 320 с.; и др.

⁶⁶ Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век: концепции и проблемы: в 3 ч. СПб: Мирь, 2011; Щуров В.А. Универсальность техники как объект социально-философского анализа: автореферат дисс. ... д. филос. н. 09.00.11. Н. Новгород. 1996. 39 с.; и др.

⁶⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 2004. 788 с.; Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Ивано-Франковск: Ист-Вью, 2002. 352 с.; Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 1998. 270 с.; и др.

⁶⁸ Пантин В.И. Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности. Москва: Русское слово, 2007. 125 с.; Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России (К обсуждению гипотезы) // Полис. Политические исследования. 1998. № 2. С. 39–51; Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. 255 с.; и др.

⁶⁹ Мау В. Догоняющая модернизация в современной России // Проблемы теории и практики управления. 2004. № 4. С. 13–16; Иноземцев В.Л. (включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов) Пределы «догоняющего» развития. М.: Экономика, 2005. 295 с.; Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Догоняющее развитие: современная трактовка. М.: Институт экономики РАН, 2012. 45 с.; и др.

Тоффлер⁷⁰), «современности» (Э. Гидденс⁷¹), «лёгкой современности» (З. Бауман⁷²), «социальных изменений» (П. Штомпка⁷³) и др. Инновации рассматриваются как элемент современной социальности⁷⁴, как способность человека выходить за рамки данности «трансцендировать данное»⁷⁵, как способ создания новых вариантов мышления и социального взаимодействия⁷⁶ и в других аспектах.

Современные процессы инноваций в обществе и в государстве в философской и культурологической плоскости рассматриваются в работах Э. Тоффлера⁷⁷, У. Бека⁷⁸, А. Моля⁷⁹, П. Сорокина⁸⁰, М. Кастельса⁸¹, П. Бурдьё⁸², П. Бергера⁸³, Д.К. Деннета⁸⁴, Ж. Бодрийара⁸⁵, Ги Дебора⁸⁶, С. Жижека⁸⁷, А.А. Зиновьева⁸⁸, В.А. Кутырева⁸⁹, М.В.

⁷⁰ Тоффлер, Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 776 с.

⁷¹ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 127–128.

⁷² Бауман З. Текучая современность. / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер. 2008. – 240 с. С. 129.

⁷³ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с английского. В.А. Ядов – ред. М: Аспект Пресс, 1996. 415 с.

⁷⁴ Meyer G. Social Innovation: What It Is, Why It Matters and How It Can Be Accelerated. London: The Young Foundation, 2007. 52 p.; Pol E., Ville S. Social innovation: Buzz word or enduring term? // The Journal of Socio-Economics. 2009. Vol. 38. № 6. P. 878–892; и др.

⁷⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 323 с. С. 110–115.

⁷⁶ Делёз Ж. Различие и повторение / пер. с фр. СПб.: Петрополис. 1998. 384 с. С. 108–115.

⁷⁷ Тоффлер Э. Метаморфозы власти / пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 669 с.

⁷⁸ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-традиция, 2000. 381 с.

⁷⁹ Моля А. Социодинамика культуры / пер. с фр., вст. ст., ред., примеч. Б.В. Бирбокова, Р.Х. Зарипова и С.Н. Плотникова. М.: Прогресс, 1973. 406 с.

⁸⁰ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений и больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер с англ., комментарии и статьи В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.

⁸¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. Москва. 2000. 606 с.

⁸² Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

⁸³ Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М.: «Медиум», 1995. 323 с.

⁸⁴ Деннет Д.К. Разум от начала до конца. Новый взгляд на эволюцию сознания от ведущего мыслителя современности / пер. с англ. М.С. Соколовой; науч. ред., предисл. А.Н. Фортунатов. М.: Бомбора, 2021. 527 с.

⁸⁵ Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр., сопроводительная статья С. Зелениена. М.: РУДОМИНО, 2002. 222 с.

⁸⁶ Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. О. Офертаса и М. Якубович; послесл. А. Кефал. М.: Логос (Радек), 2000. 183 с.

⁸⁷ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: ИД ДЕЛО, 2014. 528 с.

⁸⁸ Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. 507 с.

⁸⁹ Кутырёв В.А. Бытие и ничто. СПб.: Алетейя, 2010. 491 с.

Масловский⁹⁰, Н.А. Хренова⁹¹, А.П. Хохловой⁹², О.Р. Чепьюк⁹³ и др.⁹⁴ Работы упомянутых авторов охватывают контент исследований, в котором отражены противоречия, конфликты, происходящие по линии отношений «человек – новация – традиция», что формирует своеобразный запрос на исследование возможностей гармонизации этой линии социальных отношений. Рассмотрение вопросов взаимосвязи традиций и новаций в контексте исследований социальной памяти представлено в работах А.Г. Васильева⁹⁵, позиция которого отражает характерное для отечественных исследователей представление о том, что «концепт традиции в современном социально-гуманитарном знании трансформируется в направлении, сближающем его с понятием культурной (социальной) памяти»⁹⁶. Это положение вступает в противоречие с выводами исследований В.А. Кутырева о том, что современное западное социально-гуманитарное знание характеризуется тенденцией «изживания «человека как традиции» «по-научному»⁹⁷. Данное противоречие требует дополнительного исследования того, как современное социально-гуманитарное знание определяет отношения «социальная память – традиция – новация». Соединение отечественных традиций гуманитарных исследований XIX–XX вв. с волной *memory studies* и с современными западными теориями «модернизации», «изменений», «цифровой трансформации» общества создало актуальную область концептуально-методологических противоречий и разрывов, требующих философского рассмотрения и решения⁹⁸. В этом проблемном поле актуализируются вопросы возможностей, концептуальных и социально-политических оснований гармонизации политики памяти и политики инноваций в современных обществах, в том числе и в России.

⁹⁰ Масловский М. В. Советская модель модерна в современной исторической социологии // Электронная библиотека КиберЛенинка. 2019. URL: cyberleninka.ru

⁹¹ Хренов Н.А. Новая визуальность как проблема культуры. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 416 с.; Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве / отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Наука, 2004. 621 с.

⁹² Хохлова А.П. Феномен отчуждения в цифровом информационном пространстве общества потребления: автореферат дисс. ... к. филос. н. 5.7.7. Саранск, 2023. 26 с.

⁹³ Чепьюк О.Р. Экономика без человека: генезис пустоты. Н. Новгород: Экономика без человека: генезис пустоты: монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ. Н.И. Лобачевского, 2020. 209 с.

⁹⁴ Глозман А.Б. Наука и производство в интерпретации отечественных философов 60–80-х гг. XX столетия // Философия и общество. 2013. № 3. С. 105–120; Шулыгин Б.П. Российская цивилизация и технологический прогресс // Философия и общество. 2002. № 2. С. 138–162; Аксенова О.В., Бийжанова Э.К., Подъячев К.В. и др. Социокультурные основания советского модерна. Отв. ред. О.В. Аксенова. М.: ФНИСЦ РАН. 2022. – 300 с.

⁹⁵ Васильев А.Г. Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций // Человек и культура. 2015. № 1. С. 72–91; Васильев А.Г. Традиция от классической философии к *memory studies* // Философские науки. 2012. № 12. С. 54–63.

⁹⁶ Васильев А.Г. Традиция от классической философии к *memory studies* // Философские науки. 2012. № 12. С. 62.

⁹⁷ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с. С. 191.

⁹⁸ Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. 447 с.; Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 105–118.

Объектом настоящего исследования выступают современная социальная реальность, в которой присутствуют альтернативные формы социальной организации общества, альтернативные тенденции инновационных процессов и альтернативные концепции их описания.

Предметом настоящего исследования выступает отношение «социальная память – новации», которое рассматривается как неотъемлемая сторона современного общества и источник различных форм социальных новаций.

Цель исследования – определить роль социальной памяти в структуре современного общества, её значение в качестве фактора, действие которого обеспечивает дифференциацию форм и направления социальных инноваций, социальные противоречия, связанные с социальными инновациями, а также определить концептуальные основания гармонизации отношений «социальная память – новации» в контексте вопросов развития российского общества в XXI в.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Критический анализ философских подходов к пониманию природы социальной памяти.
2. Критический анализ философских подходов к пониманию природы современности в аспекте отношения «социальная память – новация».
3. Исследовать философские истоки современных концепций коллективной памяти и современности, традиции и новации, а также осуществить концептуализацию понятийного аппарата анализа диалектики взаимодействия социальной памяти и социальных инноваций.
4. Исследовать истоки основных социальных инноваций начала XX в., связанных с различиями социальной организацией общества в СССР и странах Запада, в аспекте анализа роли социальной памяти в формировании различий, а также взаимосвязи социальной памяти, новаций, в том числе роли памяти в движении новаций по линии «единичное – особенное – всеобщее».
5. Исследовать теоретические истоки современных представлений о социальной рамке организационно-государственной коллективной памяти и социальной рамке хозяйственно-экономической коллективной памяти, а также формы их взаимоотношений в альтернативных обществах стран социализма (на модельном примере СССР) и стран Запада (на модельном примере США).
6. Разработать концептуальную основу для современных исследований диалектики отношений «социальная память – новация», а также определить направления гармонизации

отношений «социальная память – новация» в контексте вопросов социального развития России в XXI веке.

Методологической основой исследования выступает теоретическая концепция диалектики «единичного», «особенного» и «всеобщего» Э.В. Ильенкова⁹⁹, которая используется для описания социальной динамики инноваций, диалектическая концепция системно-деятельностного подхода Л.А. Зеленова, определяющая принципы анализа отношений «человек – мир» и дающая системное описание деятельности, концепция бытия – памяти А.В. Дахина¹⁰⁰, которая определяет социально-онтологические основания в природе социальной памяти и их связь с вопросами социальной динамики, а также вводит в научный оборот понятия «социальная рамка организационно-государственной коллективной памяти» и «социальная рамка хозяйственно-экономической коллективной памяти»¹⁰¹.

В качестве теоретико-методологической основы критического анализа современных концепций социальных трансформаций, изменений, инноваций использованы работы профессора В.А. Кутырева¹⁰², которые определяют основные аспекты противоречий этих теорий и сущностной природы человека. Кроме того, в анализе современных социальных процессов исследование опирается на онтологические, философские и научные теории Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса¹⁰³, А.А. Богданова¹⁰⁴, Л.С. Выготского¹⁰⁵, А.Ф. Лосева¹⁰⁶, Э.С. Маркаряна¹⁰⁷, А.А. Зиновьева¹⁰⁸, А.Г. Дугина¹⁰⁹, А.И. Субетто¹¹⁰, Л.С. Васильева¹¹¹, С.Н.

⁹⁹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории теории. М.: Политиздат, 1984. 320 с.

¹⁰⁰ Дахин А.В. Онтология памяти. 2-е изд. М.: Юрайт, 2025. 136 с.

¹⁰¹ Дахин А.В. Человек – дом социального бытия: диверсификация рамок коллективной социально-исторической памяти // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 37–44.

¹⁰² Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. 2015.

¹⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице различных его пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2. Т. 3. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955. С. 7–544.

¹⁰⁴ Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука: в двух книгах / редкол.: акад. Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. Кн. 1. М.: Экономика. 1989. 303 с.; Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука: в двух книгах / редкол.: акад. Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. Кн. 2. М.: Экономика. 1989. 350 с.

¹⁰⁵ Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Сознание как проблема психологии поведения. М.: Педагогика, 1984. С. 78–98.

¹⁰⁶ Лосев А.Ф. Философия имени / предисл. А.Л. Доброхотова; послесл. В.И. Постовалова. М.: Изд-во МГУ, 1990. 269 с.

¹⁰⁷ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурных традиций // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96.

¹⁰⁸ Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. 507 с.

¹⁰⁹ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: ТИД Амфора, 2009. 351 с.

¹¹⁰ Субетто А.И. Манифест ноосферного социализма / под науч. ред. В.Г. Егоркина. СПб.: Астерион, 2011. 108 с.

¹¹¹ Васильев Л.С. История Востока: в 2 т. Т. 1. М.: Выс. шк., 1993. 495 с.

Гринченко¹¹², Р. Козеллека¹¹³, Ж.-Ф. Лиотара¹¹⁴, Ю. Муллиса¹¹⁵ и др. В критическом плане анализируются работы М. Вебера¹¹⁶, А. Моля¹¹⁷, Н. Лумана¹¹⁸, З. Баумана¹¹⁹, Й. Арнасона¹²⁰ и др., а также работы ряда наиболее часто цитируемых в отечественной литературе представителей западных *memory studies* — Дж. Олика¹²¹, Я. Кубика¹²² и М. Бернхардта, Р.Н. Лебоу¹²³ (в соавторстве с В. Канштайнером и К. Фогу), Д. Лоуэнталя¹²⁴, А. Сьерп¹²⁵ и др. Поскольку задача настоящего исследования состоит не в исчерпывающем анализе всего многообразия западных *memory studies*, а в выявлении характерных для этого поля тенденций, круг анализируемых источников ограничен наиболее часто цитируемыми в отечественной литературе «основоположниками»; общим для них философско-методологическим основанием выступает представление о социально сконструированной, дискретной природе памяти. Существенно при этом, что содержательный плюрализм концептуального аппарата западных *memory studies*, обусловленный многомерностью самого феномена памяти, не устраняет присутствующего в нём внутреннего социально-философского монизма — представления об изначальной раздробленности, дискретности социального опыта и субъекта, которому в настоящем исследовании противопоставляется не отрицание, а иной ракурс целостного восприятия предмета: целостная философская теория социальной памяти, не исключающая рассматриваемое многообразие проявлений одного и того же феномена.

¹¹² Гринченко С.Н. Социальная метаэволюция человечества как последовательность формирования механизмов его системной памяти // Исследовано в России. Электронный журнал. 2021. Т. 145. С. 1652–1681.

¹¹³ Козеллек Р. Историко-терминологическое введение // Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи: в 2-х т. Т. 1 / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арутюнова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 126–239.

¹¹⁴ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с франц. Н.А. Шматко. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 1998. 160 с.

¹¹⁵ Mullins Eustace. The Secrets of the Federal Reserve. The London connection. Boston: Federal Reserve Bank of Boston, 1982. 326 p.

¹¹⁶ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Пер. с нем; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2016-2019.

¹¹⁷ Моля А. Социодинамика культуры. Пер.с фр. Вступит ст., ред., примеч. Б.В. Бирбкова, Р.Х. Зарипова и С.Н. Плотникова. М.: Прогресс. 1973. – 406 с.

¹¹⁸ Луман Н. Общество как социальная система. // Общество общества. В 5-и книгах. Кн.1. М.: Логос. – 2011. С.15-201.

¹¹⁹ Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. — 240 с.

¹²⁰ Арнасон Й. Коммунизм и модерн. Пер. В.М. Масловского // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 11-35.

¹²¹ Olick J.K. The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. New York: Routledge, 2007. 229 p.

¹²² Bernhard M., Kubik J. (eds.) Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration. New York: Oxford University Press, 2014. 384 p.

¹²³ Lebow R.N., Kansteiner W., Fogu C. (eds.) The Politics of Memory in Postwar Europe. Durham: Duke University Press, 2006. 366 p.

¹²⁴ Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль; Русский Остров, 2004. 624 с.

¹²⁵ Sierp A. History, Memory, and Trans-European Identity: Unifying Divisions. New York: Routledge, 2014. 192 p.

На этой концептуально-методологической основе для решения задач исследования применяются методологические принципы системности, которые описывают помнящие системы, принцип синтеза и целостности, которые применяются для интеграции отдельных аспектов предмета исследования, принцип анализа и диверсификации, который используется при изучении альтернативных направлений социальных инноваций, принцип развития, который используется для уточнения роли социальной памяти в структуре социальной реальности, принцип историзма, который используется для анализа истоков ряда современных концепций и социальных процессов, принцип сравнительности, который используется для выявления общих и отличительных черт различных модусов социальной реальности, принцип детерминизма, который используется в описании функциональных аспектов отношения «социальная память – новация», принцип критического мышления, позволяющий выявлять сильные и слабые стороны действующих теорий социальной памяти и современности.

Рабочие определения основных понятий диссертационного исследования опираются на теорию культурных традиций Э.С. Маркаряна¹²⁶, на представления Д.С. Лихачёва¹²⁷ об историко-культурном наследии и «экологии культуры», а также на системно-деятельностный подход Л.А. Зеленова¹²⁸ и последовательно используются на всех дальнейших этапах анализа. Социальная память понимается как совокупность структур и механизмов общества, обеспечивающих сохранение, воспроизводство и передачу социально значимого коллективного опыта в единстве предметно-деятельностной, знаково-нозматической и идейно-мировоззренческой структур. Традиция понимается как содержательный, исторически определённый и социально значимый способ бытия коллективного опыта, сохраняемого и воспроизводимого структурами социальной памяти; традиция шире по объёму, чем историко-культурное наследие, которое понимается как предметно зафиксированная, материальная и духовная часть традиции (памятники, тексты, произведения искусства и пр.), доступная целенаправленному изучению и сохранению. Историко-культурная преемственность понимается как процессуальная характеристика связи между сменяющими друг друга состояниями традиции, обеспечиваемая действием социальной памяти. Инновация (в широком смысле) понимается как единичное или особенное отклонение от исторически сложившейся традиции, которое посредством действия социальной памяти может быть адаптировано и масштабировано до статуса

¹²⁶ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурных традиций // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96.

¹²⁷ Лихачёв Д.С. Экология культуры // Лихачёв Д.С. Заметки о русском. М.: Колибри; Азбука-Аттикус, 2014.

¹²⁸ Зеленов Л.А. Типология человеческой деятельности // Социология высшей школы. 1985. Вып. 2. С. 41–48.

всеобщей схемы деятельности общества; социальная инновация — новация в сфере социальной организации общества (институтов, норм, форм деятельности), в отличие от технологической новации; институциональная инновация — частный случай социальной инновации, связанный с изменением формальных норм и структур социальной организации. Развитие понимается как направленное, необратимое изменение общества, в котором диалектически связаны сохранение (традиция, память) и обновление (инновация). Деятельность понимается в системно-деятельностном смысле, разработанном Л.А. Зеленовым, как единство субъекта, объекта, средств, процесса и результата целенаправленного преобразования действительности, представляющее собой родовую характеристику человеческого бытия¹²⁹. Совокупность приведённых рабочих определений составляет авторскую концептуализацию отношения «социальная память — традиция — новация», последовательно применяемую при критическом анализе рассматриваемых далее философских подходов.

Научная новизна исследования заключается в философском обосновании необходимости и возможности гармонизации действия социальных инноваций и действия социальной памяти как взаимодополняющих процессов социального развития современного общества.

1. Предпринят критический анализ философских подходов к пониманию природы социальной памяти, который позволил определить особенности западных *memory studies* и отечественных философских исследований социальной памяти, определить основное противоречие этой сферы исследования социальной природы человека, охарактеризовать проявления этого противоречия в различиях подхода западных *memory studies* и отечественной тенденцией формирования целостной философской теории социальной памяти в контексте отношений «социальная память — традиция — новация», а также уточнить различия между социально-философской теорией К. Маркса (и опиравшейся на неё теории диалектического и исторического материализма) и современными теориями социальной памяти в России.

2. Предпринят критический анализ философских подходов к пониманию природы современности, который позволил определить основное противоречие в сфере исследования социальной природы человека (противоречие между социально-онтологическим и социально-праксеологическим подходами), выявить связь с социально-философской теорией К. Маркса, а также охарактеризовать проявления в сфере исследований отношений «социальная память — традиция — новация», в частности в

¹²⁹ Зеленов Л.А. Типология человеческой деятельности // Социология высшей школы. 1985. Вып. 2. С. 41–48.

различиях между отечественными представлениями о развитии общества, характерными для диалектического и исторического материализма XX в. в СССР, и представлениями западной социальной науки XX в. об общественном развитии.

3. Диалектическая взаимосвязь социальной памяти, традиции и инновации в контексте современности представлена через введение в предметное исследовательское поле понятия «событие современности», которое позволяет дать целостное описание элементарной, «атомарной» таксономической единицы современной социальной реальности, позволяет определить модусы события современности, их внутреннюю диалектику, связанную с фактором социальной памяти, а также содержательно уточнить понятия - историко-культурное наследие, историко-культурная преемственность, социальная инновация в их связи с онтологическими основаниями социальной реальности. Конкретно-историческое наполнение всей диалектической конфигурации обосновывается на примере анализа социальной теории К. Маркса, в которой экономическая теория и революционная теория анализируются как элементы особенной научной и социальной инновации, уточняется её роль в образовании альтернативных направлений общественных преобразований начала XX в. в СССР и в странах Запада.

4. Определён центральный элемент концептуальной основы гармонизации отношений «социальная память – новации», который описывает действие социальной памяти на макроструктурном уровне организации общества и функционирует в качестве основы, обеспечивающей движение (или отсутствие движения) инноваций по линии «единичное – особенное – всеобщее», обеспечивающей непрерывность (или прерывистость, незавершённость) инновационного процесса.

5. В контексте исследования диалектики взаимосвязи социальной рамки организационно-государственной коллективной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти раскрывается внутренне функциональное строение макроструктурного элемента социальной памяти, его связь с социальной рамкой организационно-государственной коллективной памяти и с социальной рамкой хозяйственно-экономической коллективной памяти, а также определяется роль социальной памяти в формировании двух направлений развития социальной инновации, начальный этап которой был ознаменован появлением в XIX в. социально-философской теории К. Маркса и Ф. Энгельса, а заключительный этап – в XX в., когда новация обрела статус всеобщей схемы действия, который был ознаменован возникновением «общества социализма» (рассмотрено на модельном примере СССР) и общества модерна (рассмотрено на модельном примере США).

6. Дано описание концептуального подхода к целостному пониманию отношений «социальная память – новация», на базе которого определены 4 основных измерения гармонизации отношений «социальная память – новации» применительно к вопросам развития современной России: 1) научное; 2) геополитическое; 3) российское внутриполитическое; 4) измерение, связанное с вопросами сохранения и развития российских традиционных духовных ценностей, сохранения «человека как традиции» в перспективе движения России к рубежу XXII века.

Положения, выносимые на защиту

1. Определены два фундаментально различающихся по философским основаниям подхода к исследованию социальной памяти, один из которых – это бесконечный плюрализм, характерный для западных memory studies, а второй – это целостное философское восприятие социальной памяти, которое характерно для отечественной гуманитарной культуры. В аспекте отношений «традиция – новация» для западных memory studies XX в. характерна тенденция исключения понятия «традиция» из исследовательского контекста, так что функционирование социальной памяти редуцируется к отношению, определяемому, в частности, в терминах «горячая опция» и «холодная опция» (по Я. Ассману), основой которых выступает процесс «изменений» и отношение «новация – новация», которое в более широком плане обосновывает направленность государственной политики западных государств на приоритеты транс- и постгуманизма. Альтернативная тенденция, характерная для отечественной гуманитарной культуры XX века, рассматривает природу социальной памяти, сохраняя и развивая концепцию диалектики «традиция – новация», которая в более широком плане рассматривается в качестве основы для обоснования направленности российской государственной политики как на приоритеты традиционных ценностей, так и на приоритеты инновационного развития.

2. Определено содержание основного противоречия философских подходов к пониманию природы современности в её взаимосвязи с феноменами социальной памяти, инноваций и традиций, обусловленное, во-первых, динамикой праксеологического поворота мировоззренческой культуры общества конца XIX – начала XX вв., то есть такой всеобщей схемой деятельности, в которой происходит нарушение диалектической взаимосвязи социально-онтологических и социально-праксеологических аспектов социальной реальности. В западных теориях memory studies названное противоречие проявляется в отрицании связи современности и традиции, в отрицании связи природы коллективной социально-исторической памяти с сущностной природой человека как традиции, а также в преувеличении роли социальной памяти в качестве инструмента социальных изменений в актуальной социально-политической среде. В отечественных

исследованиях социальной памяти проявление этого противоречия состоит в определённой растерянности и невнятности в изучении концептуальной связи преемственности между современной тематикой исследований социальной памяти и контекстом отечественного диалектического и исторического материализма XX века. Определено также, что следствием указанного противоречия является противопоставление концепций современности без памяти, которая характерна для западных теорий современности, и концепций помнящей современности, представления о которой складываются и рассматриваются как перспективные в отечественной социальной философии и культуре.

3. В предметное исследовательское поле введено понятие «событие современности», которое отражает текучий характер современной социальной реальности, охватывает диалектику всех компонентов деятельности человека, включает контур её публичного восприятия, а также диалектику сфер социального бытия и социального существования общества. В качестве концептуальной основы исследований социальной памяти в контексте современности полагается отношение «событие современности – социальная память – социальная традиция», в свете которого определяется содержание диалектики традиционных событий современности и инновационных событий современности, которое сводится к тому, что критерием определения события современности в статусе традиционного или инновационного является его соотношение с онтологическим потоком-традицией, присутствие которого обусловлено действием социальной памяти. Действие социальной памяти является неотъемлемым элементом социальной динамики, в которой взаимосвязаны историко-культурная преемственность и социальные инновации, определения которых уточнены через из-за связь с перманентным преодолением барьеров социальных ротаций, смены поколений, по позволяет определить весь диалектический комплекс рассмотренных понятий как описание способности общества оставаться «тем же самым» по своей сути. Понятие «барьеры социальных ротаций» отражает наличие в социальной реальности поколенческих и иных социальных разрывов, которые препятствуют, перманентному присутствию традиции в социальном пространстве времени. В свете этого подхода традиционное событие современности определяется как модус здесь-и-теперь данной деятельности в сфере существования сообщества как «того же самого» по сути. Содержание и формы традиционного события современности имеют аналоги, прототипы в достоянии культуры сообщества, сформированной его предшествующей историей. Инновационное событие современности – это модус здесь-и-теперь данной деятельности в сфере существования сообщества как «того же самого», содержание и формы которой не имеют аналогов и прототипов в исторически сложившемся достоянии

культуры этого сообщества или представляют собой часть неизвестной ранее социальной традиции иного сообщества, или являются частью забытой традиции.

4. Цепочка диалектически взаимосвязанных функций социальной памяти, обеспечивающих движение (или отсутствие движения) инноваций по линии «единичное – особенное – всеобщее», определена в качестве внутренне целостной петли социальной памяти, встроенной в социальную реальность на уровне макроструктурной динамики. Целостный контур петли социальной памяти макроструктурного уровня обеспечивает непрерывность инновационного процесса, генерирует «спиральное» развитие инноваций, результатом которого становятся, с одной стороны, всё новые и новые всеобщие схемы деятельности в обществе и, с другой стороны, динамическое присутствие человека в качестве «того же самого» по своей сути на протяжении всей истории. Нарушение, разрушение, функциональная незавершённость целостности петли социальной памяти макроструктурного уровня в сфере социального существования проявляется в виде неприятия, остановки, отмирания, инноваций, отсутствия внедрений, а также в виде ослабления, утраты качества быть «тем же самым» (по своей сути) человеком и быть «тем же самым» (по своей сути) обществом, - то есть в виде утраты связи «современности» общества с его же собственной предшествующей историей. Под движением инновации по линии «единичное – особенное – всеобщее» понимается изменение социального статуса новации: от статуса единичного, случайного события в практике отдельного социального субъекта - через статус особенного, устойчиво воспроизводимого обстоятельства практики конкретной группы, - до статуса всеобщей схемы деятельности, разделяемой обществом в целом. Барьеры социальных ротаций - понятие, обозначающее совокупность поколенческих, институциональных и коммуникативных разрывов социальной реальности, способных прерывать передачу социального опыта во времени. Целостная петля социальной памяти - понятие, фиксирующее диалектическое единство функций преодоления барьера ротаций, адаптации и масштабирования новации, нарушение которого приводит к остановке, забвению или незавершённости инновационного процесса.

5. Внутренне строение петли социальной памяти на макроструктурном уровне охватывает: а) функцию преодоления барьера социальных ротаций и сохранения новации в качестве особенного обстоятельства социальной реальности, б) функцию адаптации новации в качестве особенной деятельности конкретно-исторического социального субъекта, в) функцию масштабирования отдельной новации в статус всеобщей схемы деятельности конкретно-исторического общества / страны. Присутствие петли социальной памяти макроструктурного уровня раскрыто также в качестве неотъемлемого элемента функционирования социальной рамки организационно-государственной памяти и

социальной рамки хозяйственно-экономической памяти, первичные описания элементов которых прослеживаются с исторического рубежа научной новации К. Маркса и Ф. Энгельса. Различные формы соотношения статусов социальной рамки организационно-государственной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти в обществе являются онтологической основой разделения праксеологического поворота начала XX в. на направление, по которому формировалось общество социализма (рассмотрено на модельном примере СССР), и на направление, по которому формировалось общество модерна (рассмотрено на модельном примере США). Противоречие между обществом социализма (СССР) и обществом модерна (страны Запада) трансформируется в начале XXI в. в противоречие между обществом социального государства (Россия) и обществом постмодерна (страны Запада) и, как и в XX в., имеет в своей основе различные формы взаимоотношений социальной рамки организационно-государственной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти в России и в странах Запада.

6. В целом предлагаемая концептуальная основа современной диалектики отношений «социальная память – традиция – новация» охватывает диалектику отношений «современность – социальная память – традиция», диалектику отношений функций социальной памяти, объединённых в строении макроструктурной петли социальной памяти, а также диалектику взаимосвязи социальной рамки организационно-государственной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти. С этих концептуальных позиций гармонизация в отношениях «социальная память – новация» определяется в четырёх основных измерениях: 1) в научном, как концептуальная основа интеграции социально-философского и киберинформационного знания в исследовании социальной эволюции как последовательности шагов формирования системной памяти человека и общества; 2) в геополитическом, как концептуальная основа обоснования истока современной многополярности и обоснования социальной значимости государственного суверенитета; 3) в российском внутривнутриполитическом аспекте, как концептуальная основа самоопределения России в качестве правопреемницы общества социализма (а не общества модерна), продолжающей отечественную «спираль» новаций в направлении развития социального государства; 4) в аспекте вопросов сохранения и развития российских традиционных духовных ценностей, как концептуальная основа обоснования социальной значимости идейно-мировоззренческой структуры социальной памяти, являющейся общим базисом для социальных рамок организационно-государственной и хозяйственно-экономической коллективной памяти российского государствообразующего сообщества, базисом, который может обеспечить сохранение «человека как традиции» в перспективе движения российского общества к рубежу XXII века.

Теоретическая значимость работы состоит в раскрытии философского понимания внутренней диалектической структуры социальных изменений и новаций, связанных с развитием общества, в основе которых лежит действие социальной памяти, в концептуальной проработке которой определены существенные различия между западными memory studies и перспективными отечественными философскими подходами. Теоретическая значимость состоит также в том, что исследование социально-философских представлений о современности рассмотрено как сфера проявления различий в понимании роли социальной памяти в современной социальной реальности, которое характерно для западных memory studies и перспективных отечественных философских подходов, а также в том, что исследование раскрывает роль социальной памяти в разделении социального инновационного потока рубежа XX в. на конфликтующие между собой направления, одно из которых было ориентировано на формирование общества социализма (СССР и страны социализма), а другое – на формирование общества модерна (США и страны Запада). Кроме того, на концептуальной основе современного диалектического понимания природы отношений социальной памяти определены направления гармонизации отношений «социальная память – новации» в контексте вопросов развития современной России.

Практическая значимость заключается в возможности применения материалов диссертации для преподавания дисциплин гуманитарной подготовки в вузах России, а также в том, что разработанная концептуальная модель социальных оснований гармонизации отношений «социальная память – новации» может быть использована для кооперации социально-философского и киберинформационного подхода при организации прикладных исследований социальной памяти в России, для уточнения содержания стратегических приоритетов развития России в XXI в., для уточнения приоритетов формирования и развития идейно-мировоззренческой культуры российского общества, в том числе в ходе развития гуманитарного блока в государственной системе образования.

Структура работы обусловлена логикой философского анализа заявленной темы и соответствует поставленным целям и задачам. Работа состоит из введения, двух глав, посвящённых теоретико-методологическим основаниям исследования, анализу противоречий и точек сопряжения между памятью и инновациями, а также разработке философской концептуальной основы гармонизации отношений «социальная память – новации». Завершается исследование заключением и списком литературы.

Апробация результатов исследования.

Результаты исследования изложены соискателем в 8 научных публикациях общим объемом 3,65 п.л., в том числе в четырех реферируемых журналах, рекомендованных ВАК

Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов докторских и кандидатских диссертаций.

Основные положения диссертационной работы были представлены в докладах и сообщениях на научно-практических, международных, межрегиональных конференциях: «Диалог мировоззрений: человек в мире современной экономики» (международный симпозиум, НИУ РАНХиГС, г.Нижний Новгород, 2015, «Формирование исторического сознания и памяти в процессе обучения: крах или новые возможности?»), «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» (международная научно-практическая конференция, г.Москва, 2025, «Наследие под давлением времени: философский взгляд на сохранение исторической памяти в Большой Евразии»), «Цивилизационные основы российской государственности: Диалог мировоззрений в системе многополярного мира» (международный симпозиум, НИУ РАНХиГС, г.Нижний Новгород, 2025, «Искусственный интеллект и историческая память - философия процесса»), «Цивилизационные основы российской государственности: «Научный диалог: теория и практика» (международный научный форум, г.Москва, ООО «Инфинити», 2025, «Философское понимание прогресса и инноваций в сохранении исторической памяти»), «Высшая школа: научные исследования» (межвузовский международный конгресс, г.Москва, ООО «Инфинити», 2025, «Философия памяти в эпоху искусственного интеллекта: вызовы и перспективы»).

ГЛАВА 1. ФИЛОСОФСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Глава посвящена вопросам критического анализа философских подходов к пониманию природы социальной памяти, в рамках которого анализируются как западные, так и отечественные тенденции в этой области, которые характеризуются высоким уровнем плюрализма теоретических подходов. С опорой на диалектическую методологию исследование ориентировано на выявление основных противоречий в понимании социального отношения «традиции – новации», как они проявляются в исследованиях социальной памяти; осуществляются критический анализ и определение философских подходов, обеспечивающих целостное понимание диалектики понятий «традиция» – «новация» в системе современного общества.

§ 1.1. Социальная память в поле отношений «традиция – новация»

Интерес и активность исследователей социальной памяти усиливаются в условиях общества модерна и постмодерна XX в., когда ускорение времени, кибернетизация, информатизация и цифровизация, фрагментация исторически сложившихся культурных кодов и пр. приводят к разрушению традиционных образов жизни людей и к появлению новых. Изменение укладов, строя, образов жизни имеет как институционально-государственные измерения, так и интеллектуально-мировоззренческие. В первом аспекте процесс изменений непосредственно связан с политиками разных государств, разнообразие интересов и приоритетов которых объединяет отдельные страны в большие геополитические макрорегионы, которые строят между собой отношения «дружественности – недружественности», а также поддерживают разные тенденции изменения государства в перспективе приближения к рубежу XXII века (так современная Россия ориентируется на перспективу сохранения социального, антропомерного государства, тогда как в странах Запада просматривается тенденция становления кибергосударства¹³⁰). Во втором, интеллектуально-мировоззренческом аспекте, изменения проявляются в росте нового социального разнообразия умонастроений и представлений о ценностях, которое генерируется «обществом потребления», при этом новое социокультурное разнообразие вступает в противоречие с традиционным, исторически сложившимся социокультурным разнообразием. Наиболее острым и актуальным проявлением является противоречие между традиционным гендерным диморфизмом и

¹³⁰ Дахин А.В. Политические эпохи на шкале исторического времени: переосмысление привычных концепций // Политическая концептология. 2022. № 2 (апрель – июнь). С. 14–31. С. 26.

новым «гендерным разнообразием», которое стало своеобразной визитной карточкой западного прогресса. Новое социокультурное разнообразие и его «визитная карточка» поддерживаются политиками западных государств, при этом традиционные, исторически сложившиеся формы социокультурного разнообразия маргинализируются, становятся предметом социального «буллинга» или запрещаются (запрет на установку новогодней елки, рождественского вертепа в ряде стран Западной Европы и пр.). Влияние этих тенденций достигает и территории России, которая вынуждена предпринимать защитные меры по отношению к феномену брака¹³¹, по отношению к исторической правде¹³², по отношению к традиционным ценностям¹³³ и пр. В этом масштабном геополитическом и геомировоззренческом контексте мы рассматриваем вопросы отечественной теории социальной памяти и политики памяти, взятые применительно к полю отношений «традиции – новации». Анализ исследований социальной памяти позволяет достаточно отчётливо выделить аспект, в рамках которого тематика памяти соотносится с понятием «традиции», а также аспект, в рамках которого тематика памяти соотносится с понятиями «изменения», «новации».

Отечественные исследования социальной памяти берут начало в сфере религиозно-философских концепций русской культуры, отразившей строй Российской империи XIX в., как конкретно-исторической формы национального государства русских, находят своё продолжение в сфере философской культуры диалектического и исторического материализма, отразившего строй СССР XX в., как пролетарского и многонационального по своей социальной природе государства, а также продолжают в поле философской культуры современной России, которая преодолела классовую разделённость своего государствообразующего сообщества¹³⁴, характерную для XX века, и в горизонте XXI века

¹³¹ Защитную функцию выполняет поправка 2020 г. к Конституции, ст. 72, см.: Закон Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», пункт «ж. 1», часть 1, статья 72.

¹³² Москалев Г.Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 8. С. 1072–1073.

¹³³ Защитную функцию выполняет Указ президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». См. также: Скоробогатов А.В. Мемориальное законодательство как средство сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей // Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как основа развития Российской государственности: исторические, правовые и межкультурные аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию принятия 1-й союзной Конституции 1924 г. и 30-летию Конституции Республики Бурятия, Улан-Удэ, оз. Байкал, 27–29 июня 2024 года. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2024. С. 162–166.

¹³⁴ Дахин А.В. Народы СССР и народ Российской федерации: теория и практика определения государствообразующего сообщества // История и политика: Национальный вопрос и национальная идея в многонациональном государстве: проблемы, решения, опыт, перспективы: сборник научных статей. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2023. С. 151–159.

ориентирована на строй социального, многонационального, светского и демократического государства¹³⁵.

На первом этапе необходимо выделить понятие «родовой памяти» в исследованиях С.Н. Трубецкого, который в 1889–1891 гг. использовал его для определения онтологической основы «сознания вообще»¹³⁶. Основной смысл термина сводится к тому, что это своеобразная всеобщая коллективная основа сознания как такового, взятого вне конкретного времени и пространства, в отношении которой отдельно взятая человеческая личность выступает в качестве феномена единичной явленности. Ряд работ Н.А. Бердяева дают описательное видение функционирования социальной памяти через исследования исторической переклички культурных эпох¹³⁷, через генезис крупных исторических событий¹³⁸, через исследование внутренней природы самопознания, в результате которого раскрывается панорама социального памятования личности, вбирающей в себя коллективный опыт культурного наследия своей цивилизации¹³⁹. О.Т. Лойко отмечает значение работ Н.А. Бердяева, «в которых отстаивается активный, творческий, избирательный характер памяти человека»; работ П.А. Флоренского, понимавшего «память человека в имманентной глубинной связи с Богом»; работ В.С. Соловьева и Л.М. Лопатина, которые понимали «память как надвременное в сознании»¹⁴⁰. Общая религиозно-философская основа этих исследований предопределила фундаментальную онтологичность представлений о роли социальной памяти в системе общества, хотя выверенных концептуальных определений феномена социальной памяти они не дают. Научно-экспериментальные основания природы памяти («биологической памяти», по терминологии А.В. Дахина¹⁴¹) в отечественной культуре в ходе исследований высшей нервной деятельности животных (условных рефлексов) в 1890-х гг. были раскрыты И.П. Павловым¹⁴², в 1904 г. за эти исследования получившим Нобелевскую премию. Значение

¹³⁵ Дахин А.В. Идея социального и светского государства: феноменология конституирования в России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1(45). 2019. С. 274–278; Дахин А.В. Россия как многонациональный народ: конституционная норма, философия и идентичность в информационном обществе // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1(49). 2020. С. 210–217.

¹³⁶ Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания. Соч. М.: Мысль, 1994. С. 483–717.

¹³⁷ Бердяев Н.А. Новое средневековье: Размышление о судьбе России и Европы. Берлин: Обелиск, 1924. 142 с.

¹³⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Юрайт, 2025. 178 с.

¹³⁹ Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея. М.: Эксмо, 2009. 702 с.

¹⁴⁰ Лойко О.Т. Онтология социальной памяти: автореф. дисс. ... д.ф.н., 09.00.01 / Сибирский государственный аэрокосмический университет им. академика М.Ф. Решетнева. Красноярск, 2004. 54 с. С. 6–8.

¹⁴¹ Дахин А.В. Память, история, вселенная: на пути к новой онтологии реальности // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1(3). С. 19–34. С. 28, 30.

¹⁴² Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных – условные рефлексы (Статьи, доклады, лекции, речи) // Павлов И.П. Полное собрание трудов: в 5 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 607 с.

исследований И.П. Павлова состояло в т.ч. в создании школы экспериментального исследования высшей нервной деятельности, потенциал которой раскрывается применительно к исследованиям природы социальной памяти на следующем, советском этапе интеллектуальной отечественной истории, в рамках философско-психологической теории деятельности С.Л. Рубинштейна¹⁴³, в рамках культурно-исторической теории социальной психики человека, разработанной Л.С. Выготским¹⁴⁴. Психологическая теория Л.С. Выготского заложила фундаментальные концептуальные и экспериментальные основы для научного понимания коллективной природы социальной памяти, а также для обоснования роли коллективной социальной памяти (как субстанциально первичного фактора) в формировании индивидуально-личностной памяти человека (как субстанциально вторичного фактора), ключевыми для описания которой выступают понятия «двигательное поле», «предмет-метка памяти», «речь» и др. Теория социальной памяти Л.С. Выготского, хотя и получила определённое развитие у его последователей¹⁴⁵, тем не менее, не была по достоинству оценена и интегрирована в официальные социальные теории советского периода. Её значение состоит в том, что на экспериментальной доказательной базе раскрывается фундаментальная социально-психологическая природа речи / языка, являющихся одной из базовых структур коллективной социально-исторической памяти¹⁴⁶.

Основное направление официального диалектического и исторического материализма разрабатывало концепцию «трудовой теории» происхождения речи¹⁴⁷ и концепцию «исторического познания»¹⁴⁸. В рамках исторического материализма социальная история рассматривалась как история революций, в этом состоял её поучительный смысл, приобщение к которому обеспечивалось именно «историческим познанием»¹⁴⁹. Переход от концепции «исторического познания» к концепции «социальной памяти» был намечен в работах В.Б. Устьянцева¹⁵⁰. Слабая сторона социальной теории К.

¹⁴³ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. 287 с.

¹⁴⁴ Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Сознание как проблема психологии поведения. М.: Педагогика, 1984. С. 78–98.

¹⁴⁵ Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти: Ум мнемониста. М.: МГУ, 1968. 88 с.; Леонтьев А.А. Язык, деятельность, социальная память // Вопросы философии. 1988. Вып. 6–7. С. 340–345.

¹⁴⁶ Дахин А.В. Актуальные исследования коллективной социальной памяти: перспектива философской концептуализации // Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки: сб. науч. статей / ред. А.В. Дахин. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2011. С. 9–16.

¹⁴⁷ Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Издательство политической литературы, 1984. 462 с.

¹⁴⁸ Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. 303 с.

¹⁴⁹ Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 105–118. С. 110.

¹⁵⁰ Устьянцев В.Б. Социальная память и начало исторического знания // Филос. вопр. социал. Познания: межвузовский научный сборник. Саратов: Изд. Саратовского ун-та. 1980. С. 37–50; Устьянцев В.Б.

Маркса была обусловлена тем, что она «смогла разглядеть две фундаментальные формы отношения человека к собственной истории, но не разглядела третьей, не менее фундаментальной формы, – формы коллективной социально-исторической памяти»¹⁵¹. В русле официально не одобрявшихся, периферийных теорий советского периода выделяется концепция «речевых жанров» М.М. Бахтина, в которой просматривается связь с психологической теорией Л.С. Выготского, но феномен речи / языка был проработан в аспекте языкознания, в форме концепции «высказывания», как реальной единицы речевого общения, диалога. В этой концепции в комплексе понятий – «наличное существование», «бытование», «связь истории общества и истории языка», «обладание» репертуаром устных речевых жанров, «данность» родного языка, «опыт» высказываний, «угадывание» речевых жанров и др. – представлены очертания сферы функционирования социальной памяти в аспекте проблемы «общенародного и индивидуального в языке»¹⁵². К периферийным теориям советского периода относились и результаты научной деятельности тартуской семиотической школы Ю.М. Лотмана, в поле деятельности которой прорабатывались вопросы социального функционирования того, что Л.С. Выготский определял понятием «предмет-метка памяти»¹⁵³, а также разрабатывался культурологический аспект социальной памяти¹⁵⁴. Наиболее масштабное и глубокое описание функционирования социальной памяти на материале исторического развития античной мифологии было представлено в работах А.Ф. Лосева¹⁵⁵, который также разработал целостную концепцию «философии имени», конспективно оформившую общие основания отечественных лингвистических, языковедческих, литературоведческих, культурологических, семиотических исследований¹⁵⁶. В рамках этого же периода необходимо отметить концептуально значимое понятие «историческая детерминация», разработанное в кандидатской диссертации А.В. Дахина «Системный анализ основных типов взаимодействия в материальном мире». Понятием «историческая детерминация» определялся феномен влияния предшествующей истории на характер актуальных социальных взаимодействий предметного мира и отмечалось, что механизм исторической

Социальный и гносеологический аспекты становления исторического знания: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. 09.00.00. Саратов, 1972. 17 с.

¹⁵¹ Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории. С. 111.

¹⁵² Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 428–472.

¹⁵³ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история / предисл. В.В. Иванова. Тартус. ун-т. М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1996. 447 с.

¹⁵⁴ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избр. ст.: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200–202.

¹⁵⁵ Лосев А.Ф. Античная мифология в её историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.

¹⁵⁶ Лосев А.Ф. Философия имени / предисл. А.Л. Доброхотова; послесл. В.И. Постовалова. М.: Изд-во МГУ. 1990. 269 с.

детерминации в абиотическом мире связан с действием «законов природы», в биотическом мире – с функционированием генетических систем живых организмов, в социальном мире – с целесообразностью человеческой деятельности¹⁵⁷. Концептуальное описание связи «исторической детерминации» и «целей» деятельности человека давало дополнение и уточнение к понятию «опережающего отражения», в свете которого прошлый опыт человека и общества рассматривается как основание для «забегания в будущее»¹⁵⁸.

Во всех перечисленных исследованиях сферы функционирования социальной памяти в той или иной степени сохраняется связь с теми социальными реалиями, которые определяются понятиями «традиция» («родовая память», «историческое познание», «историческая детерминация» и др.) и «новация» («революция», «целеполагание» и пр.). Исследование традиций, как и в западной гуманитарной науке, образует собственный горизонт восприятия человека и социальных процессов, который находится в динамике повышения и понижения интереса к этой тематике. Так в России XIX в. повышение интереса было связано со славянофильским философско-гуманитарным течением, с религиозно-философскими идеями П. Флоренского, С. Булгакова и др. В начале XX в. в революционные времена зарождения советской власти интерес к традициям уступал место важности дела революции: «В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения, как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплуатации человека человеком»¹⁵⁹. Последующая практика социалистического культурного строительства вновь усилила внимание к социальной роли традиций, в частности, филологические исследования древней русской литературы Д.С. Лихачёва¹⁶⁰ пробивали себе дорогу благодаря тщательной подборке цитат из произведений В.И. Ленина. Например, положение о том, что без «ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру, – без такого понимания нам этой задачи не разрешить»¹⁶¹, а также о том, что «марксизм отнюдь не

¹⁵⁷ Дахин А.В. Системный анализ основных типов взаимодействия в материальном мире: автореферат дисс. ... канд. филос. наук, 09.00.11. Иваново, 1988. 19 с.

¹⁵⁸ Коган А.Б. Об опережающем отражении // Философские науки. 1985. № 2. С. 142–143.

¹⁵⁹ Ленин В.И. О пролетарской культуре // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат. 1974. Т. 41. Май – ноябрь 1920. С. 336–337, с. 336.

¹⁶⁰ Лихачёв Д.С. Введение // История русской литературы X–XVII вв.: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье и др.; под ред. Д.С. Лихачева. М.: Просвещение, 1979. 431 с.

¹⁶¹ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи: речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 41. Май – ноябрь 1920. С. 298–318, с. 304–305.

отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»¹⁶². Особенность общественно-политического контекста СССР отражает издание «Ленин В.И. О культуре», в предисловии к которому со ссылкой на высказывание Л.И. Брежнева и на решения XXV съезда КПСС отмечается, что социалистическая культура «неразрывно связана с лучшими национальными традициями» и «вместе с тем новаторская, интернационалистская, отражающая творческий гений многих наций и народностей»¹⁶³. В этот период повышения интереса к традиционности культур идею концептуальной связи традиции, культуры и описательного образа социальной памяти выразил в своих работах Э.С. Маркарян¹⁶⁴. В отличие от западных исследователей (Э. Шилз¹⁶⁵), которые исключали саморазвитие традиций, Э.С. Маркарян обосновывал глубинную тенденцию традиции, аккумулирующей жизненный опыт людей, к самоорганизации и саморазвитию¹⁶⁶.

Научно-теоретические концепции советского периода создавались и существовали параллельно с достаточно активной политикой памяти, которая определялась в понятиях «увековечивания памяти выдающихся деятелей» и относилась к тому, что в настоящее время определяется понятием «мемориальные законы»¹⁶⁷. Как и в теоретических исследованиях, где термин «память» напрямую использовался далеко не всегда, в области советской публичной политики термин «политика памяти» не применялся, хотя как таковая политика в вопросах сохранения памяти об одних исторических событиях и «стирания» памяти о других событиях имела место на протяжении всего периода существования СССР. Её начало связано с увековечиванием памяти о «Великой Октябрьской социалистической революции» 1917 г., а также с увековечиванием памяти о «вождях» и видных деятелях революции, погибших в годы гражданской войны, о деятелях партийного и советского государственного строительства. Наиболее крупными событиями были меры по увековечиванию памяти В.И. Ленина¹⁶⁸ и И.В. Сталина, а также события, связанные с

¹⁶² Ленин В.И. О пролетарской культуре. С. 337.

¹⁶³ Ленин В.И. О культуре. М.: Политиздат, 1980. 336 с. С. 3.

¹⁶⁴ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурных традиций // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96; Маркарян Э.С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений // Методологические предпосылки исследования этнических культур: материалы симпозиума / ред. Э.С. Маркарян. Ереван: АН Арм. ССР, 1978. С. 84–90.

¹⁶⁵ Шилз Э. О содержании термина «традиция» // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / сост. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 240–245.

¹⁶⁶ Васильев А.Г. Традиция: от классической философии к memory studies // Философские науки. 2012. № 12. С. 54–63; 57–58.

¹⁶⁷ Дорская А.А., Дорский А.Ю. Мемориальные законы как инструмент легитимации власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 223–238.

¹⁶⁸ Постановление 2-го Съезда Советов СССР 26 января 1924 г. «О сооружении памятников В.И. Ленину» // Справочник партийного работника. 1924. Вып. IV. С. 295. Интернет публикация. Подг.: М.В. Зеленев. URL: <https://opentextnn.ru/space/leniniana/postanovlenie-2-go-sezda-sovetov-sssr-26-janvarja-1924-g-o-sooruzhenii-pamjatnikov-v-i-leninu>; Сообщение Комиссии по увековечению памяти В.И. Ульянова (Ленина) от 13 июня 1924 г. URL: https://pretich.ru/articles.php?article_id=811.

частичным «стиранием» памяти о Сталине, политически обоснованные задачами «преодоления последствий культа личности»¹⁶⁹. Фактическое столкновение актуальной государственной политики строительства советской власти с действием структур коллективной памяти прослеживается в целом ряде исторических эпизодов, которые, однако, до сих пор не рассматриваются под этим углом зрения. Такова, например, была политика «латинизации»¹⁷⁰, от которой центральная власть была вынуждена отказаться, такова же была политика «коренизации», от которой также отказались с использованием мер принудительной остановки¹⁷¹. В свете соотношения «традиции – новации» политика советской власти строилась на том, что новации создавались либо на положительном отношении государства к традициям, либо на отрицательном отношении к ним. В первом случае политика базировалась на стремлении сохранения, продолжения и закрепления традиций (революционной традиции, традиции народовластия и советов, традиции марксизма и естественных наук, традиции просвещения, традиции общинного, коллективного пользования землёй и прочими средствами производства, традиции централизованного государства и др.). Социальные, инженерные, научные новации в этом сегменте государственной политики, имея опору на опыт предшествующей истории, приводили к успеху, к новым достижениям (электрификация, создание атомной, космической отрасли, отрасли по производству удобрений, генетики, создание индустриально организованного сельского хозяйства и др.). С другой стороны, существовал сегмент государственной политики, отражавший стремление изжить, искоренить традиции, определявшиеся в понятиях «родимые пятна» прошлого¹⁷² (традицию православной, исламской и пр. религиозности, связанные с ними традиции местного самоуправления, традицию частного домохозяйства, традицию рыночного товарно-денежного обмена и др.). Социальные новации в этом сегменте государственной политики, действуя в противоположность исторически сложившемуся опыту, к успеху не приводили, создавали зоны социальных противоречий, теневых социальных практик, вынуждали либо

¹⁶⁹ О преодолении культа личности и его последствий. Постановление ЦК КПСС. 30.04.1956 г. М.: Госполитиздат, 1956. 31 с.; О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Н.С. Хрущёва XX Съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. № 3. 1989. С. 128–170.

¹⁷⁰ Даудов А.Х., Мамышева Е.П. Из истории латинизации национальных алфавитов // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С. 7–12; Мусаев В.И. Поворот в советской национальной политике в середине – второй половине 1930-х гг. // Народы и религии Евразии. № 15(2). С. 96–111.

¹⁷¹ Герман А.А. Политика «коренизации» в автономных республиках РСФСР в 1920-е годы (на материалах АССР немцев Поволжья) // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 94–97; Аршин К.В. Остановка коренизации в СССР (историософский аспект) // АБЫСС (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2023. № 1(23). С. 124–131.

¹⁷² Перлов И.Д. «Родимые пятна» прошлого. М.: Госполитиздат, 1958. 63 с.

останавливать преобразования и отказываться от них (как это было с «латинизацией»¹⁷³, «коренизацией»¹⁷⁴ и пр.), либо ослаблять «искореняющее» давление (ослабление политики атеистического воспитания, политики разрушения православных церквей, политики искоренения адата на Кавказе и пр.).

Обобщая описание основных особенностей исследований советского периода, необходимо отметить, что для них характерно: 1) онтологическая фундированность представлений о конкретных феноменах человеческой социальности, в частности – представлений о психологической основе социальной памяти (Л.С. Выготский и др.) и о тех проявлениях человеческой природы, которые связаны с функционированием структур социальной памяти (природа деятельности, природа речевого высказывания, природа семиосферы, природа речи, природа исторического познания и др.); 2) социальная память и отдельные социокультурные проявления её функционирования рассматриваются как исторически сложившееся и коллективное по своей внутренней природе субстанциальное образование, характерное для общества и отсутствующее в живой и неживой природе; 3) индивидуально-личностная социальная память и отдельные её функциональные проявления рассматриваются как форма, как феномен явленности коллективной субстантивной структуры, которая в многообразии индивидуально-личностных проявлений охватывает опыт деятельности больших масс людей (социальных классов), который концентрируется в «социалистической сознательности», в устойчивых формах речевых высказываний и репертуаров устных речевых жанров, в общепринятых исторических познаниях и пр.; 4) через целевую направленность (целесообразность) деятельности, опыт предшествующей истории людей фундирует повсеместный эффект индивидуальной и коллективной исторической детерминации социальных взаимодействий в мире людей. Другими словами, постановка цели деятельности – это доступное наблюдению невооружённым глазом завершение онтологического и коллективно-определённого процесса детерминации любой конкретно-персонифицированной деятельности со стороны коллективного (народного) опыта. Все эти концептуальные особенности несмотря на то, что слово «память» присутствует в них далеко не всегда, создали специфическую отечественную философско-мировоззренческую подоснову для непосредственного и своеобразного освоения понятия «социальная память», которое

¹⁷³ Луначарский А.В. Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку, 1930. С. 20–26; Даудов А.Х., Мамышева Е.П. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С. 7–12.

¹⁷⁴ Алёкминская Г.М. Политика коренизации на промышленных предприятиях Татарской АССР во второй половине 1920-х – 1930-е гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 24 с.; Аршин К.В. Остановка коренизации в СССР (историософский аспект) // АБЫСС (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2023. № 1(23). С. 124–131.

попало в сферу отечественной мировоззренческой и научной культуры уже в 1990-е гг. Формула, в соответствии с которой социалистическое общество и культура неразрывно связаны с «лучшими национальными традициями» и вместе с тем – «новаторские», отражающие «творчество народных масс», – выражала концептуальные представления о диалектике «традиции» и «новации», которая должна обеспечивать «поступательное развитие», «опережающее развитие» социалистического общества (и движение к коммунизму).

На третьем, современном российском этапе, начавшемся в 1990-е гг., всплеск исследований памяти был связан с активным переводом западных источников и с заимствованием западных концептов и терминологии, разработанных в поле междисциплинарных исследований, получивших название «memory studies». При этом отечественные заделы и предпосылки самостоятельного осмысления проблематики социальной памяти «утонули» в массовом и неразборчиво критическом отрицании «идеологии» диалектического и исторического материализма, как устаревшей, а слагаемые западного постмодернизма, в т.ч. фрейдизма и бихевиоризма, гуссерлианской феноменологии, теорий социального конструирования и пр. стали так же неразборчиво восприниматься в качестве «истины в последней инстанции», как признак современной социальной науки, тем более, что и западные memory studies опирались именно на эти же философско-концептуальные основания. Основной метод освоения концептуального багажа западных memory studies состоял в том, что переведённые на русский язык теоретические разработки принимались в качестве теоретико-методологических оснований для прикладных исследований российских социокультурных и социально-политических процессов. Применение топологического пространственного подхода П. Нора и Ф. Артога¹⁷⁵, постструктуралистских¹⁷⁶, нарративных подходов¹⁷⁷, текстологического подхода¹⁷⁸, конструктивистского подхода, в т.ч. на основе концепта «воображаемых

¹⁷⁵ Аникин Д.А. Пространство социальной памяти: автореф. дисс. ... к.ф.н. 09.00.11 / Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2008. 20 с. С. 6.

¹⁷⁶ Визгин В.П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1997. С. 39–59; Кукарцева М.А., Колomoец Е.Н. Некоторые идеи постструктурализма и деконструктивизма в философско-историческом знании США // Философия и общество. 1999. № 1. С. 116–138.

¹⁷⁷ Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1997. С. 11–24; Трубина Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: материалы к спец. курсу. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2002. 103 с.

¹⁷⁸ Гавришина О.В. История как текст // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 59–67.

сообществ»¹⁷⁹, подходов на основе концепта «травмы»¹⁸⁰, концепта «криминализации» прошлого¹⁸¹, применение этих подходов к практикам политики памяти¹⁸², в т.ч. с акцентом на инструментальное использование социальной памяти в политике¹⁸³, – всё это генерировало большой объём новых публикаций. Анализ такого рода работ позволяет заключить, что рассматривая западные memory studies в качестве современной научной инновации, эти течения исследований памяти слабо опираются на отечественную традицию XIX–XX вв. или рассматривают её критически неприемлемой, в критическом свете воспринимая и отечественную политику памяти. В концептуальном плане происходит замедление в развитии собственной исследовательской культуры в этой области, отечественные представители memory studies, погружившись в плюрализм западных теорий, так и остаются на уровне констатаций отсутствия общепризнанных определений, наличия

¹⁷⁹ Яндараева И.С. Конструирование воображаемых сообществ в структурах социальной памяти: дисс. к.ф.н. 09.00.11. Ижевск, 2012. 160 с.; Скоробогатов А.В. Социальная память как средство конструирования идентичности личности: философско-правовой анализ // История государства и права. 2021. № 9. С. 3–10.

¹⁸⁰ Николай Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры: дисс. ... д.ф.н. Н. Новгород, 2018. 332 с.; Дорская А.А., Дорский А.Ю. К вопросу о юридическом определении понятия «социальная травма» в контексте изучения коллективной памяти // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2019. № 1(33). С. 8–20; Дорская А.А. Роль социальных травм в конструировании социокультурного пространства: правовые аспекты // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 17–19 мая 2018 года. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2018. С. 492–493; и др.

¹⁸¹ Матусевич О.А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды Белорусского государственного технологического университета. История, философия, филология. 2014. № 5(169). С.116–118, с. 116.; Korosov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge univ. press, 2018. 321 pp. P. 6.

¹⁸² Нечаев Д.Н., Леонова О.В. Мемориальная культура и политическая мифология: политика памяти в сфере государственного управления России и государств постсоветского пространства // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 1. С. 12–21; Бикетова Е.А. Политика памяти в Беларуси: особенности национального дискурса // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2020. № 36. С. 49–59; Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2019. № 3(94). С. 87–102; Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015. 206 с.; Политика памяти в России: региональное измерение / ред. А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2023. 471 с.; Гапоненко Л.Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти // Дискурс-Пи. 2020. Т. 17. № 3(40). С. 40–53; Ефременко Д.В. Обретая уверенность в собственном прошлом. Российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке // Политическая наука. 2023. № 2. С. 15–45.

¹⁸³ Курилла И.И. (включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов) Битва за прошлое: как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022. 230 с.; Реут О.Ч. Противоречия современной российской мемориальной политики // Дневник алтайской школы политических исследований. 2019. № 35. С. 165–169; Клопихина В.С. Политика памяти как инструмент реализации советской идеологии в 1920–1930 годы (по материалам истпартов Северного Кавказа). Ставрополь: Ставролит, 2018. 218 с.; Сидоров А.В. Официальная политика памяти в США и Европейском Союзе: сравнительный терминологический анализ // Образование и право. 2022. № 3. С. 374–380; Лёзина Е. XX век: проработка прошлого: практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах, Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 584 с.; Матусевич О.А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды Белорусского государственного технологического университета. История, философия, филология. 2014. № 5 (169). С. 116–118; и др.

перманентного разногласия в трактовке терминов и т.д. Поиск консолидирующего, объединяющего подхода в этой среде не популярен.

Другое течение современных российских исследований подходит к изучению социальной памяти, не теряя при этом связи с предшествующей отечественной гуманитарной традицией, ориентируется на более целостное философское понимание феномена социальной памяти¹⁸⁴. Исследования социальной памяти рассматриваются здесь в качестве точки развития социально-онтологической традиции, сложившейся в конце XIX – начале XX вв., где, в частности, требуется решение сугубо российской «проблемы преодоления разрыва отечественной философии на «до», «при» и «после» исторического материализма», которая «содержит также и вопросы соотношения светской философско-мировоззренческой системы с религиозно-философской мировоззренческой системой, – вопросы, имеющие кардинальную важность для понимания России как светского государства, а также для понимания взаимосвязи путей бытования «русской», «советской» и «российской» философии»¹⁸⁵. Другими словами, особенность этого течения, которая рассматривается нами как наиболее значимая черта отечественной коллективной мировоззренческой культуры, состоит в том, чтобы рассматривать философскую проблематику социальной памяти без отрыва от исследования особенностей состояния философско-мировоззренческой культуры нашей собственной российской цивилизации. Социальная миссия таких исследований видится в том, чтобы определять, концептуально описывать пути преодоления внутренних «разрывов», противоречий, пути восстановления, совершенствования внутренней целостности отечественной мировоззренческой культуры.

Такого рода миссия не входит и не может входить в планы западных *memory studies*, особенно на фоне современного состояния конфликтной глобальной многополярности, где страны Запада рассматривают Россию в качестве недружественного государства. Тем не менее, западные социальные исследования открыли страницу популярного интереса к исследованиям социальной памяти, вложили в *memory studies* свою философско-

¹⁸⁴ Устьянцев В.Б. Историческое сознание и историческая память // Исторические воззрения как форма общественного сознания: материалы научной межвузовской конференции (Саратов, 2 июня 1993 г.). Ч. 1. Саратов, 1995. С. 28–34; Лойко О.Т. Онтология социальной памяти: автореферат дисс. ... д.ф.н., 09.00.01 / Сибирский государственный аэрокосмический университет им. академика М.Ф. Решетнева. Красноярск, 2004. 54 с. С. 6–8; Дахин А.В. Онтология памяти. М.: Юрайт, 2024. 136 с.; Анисимова С.Ю., Борисова Т.В. Проблема онтологического статуса феномена памяти. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2024. 158 с.; Дахин А.В., Сундуков Р.В. Объемлющий строй коллективной социальной памяти: философские основания мемополитики в России // Социальное время. 2023. № 2. С. 28–33; Мамаева О.Б. Социально-историческая память как базис национального характера русских: дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Н. Новгород, 2001. 184 с.

¹⁸⁵ Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории. // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 105–118. С. 116; Дахин А.В., Лукшин Р.С., Ханов Л.А. Политика памяти и объемлющий строй коллективной социально-исторической памяти: философия отраслевой систематизации мемориального законодательства России. // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. Т 1, №73. 2026. С. 44-62.

мировоззренческую парадигму и придали всему научному течению статус «глобального» (memory boom¹⁸⁶).

Начальные этапы исследований памяти отражает работа П. Хаттона «История как искусство памяти»¹⁸⁷, в которой прослеживается переход от представлений о «коллективной ментальности» к «коллективной памяти»¹⁸⁸, а также отражается взаимосвязь «памяти» и «традиции»: изучение «реальности прошлого», которая «несоизмерима с её описанием при помощи воображения», ведёт к «проблеме природы традиции, которая обеспечивает нас окончательной точкой зрения на тему истории / памяти»¹⁸⁹. В этом плане Хаттон отмечает роль герменевтики Х.-Г. Гадамера, выделяя в его позиции установку на преодоление психологизации в восприятии феномена памяти: «Как заключает Гадамер, – «пора избавиться от привычки рассматривать феномен памяти как простую психологическую способность и увидеть в нём важнейший элемент конечного исторического существования человека»¹⁹⁰. Тенденция депсихологизации феномена социальной памяти у Гадамера сопряжена с фактором отчуждённости от прошлого, которая в рамках герменевтики рассматривается как нечто субстанциальное. Характеризуя подход Гадамера в этом аспекте, П. Хаттон отмечает: «Проблема истории, утверждает он (Гадамер – *Р.Л.*), предполагает не просто реконструкцию прошлого, но ещё и открытость к столкновению с ним. Именно на острие памяти прошлое отходит в область странного и непонятного, и историки должны привыкать к его чуждости»¹⁹¹. Таким образом, в анализе Хаттона проявляется а) концептуальная особенность западных исследований памяти, которые направлены на выход за пределы психологического понимания феномена памяти (теории А. Бергсона, стремившегося вычленить духовно-психологическую составляющую памяти из представлений о телесном функционировании человека¹⁹², З. Фрейда с его «мнемоникой бессознательного»¹⁹³, К. Юнга, в психологической концепции которого в качестве «единиц памяти» функционируют «архетипы»¹⁹⁴ и др.), а также б) концептуальная особенность, в которую вложено должествование чуждости («посттрадиционное общество»¹⁹⁵) в отношении к традиции. Представленный у П.Х. Хаттона обзор отражает

¹⁸⁶ История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с. С. 17.

¹⁸⁷ Хаттон П.Х. История как искусство памяти / пер. с англ. Ю.В. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2003. 421 с.

¹⁸⁸ Хаттон П.Х. Цит. соч. С. 33–49.

¹⁸⁹ Хаттон П.Х. Цит. соч. С. 73–74.

¹⁹⁰ Хаттон П.Х. Цит. соч. С. 75.

¹⁹¹ Хаттон П.Х. Цит. соч. С. 75.

¹⁹² Бергсон А. Материя и память // Соч.: в 4-х т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 160–316.

¹⁹³ Хаттон П.Х. Цит. соч. С. 169–170.

¹⁹⁴ Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 302 с.

¹⁹⁵ Васильев А.Г. Традиция: от классической философии к memory studies // Философские науки. 2012. № 12. С. 61.

своеобразный первый этап генезиса *memory studies*, в рамках которого представители различных гуманитарных наук своими автономными путями подходили к проблематике социальной памяти: психологи (У. Водсворт и З. Фрейд) – через исследование индивидуально-биографических воспоминаний, культурологи (Ф. Йейтс, У. Эко, А. Баттистини) – через изучение мнемотехники и взаимосвязи устной культурной традиции и письменной, историки (Ф. Ариес) – через анализ «современности», которая разрушает личные связи, благодаря которым процветает традиция¹⁹⁶ и философы (М. Фуко) – через исследования «контр-памяти», которая формируется на пике разрыва традиций¹⁹⁷. В этой части обзорная работа П. Хаттона также позволяет выявить характерные черты западных исследований социальной памяти, а именно: а) концептуальную вложенность в них принципа управляемости усилиями памяти, который демонстрирует мнемотехника, в т.ч. выходящая в опредмеченное пространство (театр Джулио Камиллы, печатный текст); б) концептуальную вложенность в них принципа отчуждённости, который абсолютизирует разрыв традиций ради достижения «современности».

В этом же ряду автономных отраслевых подходов стоит и социология, представленная в лице М. Хальбвакса. Социологические истоки *memory studies* были связаны с работами Э. Дюркгейма, изучавшего архаические формы социальной солидарности¹⁹⁸. Специфика западного подхода у Дюркгейма была отмечена К. Хьюбнером, затем В.А. Ачкасовым: «В силу своего рождения я принудительно вступаю в определённый народ. ... Давление, которое я претерпеваю и которому я добровольно подчиняюсь, не перестаёт быть от этого давлением»; хотя «у него эта тема имеет маргинальный характер»¹⁹⁹, тем не менее, её присутствие отражает метафизическое восприятие человека, как субстанциально одинокого индивида, отчуждённого от всего социального окружения. Представитель школы Э. Дюркгейма, М. Хальбвакс через понятия «*mémoire collective*» – «коллективная память», «социальные рамки памяти»²⁰⁰ делает акцент на коллективную природу социальной памяти, что и отмечают отечественные исследователи²⁰¹. Хальбвакс утверждал, что память не является исключительно индивидуальной способностью, а формируется в рамках определённой социальной группы,

¹⁹⁶ Хаттон П.Х. Цит. соч. С. 237.

¹⁹⁷ Хаттон П.Х. Цит. соч. С. 275.

¹⁹⁸ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Аполлонова и Т. Котельниковой. Москва: Изд. дом Дело, 2018. 732 с.

¹⁹⁹ Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: СПбГУ, 2012. 232 с. С. 16.

²⁰⁰ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.

²⁰¹ Нечаева А.А. Становление *memory studies* как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4(60). С. 121–129, 124.

которая задаёт рамки её содержания и интерпретации. Он писал: «Индивид вспоминает только в том случае, если другие ему помогают вспомнить»²⁰². Коллективная память, по Хальбваксу, представляет собой социально структурированное воспроизведение прошлого, опосредованное языком, символами и институциональными формами. Он рассматривал память как социально опосредованную форму воспоминания, обусловленную принадлежностью индивида к определённой социальной группе, подчёркивал, что индивидуальная память всегда формируется в поле «рамок коллективной памяти», – устойчивых структур, задающих контекст интерпретации прошлого²⁰³. Коллективная память, по Хальбваксу, сохраняется в живом общении, в межпоколенческой передаче опыта, и её содержание изменяется в зависимости от актуальных потребностей сообщества. Первоначально, в западной социальной науке концепт «коллективной памяти» М. Хальбвакса был воспринят критически, появились интерпретации, заменявшие его понятиями «идеология», «миф»²⁰⁴, тенденция отказа от фундаментализации концепта «коллективной памяти» применительно к исследованию истории. В частности Р. Козеллек, хотя и обратился к исследованиям повторяемости в истории, занимался изучением воинских мемориалов²⁰⁵, но в качестве фундаментального принципа истории рассматривал «опыт, заключённый в изучаемых понятиях»²⁰⁶. Имя М. Хальбакса до 1980-х г. было даже «забыто»²⁰⁷.

Продолжение разработки концепции коллективной (социальной) памяти наблюдается в работах Пьера Нора, который ввёл понятие «места памяти». Нора отмечал, что в условиях кризиса традиционной исторической памяти, вызванного модернизацией и секуляризацией, общество начинает создавать искусственные формы фиксации прошлого, такие как памятники, музеи, юбилеи, которые становятся символическими репрезентациями коллективной идентичности²⁰⁸. Благодаря работам П. Нора структуры социальной памяти выходят из «тени» психических процессов и «знаний» и становятся доступными наблюдению «невооружённым глазом», становятся коллективно наблюдаемыми. С другой стороны, разрывы традиций и ослабление институтов передачи

²⁰² Цит. по: Хальбвакс М. Соч. С. 94.

²⁰³ Цит. по: Хальбвакс М. Соч. С. 54–58.

²⁰⁴ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с. С. 26–27.

²⁰⁵ Хоффманн Штефан-Людвиг. «Прошедшее будущее»: теория истории Райнхарта Козеллека для мира в кризисе // Аеоп. 1 сентября 2020 г. / пер. с англ. П. Шопин. URL: <https://monocler.ru/teoriya-istorii-rajnharta-kozelleka>.

²⁰⁶ Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: избр. статьи: в 2-х т. Т. 1 / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. Ред. пер. Ю. Арнаутова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 21–44, 39.

²⁰⁷ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. 363 с. С. 47.

²⁰⁸ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.

традиций, таких, как семья, школа, церковь, государство, идеология²⁰⁹, он связывает с ослаблением «непосредственной» памяти²¹⁰, что рассматривается им как тенденция во Франции и в других странах Западной Европы. Визуализации представлений о «социальной памяти» активно стимулировали исследования историка искусства и культуры Аби Варбурга²¹¹, создателя Атласа «Мнемозина» где «на досках историк прикреплял фоторепродукции произведений искусства Востока, классической античности и Возрождения рядом с рекламными вырезками и современными фотографиями, чтобы выявить их общие графические паттерны. Таким образом, исследователь и его команда изучали формы и сеть связей изображений, создавая открытую картографию, форму знания путем сборки»²¹². С одной стороны, в этом опыте проявилось понимание «места памяти» как места концентрации исключительно символических образов; с другой стороны, отношение к «месту памяти», как к чему-то неприкосновенному (по П. Нора), преобразуется в отношение к нему, как к предмету «сборки», конструирования в форме выставки, подборки «паттернов».

Работы П. Нора, А. Варбурга и их последователей имели ещё одно значение для развития современных западных *memory studies*: они создали предметное поле исследований социальной памяти, в котором появился запрос на комплексность исследований феномена памяти. Поэтому следующим этапом генезиса *memory boom*/а стал интерес исследователей к комплексным, «межотраслевым» концепциям, в создании которых участвовали П. Рикёр, Я. Ассман, А. Ассман и др. Социальная память рассматривается в контексте формирования исторической идентичности, выступая механизмом селекции, сохранения и интерпретации коллективного опыта, который становится основой для осознания групповой принадлежности. Через обращение к прошлому общество не только конструирует образы своей истории, но и закрепляет определённые «ценности, символы и нарративы», которые выполняют функции «социальной интеграции и легитимации существующего порядка». Идентичность, как отмечал П. Рикёр, формируется в диалоге между «памятью и забыванием», между «историческим фактом и его интерпретацией», а потому всегда носит нарративный характер. Историческая идентичность – это не столько объективное знание о прошлом, сколько «способ самоописания сообщества», его попытка ответить на вопрос: «Кто мы

²⁰⁹ Проект «мест памяти» П. Нора. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000227/st004.shtml> (дата обращения: 24.05.2024).

²¹⁰ Нора П. Проблематика мест памяти. С. 28.

²¹¹ Варбург А. Великое переселение образов: исследование по истории и психологии возрождения античности / сост. и пер. с нем. Е. Козиной, пер. с итал. Н. Булаховой; пер. с лат. Д. Захаровой. СПб., 2008. 381 с.

²¹² Никифорова В. Атлас «Мнемозина» Аби Варбурга // Искусство и культура. URL: <https://dzen.ru/a/ZgZ9MStPMwIBgtEI>.

есть?» через призму «Кем мы были?». В этом контексте социальная память становится основой «символической самоидентификации», обеспечивая преемственность и устойчивость культурных и политических форм.

Поль Рикёр в своей работе «Память, история, забвение» анализирует память как феномен, находящийся на пересечении индивидуального переживания и коллективного нарратива. Он подчёркивает, что «память всегда селективна, она работает в рамках нарратива, а не как простая фиксация фактов»²¹³. Философичность работы П. Рикёра придаёт обращение к философским источникам (Платон, Аристотель, Августин, Дж. Локк, И. Кант, Э. Гуссерль и др.), обращение внимания к этическому («этико-политическому»²¹⁴) измерению памяти, связывая её с вопросами справедливости и ответственности. Логика работы приводит автора к констатации «чуждости истории»²¹⁵, в свете которой происходит фундаментализация «забвения», формы проявления которого венчает «аминистия»²¹⁶. Изложение переворачивает отношение «предшествующая история – социальная память» в отношение «история виновности / вина – прощение / непростительное» и пр. «Экзистентный» характер вины, объяснённый с опорой на И. Канта, К. Ясперса²¹⁷, в плане формальной дихотомии размечает линию прощения («заповедь прощения»²¹⁸, а в случае амнистии – это линия «институционального забывания»²¹⁹) и линию «непростительного»²²⁰ (например, геноцид и т.п.), линию «любви»²²¹ и линию «ненависти»²²² или «виновности» (по Ясперсу)²²³, по которой ведётся движение в сторону дихотомии «насилия»/ «институционального насилия» и «дискурса» / «судебного процесса»²²⁴, дихотомии «друг – враг» (по К. Шмитту)²²⁵ и пр. Погружение этого тематического каркаса в традицию позволяет дополнить рассуждения о «виновности – прощении» отсылкой к «дару»²²⁶ и «обмену»²²⁷ (по М. Моосу). В результате П. Рикёр получает поле «плюральности» (по Х. Арендт): «Для того чтобы совершить акт и прощения, и обещания, достаточно плюральности человеческого. В основе способности прощать и обещать лежат опыты,

²¹³ Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с французского: И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризян. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 725 с. С. 35.

²¹⁴ Рикёр П. Цит. соч. С. 126.

²¹⁵ Рикёр П. Цит. соч. С. 547.

²¹⁶ Рикёр П. Цит. соч. С. 625.

²¹⁷ Рикёр П. Цит. соч. С. 636.

²¹⁸ Рикёр П. Цит. соч. С. 647.

²¹⁹ Рикёр П. Цит. соч. С. 676.

²²⁰ Рикёр П. Цит. соч. С. 649.

²²¹ Рикёр П. Цит. соч. С. 646.

²²² Рикёр П. Цит. соч. С. 659.

²²³ Рикёр П. Цит. соч. С. 649.

²²⁴ Рикёр П. Цит. соч. С. 655.

²²⁵ Рикёр П. Цит. соч. С. 659.

²²⁶ Рикёр П. Цит. соч. С. 664.

²²⁷ Рикёр П. Цит. соч. С. 668.

которые никто не может осуществлять в одиночестве, – они полностью основаны на присутствии другого»²²⁸. Другими словами, утверждая «абсолютную симметричность между прощением и обещанием»²²⁹, он связывает эту связку с тем, что оппозицией «одиночеству» выступает множество «других». Через взаимосвязь «одного» и множества «других» П. Рикёр старался реализовать свою концепцию памяти, «где утверждается непрерывная связь и взаимодействие между индивидуальной памятью и памятью коллективной, возведённой в ранг исторической памяти, как её понимает Хальбвакс»²³⁰. Таким образом, особенность подхода П. Рикёра в том, что «коллективное» в его понимании – это множество «других», то есть скопление людей, каждый из которых по отношению к каждому выступает в качестве «другого». В этом понимании воспроизводится тот же концепт «общества», которое, как было отмечено выше, у Э. Дюркгейма описано, так, что каждое отдельно взятое «я» в силу своего рождения «принудительно вступает в определённый народ» (скопление «других») и что «давление», которое каждое «я» «претерпевает» и к которому каждое «я» «добровольно подчиняется», не перестаёт быть от этого «давлением», которое у П. Рикёра определяется уже более жёстко, – как «институциональное насилие». Общество – разобщено, раздроблено: каждый человек по отношению к каждому человеку выступает в качестве «другого». Но и отдельно взятый человек также внутренне раздроблен: «мы зависим от других, перед которыми мы предстаём в своей индивидуальности, какую мы сами не в состоянии воспринимать»²³¹. По установке Ж.Деррида, который отделяет «виновного» от «действия», П. Рикёр развивает тему разъединения одного и того же человека на «первого субъекта» (виновный) и «второго субъекта» (наказанного): это «разъединение в сердцевине возможности действия – агенсу, – иными словами между осуществлением и возможностью...»²³². По его мнению, – «философский акт расторжения не является ошибочным: он остаётся в русле философии действия, где акцент ставится на способностях, которые в совокупности составляют образ человека могущего»²³³. Такова философско-мировоззренческая основа, в которую П. Рикёр встраивал свою концепцию отношений «истории», «памяти» и «забвения», которой после всей языковой игры «эпилога», «разрушительного соперничества между стратегиями памяти и забвения» автор противопоставляет принцип симметрии между «хорошей памятью» и «хорошим забвением», чем намечается возможная работа забвения, вплетённая во все устремления, связывающие нас со временем», для того, чтобы «ухватить будущее,

²²⁸ Рикёр П. Цит. соч. С. 674.

²²⁹ Рикёр П. Цит. соч. С. 675.

²³⁰ Рикёр П. Цит. соч. С. 659.

²³¹ Рикёр П. Цит. соч. С. 678.

²³² Рикёр П. Цит. соч. С. 680.

²³³ Рикёр П. Цит. соч. С. 681–682.

надо забыть прошлое в жесте начала...»²³⁴. Обобщая анализ этой работы П. Рикёра, можно отметить, что комплексность исследования социальной памяти принимает форму философичности за счёт погружения всей проблематики в среду историко-философских текстов, а также за счёт использования приёмов формальной диалектики (дихотомии), в свете которой даётся картина равнозначного, симметричного присутствия «необратимости» и «непредвидимости»²³⁵, «рождения» и «смерти»²³⁶, «прощения» и «обещания»²³⁷. В духе этого принципа симметрии раскрыты отношения «памяти» и «забвения», которые очерчивают доктрину своеобразного «равенства» памяти и забвения в истории. Более определённые очертания имеет в работе концепция человека и общества, для которой характерны: 1) «плюральность», то есть раздробленность общества, в соответствии с которой каждый человек по отношению к каждому человеку выступает в качестве «другого»; 2) отдельно взятый человек также внутренне раздроблен на «себя» и «другого» («я-сам как другой»²³⁸), на «совокупность способностей», на нескольких субъектов; 3) в этом контексте, в русле постструктуралистских новаций Ж. Деррида, который переопределяет память в своеобразный вид услуги («существует «универсальная потребность в памяти»²³⁹), история рассматривается как источник вины, память – как форма виновности, а воспоминание – как расследование вины; 4) криминализирующая концепция «памяти – истории – забвения», капсулированная в структуру «духа прощения»²⁴⁰ и погружённая в среду социальной «плюральности», становится основой представлений о том, что политическая сфера определяет, что является «правильным», а что «неправильным» использованием памяти, что является «правильным», а что «неправильным» использованием забвения²⁴¹; 5) присутствие традиции прошлого исключается «пропастью» между «истиной в истории» и «нацеленностью памяти на верность», в которой поток традиции останавливается рифом многочисленных дихотомий (виновность, непростительное, прощение, амнистия и др.); 6) для новации будущего происходит работа забвения «в жесте начала».

Комплексную концепцию социальной памяти создаёт историк, египтолог Ян Ассман, но в отличие от П. Рикёра, который положил в основу своей комплексности элементы философии познания истины в истории (эпистемологические подходы), Я. Ассман берёт за основу элементы философии социальных взаимодействий. Поэтому он

²³⁴ Рикёр П. Цит. соч. С. 698.

²³⁵ Рикёр П. Цит. соч. С. 677.

²³⁶ Рикёр П. Цит. соч. С. 678.

²³⁷ Рикёр П. Цит. соч. С. 679.

²³⁸ Рикёр П. Цит. соч. С. 685.

²³⁹ Рикёр П. Цит. соч. С. 648.

²⁴⁰ Рикёр П. Цит. соч. С. 685.

²⁴¹ Рикёр П. Цит. соч. С. 694.

описывает социальную память в виде взаимосвязи «коммуникативной памяти» («communicative memory»), которая связана с личным опытом и устной его передачей в пределах 3–4 поколений, и «культурной памяти» («cultural memory»), которая хранится в устойчивых культурных формах: текстах, ритуалах, архитектуре²⁴², содержание которых передаётся сквозь века. «Коммуникативная память» связана с воспоминаниями о «недавнем прошлом»²⁴³ передаётся в рамках повседневного общения, не имея формализованных носителей. Она гибка, подвержена изменениям и исчезает по мере утраты носителей личного опыта²⁴⁴. В отличие от неё, «культурная память» представляет собой институционализированную форму сохранения и трансляции прошлого, которая характеризуется высокой степенью формализации, сакрализации и направленностью на длительное сохранение значимых культурных смыслов. Несмотря на различие в природе и носителях, коммуникативная и культурная память находятся в постоянном взаимодействии. Коммуникативная память часто служит источником культурной памяти: личные и групповые воспоминания, приобретая символическую значимость, могут быть институционализированы, канонизированы и включены в официальные исторические нарративы. В то же время культурная память формирует рамки, в которых осуществляется интерпретация индивидуального и группового опыта, влияя на содержание и форму коллективной памяти. Таким образом, между ними существует соотношение, обеспечивающее как спонтанную адаптацию памяти к текущим условиям, так и её долгосрочную устойчивость. Различие между этими формами памяти также связано с категориями «времени» и «идентичности». Коммуникативная память опирается на «живое» время, актуализируя опыт прошлого в настоящем. Культурная же память действует во «вневременном» измерении, формируя каноническую картину истории и закрепляя символические основания коллективной идентичности²⁴⁵. Таким образом, понимание различий и точек пересечения между коллективной и культурной памятью позволяет глубже осмыслить механизмы воспроизводства исторической идентичности, трансляции ценностей и формирования культурных оснований для восприятия социальных инноваций. Это знание может быть использовано для построения моделей гармонизации, в которых инновационные процессы не разрушают память, а интегрируются в её структуры, обеспечивая преемственность и устойчивость развития.

Однако для определения применимости этой концепции необходимо критически рассмотреть несколько её особенностей. В частности, Я. Ассман подчёркивает, что

²⁴² Ассман Я. Культурная память. С. 47.

²⁴³ Ассман Я. Культурная память. С. 52.

²⁴⁴ Ассман Я. Культурная память. С. 109–118.

²⁴⁵ Ассман Я. Культурная память. С. 124–130.

культурная память является основой «групповой идентичности», которая противопоставляется «истории». «История» нивелирует все подобные групповые отличия и «по-новому организует свои факты в совершенно гомогенном историческом пространстве, где нет ничего уникального, где всё сравнимо со всем, где всякая частная история может быть присоединена к другой и где, что самое главное, всё в равной степени важно и значимо»²⁴⁶. Этим положением, которое отмечает у М. Хальбвакса и разделяет Я. Ассман, закладывается основной принцип восприятия общества как «гомогенизированной» смеси «частных» единиц, в которых отсутствует уникальность, которые взаимозаменяемы, могут «присоединяться» и разъединяться, как видно из дальнейшего изложения, по усмотрению власти и силами власти. Если, говоря о групповой памяти, Я. Ассман отмечает устойчивую связь с «социальной группой», то «истории» отказано в связи с какой-либо группой, она как бы ничейная история: «Ведь коллективных историй много, а история одна – отказавшаяся от связи с какой бы то ни было группой...»²⁴⁷.

Эта базисная установка является причиной отличия подходов М. Хальбвакса и Я. Ассмана к пониманию «традиции», которое автор «Культурной памяти» сам подчёркивает: у Хальбвакса понятие «традиция» по статусу своей значимости соотносится с понятием «память», а Я. Ассман отказывается от понятия «традиция» из-за «размытости» и оставляет только понятие «память», которое делит на «коммуникативную» и «культурную»²⁴⁸ и заимствует у Хальбвакса социально-конструктивистскую концепцию прошлого²⁴⁹. Поэтому применительно к «культурной памяти» Ассман обосновывает идеи о том, что она хранит знания, которые передаются «независимо от их актуальности для текущей социальной практики»²⁵⁰, то есть становятся как бы знаниями, не связанными с какой-то конкретной «повседневностью», но образующими её «задний план»²⁵¹. Благодаря «культурной памяти» (и «освобождающей силе культурной памяти»²⁵²) повседневный человек «добывает себе воздух» из запасов «заднего плана» (то есть из гомогенизированных, ничейных, не связанных ни с какой социальной группой запасов «культурной памяти») и таким образом обретает шанс «освободиться от данностей»²⁵³, от «давления повседневности» (то есть от того же рода «давления», о котором, как было отмечено выше, писал Э. Дюркгейм), от «тоталитарной власти», которая тоже рассматривается как элемент повседневности: «освобождающая сила культурной памяти»

²⁴⁶ Ассман Я. Культурная память. С. 44.

²⁴⁷ Ассман Я. Культурная память. С. 44–45.

²⁴⁸ Ассман Я. Культурная память. С. 46–47, 68.

²⁴⁹ Ассман Я. Культурная память. С. 49.

²⁵⁰ Ассман Я. Культурная память. С. 36–40.

²⁵¹ Ассман Я. Культурная память. С. 90.

²⁵² Ассман Я. Культурная память. С. 91.

²⁵³ Там же. С. 91.

даёт «опыт Иного и дистанцирование от абсолютной власти современности и данности»²⁵⁴. Обобщая итоги анализа работы Я. Ассмана, необходимо отметить следующие особенности западных memory studies: 1) понятие «традиция» растворяется в контексте рассуждений о коллективной памяти, заменяется понятием «холодная опция»²⁵⁵, которое исключает из контента идею фундаментальной непрерывной связи людей внутри исторического процесса; 2) понятие «коллективная память» разделяется на «коммуникативную» и «культурную память», где первая ассоциируется с «повседневностью», а вторая с тем, что выходит за горизонт повседневности²⁵⁶, образует «задний план»; 3) языковая игра с понятиями «миф», «власть», «память» – это витиеватый способ установления связи «культурной памяти» и «истории», которая «одна – отказавшаяся от связи с какой бы то ни было группой», которая гомогенизирована, так что обращение к ней со стороны повседневного человека есть получение «опыта «Иного»; 4) «культурная память», – гомогенизированная, ничейная, то есть общечеловеческая, – это источник «освобождения» от давления повседневности, то есть от «слишком душевной» памяти поколений (коммуникативной памяти); заявленный принцип «двухмерности» и «двухвременности» культурной эволюции²⁵⁷ позволяет автору сохранять в своём контексте дуализм коммуникативной и культурной памяти, так что западный идеал «свободы» и «освобождения» объясняется через отказ от «коммуникативной памяти» (и групповых идентичностей) и через «добывание воздуха», то есть «опыта Иного», источником которого являются анналы гомогенизированной, утратившей связи с какими-либо социальными группами сведениями «культурной памяти»; 5) методология социального конструктивизма прокладывает перспективу развития обоснований закономерности появления «статистического пути» освоения «ключевых понятий» в культуре современного западного человека²⁵⁸. В этом контексте социальная память представляет собой не просто хранилище воспоминаний, а активный инструмент политической культурной регуляции, с помощью которого государство формирует устойчивые модели поведения, закладывает фундамент для межпоколенческих отношений и выстраивает систему ценностных координат, в которых функционируют как традиционные (в частности, «групповые идентичности»), так и инновационные (в частности, «гомогенизация») структуры. В этом смысле социальная память играет роль структуры, находящейся в модели иерархического подчинения, где «коммуникативная память» подчиняется «вневременному» измерению и

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Ассман Я. Культурная память. С. 74.

²⁵⁶ Ассман Я. Культурная память. С. 55.

²⁵⁷ Ассман Я. Культурная память. С. 89.

²⁵⁸ Моль А. Социодинамика культуры / пер. с фр., вступит ст., ред., примеч. Б.В. Бирбкова, Р.Х. Зарипова и С.Н. Плотникова. М.: Прогресс, 1973. 406 с. С. 39.

«интерпретирующей», «канонизирующей» силе «культурной памяти», а последняя – подчиняется «истории», которая «гомогенизирует» её содержимое. Конкретно-исторические проявления этой модели наблюдаются в современном украинском обществе, особенно после государственного переворота в Киеве в 2013–2014 гг.: семейные традиции чествования героев Великой отечественной войны (коммуникативная память) попадают под «интерпретирующее» влияние киевской власти, результатом которого является запрет на символику «Победы» и «освобождения» и замена её символикой «поражения» и «оккупации». Как происходит «гомогенизация» показывает западная модель глобализации: различные элементы локальных историй и традиций произвольно перемешиваются в продукции массового производства и потребления, образуется продаваемая по всему миру смесь, которая стремится к тому, чтобы быть одинаковой во всех странах мира. Таким образом, в концепции социальной памяти Я. Ассмана проявляется модель жёсткой иерархии, в которой просматривается оправдание западной политики доминирования современности над предшествующей историей, новаций (интерпретаций и пр.) над традицией. В цитированной уже работе А. Моля даны пояснения социального механизма этого процесса: «при всём желании и при наличии материальных средств жить подлинной гуманитарной культурой сегодня уже *никто не может*»²⁵⁹. Речь идёт о том, что раньше, «путём углублённого изучения древних языков», человек мог проникать в мир идей и познавать большинство предметов, «покрываемых словами», что раньше «эта точка зрения получала систематическое развитие в немецких университетах», что раньше по Т. Манну считалось, что «слово – это сама жизнь ... В настоящее время структура мышления претерпела глубокие изменения ... В «оснащении» ума рядового человека гораздо большую роль играет сегодня то, что он прочтёт на афише в метро, услышит по радио, увидит в кино или по телевизору... Свои «ключевые понятия» ... человек вырабатывает *статистическим путём*...»²⁶⁰. А в аспекте самих структур социального памятования в концепции Я. Ассмана просматривается модель неизбежного подчинения разнообразия живых форм «коммуникативной памяти» унифицирующему и гомогенизирующему влиянию «истории». Комплексный характер концепции Я. Ассмана придаёт этим моделям всеохватывающий и безальтернативный масштаб. В своей комплексности концепция «культурной памяти» утверждает модель растворения традиций в гомогенизирующих новациях современности, растворяет понятие «традиция» в среде «опций»²⁶¹, – то есть модель, исключаящую гармонизацию и обосновывающую безальтернативное доминирование процесса

²⁵⁹ Моль А. Цит. соч. С. 38.

²⁶⁰ Моль А. Цит. соч. С. 39.

²⁶¹ Ассман Я. Культурная память. С. 74.

глобальной унификации, которую Я. Ассман называет «историей». «Освободительную силу культурной памяти»²⁶² Я. Ассман видит, в том, что социальная повседневность (западного общества) оказывает давление на индивида, которое относится к тому же типу явлений, к какому относится и «тоталитарное подавление», и единственный путь спасения из этой «одномерности» – обращение к культурной памяти, которая образует «задний план»²⁶³ и даёт опыт «Иного»²⁶⁴. Определяя культурную память как «дело мнемотехники, для которой в обществе (в западном обществе – *Р.Л.*) существуют специальные институты»²⁶⁵, он очерчивает социальный механизм того, как в ней происходит переработка традиции в формы «культурной памяти». В соответствии с исследованием Ф. Йейтс, мнемотехника – это совокупность приёмов, которые позволяют для достижения произвольно выбранной цели запомнить произвольный набор сведений (объектов запоминания), произвольно размещая их в умозрительных «ячейках» для запоминания (*loci*)²⁶⁶, а затем в произвольный момент времени вспомнить тот или иной ситуативно необходимый объект запоминания. Другими словами, мнемотехника представляет собой своеобразный конструктор, в котором в произвольном (то есть в подчинённом воле и целям социального субъекта) порядке перемешиваются любые элементы традиции с любыми, что приводит её к гибели самой традиции. Языковая игра с использованием слов «миф», «обряды»²⁶⁷, «структурная причастность»²⁶⁸, «элитарность»²⁶⁹, «сакральность» и «профанность»²⁷⁰ и др., создающая ощущение разговора о «традициях», не меняет смысла основного высказывания, нацеленного на изъятие понятия «традиция» с заменой его на понятие «памяти»²⁷¹, а затем на замену субстанциальности функции «памяти» и на субстанциальность функции «забвения»: «...здесь я оказываюсь полностью на стороне Ницше, – что по своему природному устройству человек кажется предназначенным скорее к тому, чтобы забывать...»²⁷². Фундаментализация «забвения», выраженная сначала через несогласие с Хальбваксом²⁷³ по поводу «традиции», а затем через отмеченное полное согласие с Ницше. Фундаментализация «забвения» приводит к тому, что приоритетным аспектом для Я. Ассмана становится функциональный контекст «вспоминания»²⁷⁴, то есть

²⁶² Ассман Я. Культурная память. С. 91.

²⁶³ Ассман Я. Культурная память. С. 90.

²⁶⁴ Ассман Я. Культурная память. С. 91.

²⁶⁵ Ассман Я. Культурная память. С. 54.

²⁶⁶ Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 18–23.

²⁶⁷ Ассман Я. Культурная память. С. 55.

²⁶⁸ Ассман Я. Культурная память. С. 56.

²⁶⁹ Ассман Я. Культурная память. С. 58.

²⁷⁰ Ассман Я. Культурная память. С. 61.

²⁷¹ Ассман Я. Культурная память. С. 46–47.

²⁷² Ассман Я. Культурная память. С. 71.

²⁷³ Ассман Я. Культурная память. С. 46.

²⁷⁴ Ассман Я. Культурная память. С. 71.

преодоление забвения. На следующей ступени своего высказывания Я. Ассман утверждает необходимость «порвать» со схемой, использующей для описания общества понятия «первобытный» и «цивилизованный»²⁷⁵ и сводит всё внимание к вопросу о факторах, которые оказывают «возбуждающее» или «успокоительное» влияние на функцию воспоминания: «В этом смысле мы займёмся поиском «успокоительных» и «возбуждающих» факторов исторического воспоминания»²⁷⁶. Поиски приводят к тому, что есть «холодная» и «горячая» опции культуры, где первая «замораживает изменения», а вторая, действуя как «паровая машина», – «толкает к изменениям»²⁷⁷, в т.ч. к «революции»²⁷⁸, а также к тому, что выбор опции осуществляется «властью», которая рассматривается в альянсе «власть и память» и в альянсе «власть и забвение»²⁷⁹. В целом в этом контексте намечаются контуры концепции социальной памяти западных *memory studies*: 1) социальная память вторична по отношению к «забвению», которое вслед за Ницше рассматривается в качестве более фундаментального качества человека, и которое генерирует фундаментальный разрыв между любым ныне действующим обществом и его предшествующей историей; 2) социальная память реализуется в функции «воспоминания», то есть в функции ретроспективной подборки сведений из предшествующей истории, которые нужны для «изменений» и прогресса, так что связка «забвения» и «прогресса» намечается в качестве основы того, что выводит (западное) общество «из круга вечного общения» и ставит его на «прямую, ведущую к далёкой цели»²⁸⁰; 3) мнемотехническая природа социальной памяти состоит в том, что фундаментальным центром формирования подборки сведений, подлежащих «воспоминанию», является власть, так что в целом вся структура социальной памяти – это произвольный (произведённый волею власти) калейдоскоп выборочных сведений из разных исторических источников, который конструируется под влиянием интересов власти, для реализации ею определяемых нужд изменений, ведущих к далёкой цели. Например, для достижения цели действующей с 2014 г. киевской власти, состоящей в создании на месте многонациональной (советской) Украины мононационального государства для украинцев, нужны изменения, касающиеся, в т.ч. «десоветизации» и «декоммунизации», а также героизации бандеровщины и пр. По нашему мнению теория Я. Ассмана обосновывает концептуальные основания для признания нормальности такого режима функционирования социальной памяти на территории Украины.

²⁷⁵ Ассман Я. Культурная память. С. 73.

²⁷⁶ Ассман Я. Культурная память. С. 71.

²⁷⁷ Ассман Я. Культурная память. С. 76.

²⁷⁸ Ассман Я. Культурная память. С. 85.

²⁷⁹ Ассман Я. Культурная память. С. 74, 76.

²⁸⁰ Ассман Я. Культурная память. С. 85.

Социально-конструктивистская концептуализация характерных для западных memory studies представлений о природе социальной памяти более определённо прорисовывается в комплексной объяснительной схеме А. Ассман, которую Я. Ассман отмечает в качестве своей единомышленницы²⁸¹. Анализ её работы²⁸², проделанный профессором А.В. Дахиным, отражён в статье, где обоснован вывод о том, что её концепция «коллективной памяти» базируется: 1) на отделении её от «живой памяти» и дегуманизации коллективной памяти; 2) на том, что коллективная память не является фундаментальным качеством человека; 3) на том, что представление о коллективной памяти редуцируется к понятию «национальная память», которая является разновидностью «официальной» или «политической» памяти²⁸³. Поэтому в другой работе А. Ассман раскрывает свое понимание обоснованности политики войны с советскими памятниками на территории посткоммунистических стран Восточной Европы²⁸⁴.

Концепции П. Рикёра, Я. Ассмана и А. Ассман выделены и критически проанализированы потому, что они отражают комплексное описание оснований, на которых проблематика «традиции – новации» встраивается в контекст западных memory studies и на которых строятся более прикладные исследования, в частности, исследования памяти о холокосте²⁸⁵, исследования памяти-травмы²⁸⁶, культурной памяти²⁸⁷,

²⁸¹ Ассман Я. Культурная память. С. 77.

²⁸² Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.

²⁸³ Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 108.

²⁸⁴ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое лит. обозрение, 2016. 223 с.

²⁸⁵ Douglas L. The memory of judgment: the law, the holocaust, and denial // History and Memory. 1995. Т. 7. № 2. С. 100–120; Snyder T. Black Earth: The Holocaust as History and Warning. N.Y. 2015. 462 p.; Kopstein J.S., Wittenberg J. Intimate Violence: Anti-Jewish Pogroms in the Shadow of the Holocaust. Ithaca: Cornell University Press. 2018. 192 p.; Himka J.-P. 2015. Legislating Historical Truth: Ukraine's Laws of 9 April 2015 (URL: <http://net.abimperio.net/node/3442>); Kansteiner W. The Holocaust in the 21st Century: Digital Anxiety, Transnational Cosmopolitanism, and Never Again Genocide without Memory // Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. New York: Routledge, 2017. P. 110–140; Николай Ф.В. Память о нацизме и Холокосте в современной культуре: этический долг и(ли) эстетический прием // Новое литературное обозрение. 2018. № 6. С. 296–302.

²⁸⁶ Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г.К. Ольховникова; под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013. 640 с.; Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. № 1. С. 121–138; Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.) / под ред. М.Г. Муравьевой. СПб.: Издательство Европейского университета, 2011. 296 с.; Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты / под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: НЛО, 2009. С. 561–581; Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 39–74; Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / пер. В.В. Репьева и Н.В. Романовского // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12; Николай Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры: дисс. ... д. филос. н. 19.00.13. Н.Новгород. 2018. 335 с.; Lifton R. Home from the War: Vietnam Veterans: Neither Victims nor Executioners. New York: Simon & Schuster, 1973. 478 p.; Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma and the Possibility of History // Yale French studies. 1991. № 79. Pp. 181–192; и др.

²⁸⁷ Fortunati V., Lamberti E. Cultural memory: a European perspective // Erl A., Nunning A. (eds.) Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin: de Gruyter, 2008. P. 127–141; Young J.K. Memory studies on the frontlines of the culture wars // Memory Studies. 2023. Vol. 16, No. 6. P. 1702–1708; и др.

политической памяти²⁸⁸, мемориального законодательства²⁸⁹ и др. виды памяти²⁹⁰, в которых формируется новая специализация исследований памяти.

Процесс, в котором стала формироваться своеобразная новая комплексность – это восточно-европейские или посткоммунистические *memory studies*, нацеленные на выявление общих черт постнацистских и посткоммунистических трансформаций и роли политики памяти в них²⁹¹. Отечественные исследования также содержат эту тенденцию, для которой, однако характерно разделение тематики, связанной с Великой отечественной войной, и посткоммунистической тематики²⁹².

Характерным примером западных *memory studies* является польский Институт национальной памяти (ИНП), «образованный в 1998 г. на базе Комиссии по расследованию преступлений против польского народа», «преступлений коммунистического периода (поэтому в его штате числятся 26 прокуроров), а также (с 2006 г.) люстрацией»²⁹³. В русле такого рода политики «по всей Восточной Европе успешно осуществлен «экспорт вины»

²⁸⁸ Hodgkin K., Radstone S. *Contested pasts: Politics of memory*. New York: Routledge, 2003. XXX p.; Meyer E. *Memory and politics* // Erll A., Nunning A. (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter, 2008. P. 173–181; и др.

²⁸⁹ Legal memory // Merriam-Webster. 2024. URL: <https://www.merriam-webster.com/legal/legal%20memory>; Campbell K. The laws of memory: the ICTY, the archive, and transitional justice // *Social & Legal Studies*. 2013. T. 22. No 2. P. 247–269; Swanson K.W. Race and selective legal memory // *Columbia Law Review*. 2020. T. 120. No 4. C. 1077–1118; Heinze E. Beyond ‘memory laws’: Towards a general theory of law and historical discourse // *Forthcoming in Law and Memory: Addressing Historical Injustice by Law* (U. Belavusau & A. Gliszczynska-Grabias, eds., Cambridge University Press), Queen Mary School of Law Legal Studies Research Paper. 2016. No 235/2016. Pp. 413–434; и др.

²⁹⁰ Tulving E. Are there 256 different kinds of memory? // *The foundations of remembering*. Psychology Press, 2011. Pp. 39–52.

²⁹¹ Irwin-Zarecka Iwona. *Frames of remembrance: the dynamics of collective memory*. 2007. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers. Pp. 47–66.; Passerini Luisa. Introduction // *Memory and totalitarianism*, L. Passerini (ed.). *International Yearbook of Oral History and Life Stories*. 1992. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press. Pp. 1–20; The politics of memory: Transitional justice in democratizing societies. De Brito A.B., González-Enríquez C., Aguilar P. (ed.). OUP Oxford, 2001. 440 p.; Zoltan Dujisin. A history of post-communism remembrance: from memory politics to the emergence of a field of anticommunism // *Theory and society*. 2021. Vol. 50. Pp. 65–96; Laignel-Lavastine A. Fascism and communism in Romania: The comparative stakes and uses // *Stalinism and Nazism: History and memory compared*. H. Rousso & R. J. Golsan (Eds.). Lincoln: University of Nebraska Press. 2004. (324 p.) Pp. 157–193; Herf Jeffrey. *Divided memory: the Nazi past in the two Germanys*. Cambridge: Harvard University Press. 1998. 527 p.; и др.

²⁹² Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.; Беседина Е.С., Васильев А.А. Правовое регулирование исторической политики: зарубежный опыт // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета*. 2025. Т. 17, № 1. С. 58–70; Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центральноевропейских государств (на примере Эстонии) // Миллер А., Липман М. (ред.) *Историческая политика в XXI веке*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 184–213; Лифанов С.С. Историческая память и наднациональная идентичность в западноевропейских государствах // *Дискурс-Пи*. 2021. Т. 18. № 4. С. 78–93; Ищенко В.В. Память о войне и война памяти // *Вторая мировая война как проблема национальной памяти: материалы междунар. науч. конф. 24–26 сентября 2009 г.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 7–12; Миллер А. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 52. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/mill.html>; Финкель Е. В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г. // Миллер А., Липман М. (ред.) *Историческая политика в XXI веке*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 292–327.

²⁹³ Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и её воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития*. 2016. № 1(80). С. 111–121. С. 113.

коммунистических режимов, осуществляется демонтаж советских памятников²⁹⁴. Исследователи отмечают, «что почти во всех странах постсоветского или постсоциалистического пространства ныне весьма популярен такой подход к истории, который позволяет представить «свои» страдания исключительно как результат «чужой» злой воли»²⁹⁵, а именно «злой воли» тоталитарно-авторитарного СССР, а теперь – России. Концептуальная основа «посткоммунистических» memory studies сводится к отмеченному ранее положению Я. Ассмана о том, что власть выписывает «успокоительные» и «возбуждающие» меры для исторического воспоминания²⁹⁶, то есть определяет объекты, допущенные и не допущенные для массового восприятия и пользования. Структуры коллективной памяти описываются, в конечном счёте, исключительно как безвольный объект волевой политики власти. В них же применяется и предложенный Я. Ассманом концептуальный отказ от понятия «традиция», так что политика манипуляций с советскими памятниками рассматривается исключительно как замена памятников, поставленных плохой властью («коммунистические режимы»), на памятники, которые ставит хорошая власть, которая по А. Ассман, больше прислушивается прежде всего к страданиям своего народа²⁹⁷. Концептуальное отделение понятия «коллективная память» от живой памяти живых людей, заявленное у А. Ассман, соединяется с когнитологией, которая претендует на то, чтобы заменить «логику», – в результате открывается путь к концептуальным утверждениям приоритетности искусственного интеллекта над естественным разумом человека²⁹⁸.

Таким образом, можно заключить, что для западных memory studies характерна тенденция редукции многомерной концептуальной системы «традиция – новация» к одномерной концептуальной системе «новация – новация», в которой, – если принимать во внимание прикладные практики, – новация «коммунистического режима» меняется на новацию «европейской демократии»²⁹⁹, новация «познающего разума»³⁰⁰ меняется на

²⁹⁴ Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и её воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1(80). С. 115–116.

²⁹⁵ Кантор Ю. Девиации исторической политики в Восточной Европе на постсоветском пространстве // Quaestio Rossica. Vol. 9. 2021. № 3. Рр. 1064–1079, Р. 1074.

²⁹⁶ Ассман Я. Культурная память. С. 71.

²⁹⁷ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. С. 216.

²⁹⁸ Аникин Д.А. «Культура отмены» и стратегии коллективной памяти в цифровом обществе // Гуманитарные знания в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы. Шестые Арефьевские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 22–24 ноября 2022 года. М.: Национальный исследовательский университет «МЭИ», 2023. С. 87–93.

²⁹⁹ Орлов Б.С. Демократия – визитная карточка Европы // Актуальные проблемы Европы. 2000. № 1. С. 81–93; Шимов Я. Европейский проект и демократия // Логос. 2004. № 2. С. 79–84.

³⁰⁰ Библер В.С. Кант – Галилей – Кант. Разум нового времени о парадоксах самообоснования. М.: Мысль, 1991. 320 с. С. 15.

новацию «искусственного интеллекта»³⁰¹, новация «коллективной памяти» (по Я. Ассману) на новацию флэшки памяти (по Э. Хоскинсу)³⁰².

Концептуальному отказу западных теорий от понятия «традиция» противоречит концепция «изобретённой традиции» Э. Хобсбаума, в основе которой представление о том, что «то, что было», определяет структуру дня, времени года или жизненного цикла западных мужчин и женщин» значительно сильнее, чем «внешние импульсы, рождаемые экономикой, технологией, государственной бюрократической организацией, политическими решениями и другими силами, которые и не опираются на «традицию» в нашем смысле этого слова, и не развивают ее». Онтологический вес традиции проявляется в обществе, тогда, когда «несмотря на их многочисленность, изобретенные традиции не заполнили и малой части пространства, освободившегося вследствие векового упадка старых традиций и обычаев ... в обществах, в которых прошлое в возрастающей степени становилось все менее подходящим образцом для многих форм человеческого поведения.»³⁰³ Диалектика «старого» и «нового», которая просматривается в концепции Э. Хобсбаума, приводит к заключению: «изобретенная традиция проливает свет на отношение человека к прошлому», а анализ истории позволяет выявить факты, когда «даже революционные движения подкрепляли свои нововведения ссылками на «народное прошлое», в частности, «“Немецкий народ также имеет свою революционную традицию” ... утверждал Энгельс в первой же фразе своей работы “Крестьянская война в Германии”».³⁰⁴

В противоположность этому, своеобразным закреплением концептуального отказа от понятия «традиция» в западной социальной философии является концепция «текущей» или «лёгкой современности» З. Баумана, который стремится убедить читателя, что наступила новая эра «лёгкой современности», где происходит «полное уничтожение времени»³⁰⁵, что настоящее стремление к современности сводится к «мгновенности» «и

³⁰¹ Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Geneva: World economic forum, 2020. URL: <https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19-The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf>; Kansteiner W. Digital doping for historians: Can history, memory, and historical theory be rendered artificially intelligent? // History and theory. 2022. № 61(4). Pp. 119–133; Makhortykh M. Shall the robot remember? Conceptualizing the role of none-human agents in digital memory communications // Memory Mind & Media. 2024. 3(3). Pp. 1–17; Тихонова С.В., Фролова С.М. Цифровое общество и цифровая антропология // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Педагогика. Психология». 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 227–290; Память в сети: цифровой поворот в memory studies: сборник статей. СПб.: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге». 2023. 352 с.

³⁰² Hoskins A. The Restless Past: An Introduction to Digital Memory and Media // Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. New York: Routledge, 2017. P. 1–24; Hoskins A. Memory of the Multitude: The End of Collective Memory // Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. New York: Routledge, 2017. P. 85–109.

³⁰³ Хобсбаум Э. Изобретение традиций. // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62. С. 58.

³⁰⁴ Хобсбаум Э. Цит. соч. С. 59.

³⁰⁵ Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб., 2008. С. 128.

сосредоточилось на ней»³⁰⁶, что «сиюминутная жизнь» и «быстротечность» закономерно приходят на смену «долговечности», а этот переход и есть главный признак самой современной, то есть «текущей современности»³⁰⁷. В этой модели реальности нет места ни тому, что А. Бергсон определял понятием «длительность», нет места даже тому, что А. Ассман определяет как «успокоительные» и «возбуждающие» меры для исторического воспоминания, потому что в точке сиюминутности и мгновенности никакого воспоминания быть не может. Поэтому можно заключить, что провозглашённый З. Бауманом переход от «тяжёлой современности» к «лёгкой современности»³⁰⁸ являет собой концептуальное утверждение отказа от самого «абстрактного» онтологического основания традиций – концептуальное утверждение отказа от понятия «время».

Тенденция мономеризации представлений о приоритетах государственной политики, исключая из научного и политического контекста понятие «традиция», характерна для постмодернистской и конструктивистской линии западных *memory studies* (наиболее последовательно представленной в концепции «текущей современности» З. Баумана), но не исчерпывает это исследовательское поле в целом; данная тенденция затрагивает также и современную Россию. Не случайно О.Ю. Малинова в дискуссии о политиках памяти Европейского Союза и России, отмечает, что они имеют под собой то общее, что «это всё практики социального потребления, социального воспроизводства, социального использования прошлого»³⁰⁹. В противоположность этой западной тенденции, контекст собственных приоритетов российской политики сохраняет представления о значимости традиционных ценностей, традиционных практик религиозного вероисповедания³¹⁰, традиционных форм культурной деятельности (традиционные народные промыслы³¹¹ и др.), так что концептуальная система «традиция – новация» сохраняет свой субстанциальный статус в восприятии этих явлений. Противоречие между западной тенденцией одномерной гонки за «новым» («инновационизм», «деградация в новое» по В.А. Кутыреву³¹²) и приоритетами отечественной политики развития создаёт

³⁰⁶ Бауман З. Цит. соч. С. 130.

³⁰⁷ Бауман З. Цит. соч. С. 137.

³⁰⁸ Бауман З. Цит. соч. С. 128-129

³⁰⁹ Политика памяти в России, странах ЕС и государствах постсоветского пространства: типология, конфликтный потенциал, динамика трансформации (Стенограмма дискуссии) // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.: СПб.: Нестор-История, 2018. С. 167–195, 185–186.

³¹⁰ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации 29.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431/page/5>.

³¹¹ Федеральный закон «О народных художественных промыслах» от 06.01.1999 № 7-ФЗ.

³¹² Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. С. 15, 43, 77.

своеобразную атмосферу неопределённости, которую теоретики описывают в терминах плюрализма подходов и констатируют «отсутствие общепринятых определений»³¹³.

Существенно при этом подчеркнуть, что предпочтение отдаётся не культурно-политической принадлежности рассматриваемых подходов как таковой, а тому из них, который обеспечивает целостность макроструктурной петли социальной памяти - сохранение диалектического единства функций памятования и обновления, - тогда как одномерная ориентация исключительно на новацию («новация – новация»), равно как и её гипотетический зеркальный аналог - исключительная ориентация на консервацию традиции, - в равной мере нарушают эту целостность.

В результате исследования первого параграфа необходимо выделить следующие основные выводы.

1. Анализ исследований социальной памяти позволяет определить два фундаментально различающихся по философским основаниям подхода, один из которых – это бесконечный плюрализм, характерный для западных *memory studies*, а второй – это целостное философское восприятие социальной памяти, которое характерно для отечественной гуманитарной культуры. В аспекте отношений «традиция – новация» для западных *memory studies* XX в. характерна тенденция исключения понятия «традиция» из исследовательского контекста, так что функционирование социальной памяти редуцируется к отношению, определяемому, в частности, в терминах «горячая опция» и «холодная опция» (по Я. Ассману), основой которых выступает процесс «изменений» и отношение «новация – новация», которое в более широком плане обосновывает направленность государственной политики западных государств на приоритеты транс- и постгуманизма. Именно эта тенденция глобализируется, широко и некритически используется в т.ч. современными отечественными исследователями. Альтернативная тенденция, характерная для отечественной гуманитарной культуры XX века, рассматривает природу социальной памяти, в основе которой сохраняется концепция диалектики «традиция – новация», которая в более широком плане может стать источником обоснования направленности российской государственной политики как на приоритеты традиционных ценностей, так и на приоритеты инновационного развития.

2. Критический анализ ведущих течений западных *memory studies* позволяет заключить, что в их основе лежит комплекс социально-философских теорий, которые односторонне воспринимают и описывают человека и общество. В частности, 1) бесконечная «плюральность», то есть раздробленность общества, в соответствии с которой каждый

³¹³ Мемориальное право: теоретико-исторические и практические аспекты. 2025. С. 77.

человек по отношению к каждому человеку выступает в отчуждённом качестве – в качестве «другого»; 2) отдельно взятый человек также внутренне раздроблен на «себя» и «другого» («я-сам как другой» по П. Рикёру), на «совокупность способностей», на нескольких субъектов; 3) концепция первичности «забвения» и вторичности «памяти» является основой представлений о том, что политическая сфера и власть определяют, что является «правильным», а что «неправильным» использованием памяти, что является «правильным», а что «неправильным» – использованием забвения; 4) присутствие «традиции» исключается, для новации-будущего необходима только работа забвения «в жесте начала».

3. Отечественная, альтернативная тенденция исследований социальной памяти, соответственно, опирается и может развиваться с опорой на другой комплекс философских теорий, элементы которых формировались на протяжении прошедшего столетия отечественной истории. В частности, 1) внутренне целостная солидарность мира людей, в соответствии с которой каждый человек по отношению к каждому человеку выступает в отношениях «любви / Софии» (В.С. Соловьёв), «классовой солидарности» (К. Маркс, В.И. Ленин), то есть в качестве «ближнего», «товарища», а социальное отчуждение, раздробленность и прочее – это внешние вызовы, которые необходимо преодолевать ради сохранения внутреннего социального единства мира людей; 2) отдельно взятый человек – это внутренне целостная личность, в которой реализуются коллективные «сущностные силы человека» (К. Маркс), которая реализуется в своём уникальном имени (П. Флоренский, А.В. Лосев), в системе «родовых» видов социальной деятельности (Л.С. Рубинштейн, Л.А. Зеленев); 3) концепция онтологической первичности «памятования» и вторичности «забвения» («бытие-память» по А.В. Дахину), которая намечает основы представлений о том, что структуры коллективного социально-исторического памятования прокладывают незримые пути «опережающего отражения», с которых не может сойти даже политика и власть; 4) присутствие «традиции» и активное состояние структур коллективной социальной памяти является фундаментальным ресурсом, начальной предпосылкой любой новации будущего.

4. Концептуально противоположные тенденции, действующие в потоке западных memory studies и в потоке отечественной гуманитарной культуры, приводят к образованию противопоставления современности без памяти, которая характерна для западных теорий современности, и помнящей современности, представления о которой начинают складываться в отечественной социальной философии и культуре современности. В аспекте отношения «традиция – новация» названная противоположность сохраняется, поскольку западная тенденция концептуализации современности поддерживает отказ от понятия

«традиция» и сводит социальные изменения к смене новаций («новация – новация»), тогда как альтернативная, отечественная тенденция концептуализации придерживается принципа диалектики в отношениях «традиция – новация». Концептуальная противоположность названных тенденций, несмотря на различие зон конкретно-географического происхождения (одна на «западе», другая на «востоке»), не разделена «железным занавесом». В процессе глобальных коммуникаций они постоянно встречаются «лицом к лицу» и ведут борьбу за умы учёных, политиков, деятелей культуры, лидеров общественного мнения по всему миру.

§ 1.2. Социальная память как основа диалектики событий современности.

Во втором параграфе первой главы исследование концептуальных подходов к вопросам отношений «традиции – новации» продолжается в аспекте выделения «события современности» в качестве таксономической единицы «современности», с опорой на философскую систему деятельности Л.А. Зеленова даётся определение понятия «событие современности». Диалектика событий рассматривается в аспекте отношений «традиционных событий современности» и «новационных событий современности», обосновывается фундаментальное значение социальной памяти в этом аспекте социальной диалектики.

Особенность российской социально-политической ситуации в том, что это пространство, в котором происходит противоборство описанных выше западной и отечественной тенденций восприятия современности, социальной памяти, системы отношений «традиция – новация». Это, другими словами, пространство противоречия, которое формирует запрос на его диалектическое разрешение. В России XX в. уже был эпизод столь же масштабного социально-философского противоречия, методом разрешения которого был так называемый «философский пароход»: представителей альтернативной философско-мировоззренческой культуры выслали из страны и, таким образом, вроде бы было обеспечено единомыслие, мировоззренческая однородность общества. Однако как показала последующая история XX в. крупицы «высланных» идей начали возвращаться «правдами и неправдами» назад ещё при СССР, а лавинообразно и полностью вернулись в 1990-е гг. Старое противоречие вернулось вновь, и оно требует диалектического разрешения³¹⁴. К нему добавилось новое противоречие «современности»

³¹⁴ Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб: Алетейя, 1994. 447 с.

и «памяти», которое также необходимо разрешить диалектически, то есть осмыслить налично данное противоречие в качестве крайних форм проявления одной и той же, более глубинной социальной реальности.

Проделанный в первом параграфе анализ исследовательских практик XX в., как это ни парадоксально, позволяет увидеть в них проявление одной из таких реальностей - идеи одиннадцатого тезиса К. Маркса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»³¹⁵. В этой идее выражена суть праксеологического поворота социальной философии, произошедшего в западноевропейской и отечественной мировоззренческой культуре конца XIX – начала XX вв. В XX в. этот праксеологический поворот стал основой двух системных тенденций, одна из которых была ориентирована на идеалы социализма и коммунизма, на инновации государственного социалистического строительства (СССР и другие социалистические страны), а другая – на приоритеты рыночной экономики и на инновации общества потребления. В сфере мировоззренческой культуры две тенденции оформились в виде двух платформенных социально-философских систем, которые в исследовании Э.А. Сергеевой определены как «социально-технократический конструктивизм», характерный для мировоззренческой культуры государств Запада, и «социально-антропологический детерминизм», характерный для отечественной советской и российской мировоззренческой культуры³¹⁶. Это обстоятельство позволяет существенно уточнить популярные представления о «плюрализме» научных подходов в сфере исследований социальной памяти³¹⁷, поскольку предполагает, что за разнообразием прикладных концепций необходимо раскрыть присутствие более фундаментальных и более устойчивых ядер мировоззренческой культуры, которая обеспечивает также и концептуальное сопровождение государственной политики разных стран. Для решения философско-мировоззренческих задач государственной политики современной России, в т.ч. в сфере мемориальной, культурной, социальной, демографической, инновационной политики, в частности, для реализации приоритетов государственной политики на основе Указа о сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей³¹⁸ и др., – для решения такого

³¹⁵ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Изд-во политической литературы, 1955. С. 1–4. С. 4.

³¹⁶ Сергеева Э.А. Идеология в структуре противоборства информационных влияний на социальную реальность: дисс. ... к. филос. н., 5.7.7. Социальная и политическая философия. Н.Новгород, 2024. 206 с. С. 68.

³¹⁷ Характерный пример, где автор выделяет 256 концептов памяти. См.: Tulving E. Are there 256 different kinds of memory? // The foundations of remembering. Psychology Press. 2011. Pp. 39–52; Science of Memory: Concepts / Roediger H.L.III, Dudai Y., Fitzpatrick S.M. (Eds.). Oxford University Press. 2007. 447 p.

³¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года №809 называется «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

рода задач перспективной является платформенная философия социально-антропологического детерминизма, поскольку именно она позволяет преодолевать разрывы отечественной философии «на “до”, “при” и “после” исторического материализма», решить вопросы «соотношения светской философско-мировоззренческой системы с религиозно-философской мировоззренческой системой» и другие вопросы, имеющие кардинальную важность для понимания России как светского государства³¹⁹.

Критический анализ концепций социальной памяти в аспекте отмеченной глобальной политико-мировоззренческой поляризации, позволяет заключить, что в поле memory studies социальная память рассматривается в качестве инструмента изменения, адаптации общества к конкретным новациям реальной, актуальной политики, в качестве средства манипулятивного воздействия на общественное мнение. В этом же теоретико-методологическом ключе феномен социальной памяти и его проявления описывают многие отечественные последователи memory studies (Аникин Д.А. и Батищев Р.Ю.³²⁰, Дорская А.А.³²¹, Курилла И.³²², Реут О.³²³, Малинова О.Ю.³²⁴, Нечаева А.А.³²⁵, Скоробогатов А.В.³²⁶, Мороз О. и Суверина Е.³²⁷, Николай Ф.В.³²⁸ и др.³²⁹).

Иной, онтологически фундированный теоретико-методологический подход представлен в работах А.В. Дахина, О.Т. Лойко³³⁰, С.Ю. Анисимовой и Т.В. Борисовой³³¹,

³¹⁹ Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 116.

³²⁰ Аникин Д.А., Батищев Р.Ю. Распад СССР как предмет политики памяти: партийные акторы и их нарративы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 6. С. 40–55.

³²¹ Дорская А.А. Официальная политика памяти современных государств: сравнительный анализ законодательства и судебной практики // Публично-правовые аспекты юридической компаративистики. V Прокопьевские чтения: материалы Международ. науч.-практ. конф., Калининград, 17–18 декабря 2021 года. Калининград: Балтийский федеральный университет имени И. Канта, 2022. С. 38–46.

³²² Курилла И.И. (включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов) Битва за прошлое: как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022. 230 с.

³²³ Реут О.Ч. Противоречия современной российской мемориальной политики // Дневник алтайской школы политических исследований, 2019. № 35. С. 165–169.

³²⁴ Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН. 2015, 206 с.; Политика памяти в России: региональное измерение. А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Д.В. Ефременко – ред. М.: ИНИОН РАН, 2023. 471 с.

³²⁵ Нечаева А.А. Становление memory studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4(60). С. 121–129.

³²⁶ Скоробогатов А.В. Социальная память как средство конструирования идентичности личности: философско-правовой анализ // История государства и права. 2021. № 9. С. 3–10.

³²⁷ Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 39–74.

³²⁸ Николай Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры: дисс. ... д. филос. н. 19.00.13. Н. Новгород, 2018. 335 с.

³²⁹ Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.: СПб., 2018. 224 с.

³³⁰ Лойко О.Т. Онтология социальной памяти: автореф. дисс. ... д. филос. н. 09.00.01. Красноярск. 2004. 54 с.

³³¹ Анисимова С.Ю., Борисова Т.В. Проблема онтологического статуса феномена памяти. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2024. 158 с.

Р.В. Сундукова³³² и др.). Для этого подхода характерен акцент на необходимости более внимательного, критического исследования онтологических оснований феномена социальной памяти, главным исходным пунктом которого выступает концепция бытия – памяти А.В. Дахина³³³. Память рассматривается как фундаментальное качество, встроенное в онтологическую структуру реальности и лежащее в основе того, что в классической философской традиции определяется понятием «бытие». В работах А.В. Дахина показано, что «бытие» – это «бытие предшествующей истории», которое в функционировании любого предмета реальности имеет место именно потому, что в мире реальных процессов действуют структуры исторического памятования. Те элементы предшествующей истории реальности, которые ухвачены структурами исторического памятования, обретают своё присутствие в «здесь и теперь существовании» в формах абиотического, биотического и социального «бытия»³³⁴, а те элементы предшествующей истории, которые не ухвачены структурами исторического памятования исчезают в «небытии»³³⁵. Через концепцию исторического памятования, таким образом, раскрывается диалектика «бытия» и «небытия». Вместе с тем, отмечается, что за феноменом «небытия» стоит фундаментальное всеобщее свойство реальности – свойство обладать неповторимостью мгновений, которое и является онтологической основой инноваций: в каждом мгновении существования реальности присутствует нечто абсолютно неповторимое, то, что существует однократно и никогда больше не повторяется. «Неповторимое мгновение» (новая идея и пр.) может стать основой социальной инновации, если попадает в поле действия социальной памяти. Соответственно, за феноменом «бытия» также стоит фундаментальное всеобщее свойство реальности – свойство быть «той же самой», «устойчивой», «неизменной». Взаимосвязь бытия – памяти с природой социальной памяти раскрывается через философскую концепцию глобальной эволюции вселенной, где ступенями эволюционного развития выступает прогресс структур исторического бытия-памятования: от ступени структур бытия-памятования неживой природы (абиотическая память) к ступени исторического бытия-памятования живой природы (биологическая память), а от неё – к структурам исторического бытия-памятования в обществе (социальная память)³³⁶.

Специфика этого подхода в контексте исследования социальных процессов отражена через понятие «коллективная социально-историческая память». Основное

³³² Дахин А.В., Сундуков Р.В. Объемлющий строй коллективной социальной памяти: философские основания мемо-политики в России // Социальное время. 2023. № 2. С. 28–33.

³³³ Дахин А.В. Социальная формация универсума: становление и бытие: дисс. ... д. филос. н. 09.00.01. Н. Новгород, 1996. 25 с. С. 9.

³³⁴ Дахин А.В. Социальная формация универсума: становление и бытие. 1996. С. 15–16, 18–19.

³³⁵ Дахин А.В. Социальная формация универсума: становление и бытие. 1996. С. 18.

³³⁶ Дахин А.В. Память, история, вселенная: на пути к новой онтологии реальности // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1(3). С. 19–34.

содержание подхода состоит и в том, что он нацелен на формирование целостной философской теории социальной памяти, которая может дать устойчивую теоретико-методологическую основу современной российской политики памяти в противовес тому, как теории западных «memory studies» обеспечивают западную политику памяти («десоветизацию», «декоммунизацию» и пр.³³⁷). Этот же подход раскрывает причины неопределённости в проблематике социальной памяти в контексте отечественной традиции гуманитарного знания, охватывающей советский и современный российский период: «История в рамках исторического материализма рассматривается как история революций, в этом состоит её поучительный смысл, приобщение к которому обеспечивается «историческим познанием». Однако тематика «социально-исторической памяти» в этом поле исследований не получает достаточного развития, остаётся факультативным сравнением»³³⁸.

Философский анализ названных различий с позиций диалектического принципа «единства противоположностей»³³⁹ позволяет определить основное противоречие этой сферы исследования социальной природы человека, как противоречие между социально-онтологическим и социально-праксеологическим подходами. Проявлениями этого противоречия выступают, с одной стороны, различия между западными «memory studies» и отечественной тенденцией формирования целостной философской теории социальной памяти. С другой стороны, более глубоким проявлением того же противоречия выступают различия между социально-онтологической теорией революционного развития общества К. Маркса (и опиравшейся на неё теорией диалектического и исторического материализма) и социально-праксеологическими концепциями, построенными на материале работ М. Вебера.

Пользовательский интерес к работам М. Вебера со стороны отечественных социологов, философов, политологов резко взлетел вверх на рубеже 1990-х гг., особенно на волне скоропалительного отказа от теоретической платформы К. Маркса. Но, как, по выражению Э. Хобсбаума, «Даже революционные движения подкрепляли свои нововведения ссылками на “народное прошлое”»³⁴⁰, так и «отказ» от Маркса подкреплялся

³³⁷ Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 105–118. С. 107; Ужанов А.Е. Сбережение советских памятников как проблема реконструкции Победы СССР во Второй мировой войне в парадигме европейской исторической политики // Вестник Академии военных наук. 2018. № 2(63). С. 69–72.

³³⁸ Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 110.

³³⁹ Зеленов Л.А. Антропология // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2006. 244 с. С. 70.

³⁴⁰ Хобсбаум Э. Изобретение традиций. // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 59.

молчаливой отсылкой к фундаментальному положению «Немецкой идеологии» о том, что люди и их деятельность являются конечной причиной всех социальных процессов. Основное отличие веберианства от марксизма начинается поверх этого общепризнанного в современной мировой социальной философии концепта. В задачи данного исследования не входит детальное изучение наследия М. Вебера и наследия, созданного пользователями его наработок в России. Тем не менее, основные моменты, которые, с во-первых, отражают проявления современного противоречия между социально-онтологическим и социально-праксеологическим подходами, значимыми для диалектики «социальная память – новации – традиции», во-вторых, значимы для теорий современности, в-третьих, значимы для уточнения роли концепта социальной памяти в контексте дискуссии об определении социального порядка отечественной государственности в XX, в XXI вв., которая оформлена в понятиях «социализм», «модерн», «капитализм», «постмодерн» и пр.

В свете противоречия между социально-онтологическим и социально-праксеологическим подходами следует отметить, что М. Вебер, как и К. Маркс, «стал одной из колонн мировой “социологической теории”».³⁴¹ «Макс Вебер марксистом себя определённо не считал». - Более того, как отмечают исследователи, - «Критикой Маркса явилась теория Макса Вебера, который «духу протестантизма» приписал центральную роль в развитии капитализма. ... Религия была, таким образом, не опиумом, а витамином для народа».³⁴² Противоположность взглядов К. Маркса и М. Вебера имеет и более глубокое содержание. Оно связано с тем, что Маркс совершил «открытие социального», создал оригинальную «теорию социальных изменений»³⁴³. В отличие от этого, М. Вебер, хотя он тоже выдержал «испытание временем», тем не менее, «не развил своей социологической теории. Строго научно говоря, он вообще не создал социологической теории. ... Отсутствие систематики, наличие противоречий, множество разных вводных ступеней делают из трудов Макса Вебера огромную «каменоломню», которую можно по-разному эксплуатировать... Макс Вебер не открыл никакой проблемной области, которую уже ранее или независимо от него не открыли или не нашли».³⁴⁴ За этой асимметрией в номинации «комплексная социальная теория», находится более глубокое различие, связанное с философскими платформами, на которых строили свои социальные модели К. Маркс и М. Вебер. «Исходный методологический пункт» К. Маркса – «предположение, что история человечества следует познаваемым законам, которые направляют ход событий к некоей, по

³⁴¹ Кеслер Д. Макс Вебер (1864-1920). Пер. Р. Шпаковой // Немецкая социология. Под ред. Р.П. Шпаковой. СПб.: Наука. 2003. С. 130-146. С. 143.

³⁴² Дарендорф Р. Карл Маркс (1818-1883). Пер. Д. Иванов // Немецкая социология. Под ред. Р.П. Шпаковой. СПб.: Наука. 2003. С. 72-83. С. 80.

³⁴³ Дарендорф Р. Цит. соч. С. 73, 74.

³⁴⁴ Кеслер Д. Цит. соч. С. 144-145.

меньшей мере намёком определённой, будущей цели. Это - Гегель, поставленный на голову, или наоборот, по словам Маркса, “с головы, на которой он стоял, поставленный на ноги”». ³⁴⁵ Ключ к философскому содержанию «научных абстракций и эмпирических явлений» у М. Вебера необходимо «искать в кантовской и неокантианской методологии». «Анализ путей формирования и осмысления специфики понятий социологии он [Вебер – Р.Л.] рассматривал как задачу “додумать Канта до конца”». ³⁴⁶ Поэтому, если у К. Маркса гносеологическая миссия научной теории состоит в отражении действительности, «то отношение идеального типа к действительности в трактовке Вебера остаётся всё-таки неопределённым. ... процесс познания существенно затруднён, ... А если принять во внимание, что каждый создаваемый идеальный тип – “непротиворечивая рациональная замкнутость», то процесс познания ... оказывается лишённым динамики ..., а за его пределами остаётся само живое содержание бытия» ³⁴⁷. Другими словами, М. Вебер строил свои исследования под влиянием агностицистского элемента философии И. Канта (фундаментальность понятия «вещь в себе» и др.), который исключает понятие «объективная истина», а значит исключает онтологическую теорию истины. В сфере социального познания кантианство М. Вебера проявилось в том, что, в отличие от К. Маркса, он и не стремился к созданию комплексной социальной теории, потому что не принимал идей о «некоем “начале”, которое независимо от исследователя», напротив: «Следуя гносеологии Канта, Вебер убеждён, что действительность в целом непознаваема, не подчиняется детерминации и закономерностям». ³⁴⁸ Обобщая, можно заключить, что противоречие между социально-онтологическим и социально-праксеологическим подходами, вполне рельефно проявляется в различиях между научным наследием К. Маркса и научным наследия М. Вебера, где работы первого представляют ярко выраженное воплощение философии социально-онтологического восприятия социальной реальности, а работы второго – ярко выраженное воплощение философии социально-праксеологического восприятия. Поэтому понятно, отчего острие критики Вебер направляет «против марксистской теории отражения. По его мнению, признание объективной закономерности в социальных процессах лишает исторические явления их своеобразия. ... “нет ничего опаснее” признания, что теоретические понятия отражают объективное содержание и сущность исторической реальности. Ни одна научная абстракция не выполняет функции отражения, настойчиво подчёркивает Вебер» ³⁴⁹.

³⁴⁵ Дарендорф Р. Цит. соч. С. 74.

³⁴⁶ Шпакова Р.П. Основные положения социологии Макса Вебера. // Немецкая социология. Под ред. Р.П. Шпаковой. СПб.: Наука. 2003. С. 147-161. С. 148.

³⁴⁷ Шпакова Р.П. Цит. соч. С. 152.

³⁴⁸ Шпакова Р.П. Цит. соч. С. 154.

³⁴⁹ Шпакова Р.П. Цит. соч. С. 148.

Следствием этой особенности является то, что понятия М. Вебера, в частности понятие «традиционное действие» в контексте работ Вебера есть всего лишь инструмент, созданный самим исследователем, всего лишь «утопическая конструкция»³⁵⁰ или «вариант кантовских синтетических понятий»³⁵¹, с помощью чего предпринимается попытка внести в реальность хоть какую-то определённую, поскольку собственного источника определённости, - то есть «некоего начала, которое независимо от исследователя», - М. Вебер у реальности не признавал.

Книга «Хозяйство и общество» (1919 г.), которая «является итогом, содержащим квинтэссенцию», «теоретико-методологическое ядро»³⁵² социологических исследований М. Вебера, встраивает традицию в его представления об инструментах изучения социального действия и хозяйственной организации мира людей. Термин появляется в блоке основных социологических понятий (Том 1), где традиция отнесена к группе «понимаемого»³⁵³ в противоположность тому, названо «не поддающимся пониманию суждения опыта», к числу которых Вебер относил и память³⁵⁴. Поэтому представления о «традиции» и о «памяти» разделены предельно жёстко, так что «традиция» — это «понимаемое», а «память» — это то, что надо воспринимать «как данное, с которым надо считаться», «смириться»³⁵⁵. Понимание социального действия, М. Вебер связывает с изучением его «смысла»³⁵⁶, что приводит его к выделению четырёх оснований ориентации социального действия, одним из которых является «традиционно» ориентированное действие, то есть ориентированное «силой укоренившейся привычки»³⁵⁷. Приравнивание «традиции» к «привычке» отражает его методологию редукции сложных явлений «к “понятному” действию, а именно к действию участвующих единичных индивидов»³⁵⁸. При этом «строго традиционное поведение» он рассматривает как нечто маргинальное, стоящее на границе осмысленности: оно «целиком и полностью находится на границе, а часто за границей того, что вообще можно назвать ориентированным по смыслу действием. Ибо часто речь идет только о бессознательном реагировании на привычные раздражители...»³⁵⁹. Тем не менее, Вебер не оставляет этот фактор без внимания, что позволяет говорить о нём как об одном из постоянных предметов внимания. Более обыденный и

³⁵⁰ Шпакова Р.П. Цит. соч. С. 150.

³⁵¹ Шпакова Р.П. Цит. соч. С. 148.

³⁵² Шпакова Р.П. Цит. соч. С. 156.

³⁵³ Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4-х т. Сост, общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. Т.1. Социология. 2016. — 445 с. С. 70.

³⁵⁴ Вебер М. Там же. С. 84.

³⁵⁵ Вебер М. Там же. С. 71.

³⁵⁶ Вебер М. Там же. С. 72.

³⁵⁷ Вебер М. Там же. С. 84.

³⁵⁸ Шпакова Р.П. Цит. соч. С. 159.

³⁵⁹ Вебер М. Цит. соч. С.

психологизированный термин «привычка» он вновь переводит в более социальный термин «обычай»: «Привычка должна именоваться *обычаем* в случае, если фактическое повторение основано на длительном *укоренении*», что противопоставляется тому, что не имеет «укоренённости» («интересам», как чисто целерациональной ориентации действия индивида)³⁶⁰. Перейдя «по ссылкам» (в т.ч. на Ф. Тённиса) от термина «традиционный» к термину «обычай», Вебер снабжает его набором разрозненных характеристик, таких, как «отсутствие внешней гарантии правила», «добровольность», «не задумываясь» (о действии человека), «вправе ожидать от других» (того же действия), «принадлежность к той же группе»³⁶¹, «стабильность (просто) обычая», «не адаптивность» (к нему отдельных людей), «неприятности и неудобства» (для не адаптированных)³⁶². Обычай, «который *определённой группой* воспринимается как значимый и защищается от отклонений посредством неодобрения таковых» Вебер называет «конвенцией»³⁶³, признаком которой названо то, что «нарушитель конвенции (сословного обычая) часто подвергается со стороны своих товарищей социальному бойкоту, который может быть эффективнее и сильнее, чем правовое принуждение. ... При этом «решающее значение» для отнесения предмета исследования к обычаю-конвенции «имеет тот факт, что эти иногда весьма жесткие средства [бойкот и пр. – *Р.Л.*] благодаря существованию конвенционального неодобрения применяет именно *индивид*, а не специально для этого предназначенный *штаб*.»³⁶⁴ Термин «традиция» присутствует в арсенале инструментов опознания социального порядка: «Значимость порядков в силу сохранения священной традиции — самая универсальная и изначальная форма значимости»; эпоха «строгого традиционализма» связана с возвещающим «откровением», с тем, что понимается как «издавна значимое»³⁶⁵ и пр. В § 25. «Об условиях расчета производительности труда» поясняются рациональные инструменты описания этого процесса «для оптимизации трудовых усилий *при расчете* исполняемой работы».³⁶⁶ Традиция представлена здесь тоже, но это уже «*традиционная* мотивация труда, которая особенно характерна для сельского хозяйства и домашних промыслов (где *вообще* сильна традиция)», и особенность которой проявляется в том, что её «трудно рационально использовать и невозможно усилить путем премирования за конечный результат (аккордно)».³⁶⁷

³⁶⁰ Вебер М. Там же. С. 88.

³⁶¹ Вебер М. Там же.

³⁶² Вебер М. Там же. С. 89.

³⁶³ Вебер М. Там же. С. 92.

³⁶⁴ Вебер М. Там же. С. 93.

³⁶⁵ Вебер М. Там же. С. 95.

³⁶⁶ Вебер М. Там же. С. 197.

³⁶⁷ Вебер М. Там же. С. 199.

В целях последующего анализа необходимо зафиксировать уточнение определений по терминам, которые М. Вебер фактически использует как синонимичные, но которые в контексте настоящего исследования разводятся содержательно. Под «привычкой» понимается индивидуально-психологическая форма устойчивого поведенческого стереотипа, не обязательно передаваемая в качестве коллективного социального опыта. Под обычаем - социально закреплённая, коллективно значимая форма повторяющегося действия, поддерживаемая неформальным контролем внутри группы³⁶⁸. Под традицией в настоящем исследовании понимается более широкое понятие - исторически сложившийся, содержательно определённый и социально значимый способ бытия коллективного опыта, который сохраняется и воспроизводится структурами социальной памяти и не редуцируется ни к индивидуальной привычке, ни к обычаю как локальной конвенции группы, поскольку охватывает целостный онтологический поток-традицию общества. Такое разведение понятий показывает, что критика М. Вебером «традиции» как маргинального, трудно поддающегося рационализации явления в действительности относится преимущественно к уровню «привычки» и «обычая», тогда как категория традиции в её целостном социально-философском значении остаётся у Вебера содержательно непроработанной.

Другими словами, Вебер даёт характеристику традиции не как самостоятельной сущности, а как некоторого явления, которое «трудно рационально использовать», но присутствие которого можно опознать по множеству признаков, возникающих в точке контакта социального действия с предметом исследования. Определённо можно сказать, что М. Вебер учитывает традицию и её присутствие в обществе, выводя в труде «Хозяйство и общество» свой абстрактно-всеобщий термин «традиционность» (и цепочку абстрактно-всеобщих производных «привычка», «обычай» и пр.). В этом проявляется праксеологический поворот по-Веберовски, существо которого не в том, чтобы определить сущность явления, а в том, чтобы подобрать удобные (лёгкие для рационального использования) и отбросить неудобные (трудные для рационального использования) налично данные социальные процессы при решении задач повышения производительности труда, сохранения социального порядка, легитимности и пр. Этот вариант праксеологического поворота отличается от того, который разрабатывал К. Маркс и его последователи, где в основе нацеленности на «изменение мира» лежит познание сущности человека и сущности предметов, которые человек берётся преобразовывать. В западной мировоззренческой культуре после смерти М. Вебера это противоречие разрешено не в

³⁶⁸ «Обычай» в этом аспекте см. также: Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память в современном обществе. М.: Юрайт. 2026. – 205 с. С. 78.

пользу К. Маркса, но и не в пользу М. Вебера, которого более поздние теоретики отнесли к периоду «тяжёлой современности»: эра *«hand wake»*, тяжелой современности, которая в терминах Макса Вебера также определялась как эра инструментальной рациональности, время являлось средством, которое требовалось использовать разумно, чтобы получить максимальную ценность в форме пространства»³⁶⁹ сменяется эрой «лёгкой современности», в которой «”продолжительный срок”, хотя о нем все еще говорят по привычке, - это пустая оболочка, не содержащая никакого значения».³⁷⁰

Основное противоречие философских подходов к пониманию природы человека и общества, примером которого является различие научных подходов К. Маркса и М. Вебера, проявляется также и в сфере научных исследований социальной памяти. Содержание противоречия состоит в нарушении восприятия диалектической взаимосвязи социально-онтологических и социально-праксеологических аспектов этого феномена. Характерное проявление этого противоречия в западных теориях *«memory studies»* состоит в отрицании связи природы коллективной социально-исторической памяти с сущностной, «неизменной» природой человека как «того же самого» на протяжении всей истории человечества, а также в преувеличении роли социальной памяти в качестве инструмента социальных изменений в актуальной социально-политической среде.

В отечественных исследованиях социальной памяти проявлением этого противоречия выступает некоторая потерянная и невнятная в изучении концептуальной связи, преемственности современной тематики социальной памяти с контекстом отечественного диалектического и исторического материализма XX века. Между тем, такая преемственность есть. Она обусловлена праксеологическим поворотом, который в русле диалектического и исторического материализма утверждал идеи революционно-исторического и научно-технического прогресса, а отечественные последователи / пользователи теорий западных *memory studies*, вслед за кумирами «прогресса» концентрируют внимание на понятиях «изменения», «новации», «социальной инновации». Основное различие видится в отношении к феномену традиций: если отечественная мировоззренческая культура признавала значимость социальной традиции («революционная традиция», традиция в культуре), то философия западных *memory studies* утверждает отказ от традиций как на уровне «дискурса», так и на уровне социальной практики.

Понятие «социальной инновации» сформировалось в рамках западной социологии и социальной философии как ответ на необходимость описания качественно новых форм

³⁶⁹ Бауман З. Цит. соч. С.128-129.

³⁷⁰ Бауман З. Цит. соч. С.136.

общественной организации, направленных на решение социальных проблем и адаптацию к изменяющимся условиям. В отличие от технологических или экономических нововведений социальные инновации предполагают качественные изменения в социальных практиках, институтах, формах социального взаимодействия и способах организации социальной жизни. Они направлены на решение общественно значимых проблем, повышение уровня инклюзивности, справедливости и устойчивости социума. В широком смысле социальные инновации можно определить как новые идеи, инициативы и практики, которые изменяют социальные отношения, нормы, роли и институциональные структуры с целью достижения положительного общественного эффекта, проявившегося первоначально в формах «идеационного искусства», отражавшего дух эпохи Ренессанса ³⁷¹. При этом важным критерием инновационности является не только новизна, но и степень социальной значимости и способности к трансформации существующего порядка.

Исторически сама идея создания чего-то нового имела негативную коннотацию, особенно в традиционных обществах, где она ассоциировалась с нарушением установленного порядка. Только начиная с эпохи Просвещения (особенно в XIX–XX веках) идея создания чего-то нового приобретает социально одобряемый статус, ассоциируясь с представлениями об улучшении жизни людей, выражаемыми в понятиях «прогресс», «модернизация», «научно-техническое развитие»³⁷². Поэтому непосредственно сам термин «социальная инновация» вошёл в научный оборот достаточно поздно, в XX веке, на фоне усиливающихся социальных проблем, не поддающихся решению исключительно с помощью привычных или технических средств. Одним из исследователей, обративших внимание на глубинную специфику социальных изменений, был Питирим Сорокин, который в рамках своей теории социальной и культурной динамики выделял противостояние «дисциплинированности» и «революционности»³⁷³. Он подчёркивал, что социальные инновации могут касаться как институциональных форм, так и нравственных оснований общества, и при этом не всегда ведут к улучшению – их оценка зависит от ценностного контекста. Современные исследования в области социальных инноваций подчеркивают их многомерный и междисциплинарный характер, что требует комплексной типологии, учитывающей не только формы проявления, но и их влияние на социальную структуру, культурные нормы и институциональные механизмы. Одним из наиболее

³⁷¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер с англ., комментарии и статьи В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с. С. 145–151.

³⁷² Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи: в 2-х т. Т. 1 / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арутюнова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 736 с. С. 525.

³⁷³ Сорокин П. Цит. соч. С. 680.

распространённых подходов является классификация социальных инноваций по сферам их реализации и воздействию: «технологические», «институциональные» и «культурные» инновации. «Технологические социальные инновации» – это инновации, основанные на применении новых технологий, которые трансформируют «социальные практики и способы коммуникации», способствуя повышению эффективности и доступности социальных услуг. В отличие от чисто технических новшеств, они затрагивают «структуру социальных отношений». Примером может служить внедрение цифровых платформ в экономику³⁷⁴, в систему образования³⁷⁵, здравоохранения или государственного управления, что позволяет расширить доступ к ресурсам и изменить модели взаимодействия между гражданами и институтами³⁷⁶. Как отмечает М. Кастельс, именно информационные технологии становятся базой формирования «новой социальной морфологии», основанной на сетевых связях и децентрализованных структурах³⁷⁷.

«Институциональные инновации» предполагают «изменения в организационных формах, правовых нормах, механизмах управления и регуляции», направленные на повышение гибкости, открытости и адаптивности социальных институтов. Они включают в себя, например, новые формы взаимодействия между государством, бизнесом и гражданским обществом, механизмы партиципаторного управления, модели социального, определяемые в терминах «эффективного, демократического правительства», в экономике которого «стирается исторически сложившийся разрыв между производителем и потребителем»³⁷⁸.

По мнению Дж. Хаусера и Дж. Хоулта, институциональные инновации играют ключевую роль в трансформации устойчивых структур, способствуя «инклюзии и социальной справедливости»³⁷⁹. «Культурные инновации» связаны с изменением «ценностных ориентаций, норм поведения, символических систем и идентичностей». Они проявляются в трансформации культурных практик, форм самовыражения, социальной солидарности и способов осмысления мира. Культурные инновации могут быть

³⁷⁴ Лукшин Р.С. Интернет-технологии в экономике России // Диалог мировоззрений: человек в мире современной экономики: материалы XII Международного симпозиума, 28–30 мая 2013 года / под общ. ред. А.В. Дахина. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. С 92–96.

³⁷⁵ Лукшин Р.С. ИИ и обучение служением: философский взгляд на симбиоз разума и души // Образование. Наука. Научные кадры. 2026. № 1, С. 229-236; Лукшин Р.С. Формирование исторического сознания и памяти в процессе обучения: крах или новые возможности? // Диалог мировоззрений: историческая память в условиях общественных изменений: материалы XIII Международного симпозиума / ред. А.В. Дахин. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. С. 101–109.

³⁷⁶ Pol E., Ville S. Social innovation: Buzz word or enduring term? // The Journal of Socio-Economics. 2009. Vol. 38. № 6. Pp. 878–892. P. 862.

³⁷⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О.И. Шкаратана. Москва, 2000. 606 с.

³⁷⁸ Тоффлер Э. Новая волна. М.: АСТ, 2002. С. 34.

³⁷⁹ Hausmann R. The Atlas of Economic Complexity: Mapping Paths to Prosperity. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. 364 p. P. 12–15.

инициированы как «снизу» – через деятельность художественных, образовательных, этнокультурных и активистских сообществ, так и «сверху» – через культурную политику государства. Как подчёркивал Ю. Лотман, именно культура служит пространством, где зарождаются новые смыслы, способные изменить структуру социальной реальности³⁸⁰.

По определению консультативной группы ЕС TEPSIE («Theoretical, Empirical and Policy Foundations for Building Social Innovation in Europe»), социальные инновации – это «новые идеи, которые одновременно удовлетворяют социальные потребности и создают новые социальные отношения или формы сотрудничества»³⁸¹. В философском контексте социальные инновации рассматриваются как «форма общественного творчества», связанного с реализацией потенциала свободы, солидарности и справедливости. По мнению Ж. Делёза, истинная инновация – это не просто замена одного порядка другим, а «создание новых способов мышления, бытия и взаимодействия», которые открывают возможности для переосмысления самого социального³⁸².

Эволюция понятия социальной инновации также отражает переход от «линейных моделей модернизации» к более «сложным, сетевым и открытым формам развития», где изменения инициируются не только государством или крупными структурами, но и «гражданским обществом, локальными сообществами, активистскими движениями. Это подчёркивает важность «деконцентрированной, горизонтальной природы социальных инноваций», ориентированных на участие и вовлечённость. Все эти типы инноваций редко существуют в изоляции, – они взаимосвязаны, их влияния взаимопроникаемы. Так, технологическое новшество (например, блокчейн или искусственный интеллект) может инициировать институциональные изменения (новые формы управления) и одновременно – культурные сдвиги (изменение доверия, этики, моделей поведения). Поэтому принято считать, что философское осмысление социальных инноваций требует «системного подхода», учитывающего взаимодействие между различными формами новизны и их влияние на память, идентичность и устойчивость общественного порядка.

Типология социальных инноваций может строиться по различным основаниям. В частности, в рамках институционального подхода выделяются:

– «Институциональные инновации» – реформы в сфере законодательства, управления, образования и других системных структур;

³⁸⁰ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с. С. 27–32.

³⁸¹ Caulier-Grice, J., A. Davies, R. Patrick, and W. Norman. Defining Social Innovation: A Deliverable of the Project «The Theoretical, Empirical and Policy Foundations for Building Social Innovation in Europe (TEPSIE)». 2012. European Commission – 7th Framework Programme. Brussels: European Commission, DG Research. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-64849-1_8.

³⁸² Делёз Ж. Различие и повторение / пер. с фр. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с. С. 108–115.

– «Культурные инновации» – новые формы культурной самореализации, ценностных ориентаций, моделей идентичности;

– «Коммуникативные инновации» – изменения в средствах и способах социального взаимодействия, включая цифровые платформы и социальные сети³⁸³.

Современные социальные инновации рассматриваются как «форма исторического творчества», способ актуализации потенциала человеческой свободы и способности к переосмыслению существующих норм. По мнению Э. Тоффлера, современные инновации представляют собой «угрозу перемены цивилизации»³⁸⁴, которая не сравнится с инновациями аграрной и индустриальной революций. В этом контексте они выступают как «движущая сила социальной эволюции», одновременно создавая возможности и порождая риски. Философия социальной инновации также сопряжена с вопросами «ценности, легитимности и устойчивости изменений». Как подчёркивал У. Бек, в условиях «второй модернизации» общество сталкивается с необходимостью институционализировать новые формы риска, знания и ответственности, что требует инновационных решений не только технологического, но и морального порядка³⁸⁵. В постструктуралистских и критических теориях социальные инновации рассматриваются как элементы «дискурсивных полей», «дискурсивных формаций», которые предполагают «пренебрежение традицией» и ведут к «системе рассеяний»³⁸⁶.

Содержательные особенности западного вебериянского праксеологического поворота общества и культуры в XX в. (и представлений о них) раскрыл, в частности, А. Моль, указывая на «кибернетический метод» мышления и социального действия, который стал фактом публичной жизни западного общества конца 1960-х гг.³⁸⁷. Основная же примета рубежной перемены, отмеченной А. Модем, – это «закат гуманитарной культуры»: «Гуманитарная концепция устарела, во всяком случае, в той мере, в какой требуется, чтобы идеал имел корни в действительной жизни: при всём желании и при наличии материальных средств жить подлинной гуманитарной культурой сегодня уже *никто не может*»³⁸⁸. Его объяснения закономерности этого процесса сводятся в т.ч. к тому, что раньше «путём

³⁸³ Pol E., Ville S. Social innovation: Buzz word or enduring term? // The Journal of Socio-Economics. 2009. Vol. 38. № 6. P. 878–892; Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. СПб.: Наука, 2000. 384 с.; Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 776 с.; и др.

³⁸⁴ Тоффлер Э. Новая волна. М.: АСТ, 2002. С. 48.

³⁸⁵ Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. С. 38–45.

³⁸⁶ Фуко М. Археология знания / пер. с фр.; общ. ред. Бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с. С. 29, 39–40.

³⁸⁷ Моль А. Социодинамика культуры / пер. с фр.; вступит. ст., ред., примеч. Б.В. Бирбкова, Р.Х. Зарипова и С.Н. Плотникова. М.: Прогресс, 1973. 406 с. С. 29.

³⁸⁸ Моль А. Цит. соч. С. 38.

углублённого изучения древних языков человек может проникнуть в мир идей и познать большинство предметов, «покрываемых» словами», что раньше «эта точка зрения получала систематическое развитие в немецких университетах», что раньше по Т. Манну считалось, что «слово – это сама жизнь. <...> В настоящее время структура мышления претерпела глубокие изменения. <...> В «оснащении» ума рядового человека гораздо большую роль играет сегодня то, что он прочтёт на афише в метро, услышит по радио, увидит в кино или по телевизору. <...> Свои «ключевые понятия» ... человек вырабатывает *статистическим путём*...»³⁸⁹. Наш анализ этих обобщающих выводов А. Моля приводит к заключению, что «закат гуманитарной культуры» во многом связан с элементами коллективной социальной амнезии – с отказом западного общества от всеобщего изучения «истории и жизни слов», то есть связан с отказом от передачи опыта культурного наследия, созданного поколениями предшествующими, новым, последующим поколениям людей. А. Моль, по существу, противопоставляет культуру, которая «материализована коллективной памятью общества, воплощенной в библиотеках, документах» и пр.³⁹⁰, и культуру, которая дана в качестве «социокультурной таблицы», построенной из фрагментов СМИ³⁹¹. В результате происходит расслоение культуры на «слова» и «идеи»: «Техницизм», пронизывающий всю повседневную жизнь, меняет «все средства культурного общения, и прежде всего язык»; инструментами культуры «являются в первую очередь слова и лишь потом идеи. Если это действительно так, то изучение эволюции словаря после наступления технической эры могло бы дать ключ к пониманию нынешних тенденций развития культуры»³⁹². При этом сама культура рассматривается с «атомистической точки зрения»³⁹³ – как совокупность обособленных «культурем»³⁹⁴, которые могут характеризоваться количеством («обширность» культуры) и наличием устанавливаемых и запоминаемых связей между ними («глубина» культуры)³⁹⁵.

Сопоставление концептуального содержания «Социальной и культурной динамики» П. Сорокина (первое издание 1937–1941 гг.) и «Социокультурной динамики» А. Моля (1967 г.) позволяет заключить, что, работая со «словами», П. Сорокин анализирует «идеи», которые в его понимании и составляют основное, онтологическое тело культуры, тогда как А. Моль отбрасывает «идеи», жить которыми в его понимании «никто не может», и сводит представления о культуре к «словам», воспринимаемым людьми «статистическим путём».

³⁸⁹ Моль А. Цит. соч. С. 39.

³⁹⁰ Моль А. Цит. соч. С. 53.

³⁹¹ Моль А. Цит. соч. С. 54.

³⁹² Моль А. Цит. соч. С. 39.

³⁹³ Моль А. Цит. соч. С. 49.

³⁹⁴ Моль А. Цит. соч. С. 50.

³⁹⁵ Моль А. Цит. соч. С. 51.

Раскрывая своё понимание «культуры», П. Сорокин делает акцент на «внутренней стороне» того или иного артефакта: чтобы культуру понять, «её нужно «вычитать» в формах её внешнего воплощения»; в культуре важен «подлинный смысл», «подлинная ментальность», «подлинная духовная суть»; «Сам по себе характер объектов культуры – надписей, писем, хроник, книг, воспоминаний и других «свидетельств» – часто даёт достаточно оснований для воссоздания изначального смысла, подразумеваемого автором»³⁹⁶. Кроме того, «в любом культурном пространстве, представляющем собой совокупность свойств, образцов, объектов и ценностей, из которых оно состоит, есть сочетания, образующие некую функциональную целостность»³⁹⁷, «логико-смысловое единство», «общим знаменателем которого служит главный смысл или идея»³⁹⁸. Если у П. Сорокина глубинный смысл культуры надо «вычитывать», и этот праксеологический поворот нацелен на удержание идей и смыслов, то Мольтер утверждает другой праксеологический поворот, – тот, который предполагает отказ от «углублённого изучения» смыслов. Если П. Сорокин показывает, что квинтэссенция культуры – это «идея» (духовное наследие культуры), то А. Мольтер утверждает концепцию отказа от «идей» в пользу «слов» (материальное присутствие культуры).

Таким образом, тенденция праксеологического поворота западной философии XX в. к концу 1960-х гг. ведёт к концептуальному превращению «культуры» в «информацию», а теории культуры – в «культурное поведение». Происходит отказ от углублённого изучения собственной истории и от сохранения «изначальных смыслов». В свете онтологии систем, запоминающих свои «начальные условия»³⁹⁹, – это противоречие, создающее почву для того, чтобы отношение «информационное общество – коллективная память» на более поздних ступенях приобрело форму противостояния, противоборства. Описанные А. Мольтером процессы соответствуют тенденции амнезирования общества, тенденции «сброса», ослабления структур социальной памяти, которая находится внутри западного праксеологического поворота. Одновременно это и тенденция разрастания бездны небытия, в которой бесследно исчезает всё, преданное коллективному забвению и оставляющее вместо себя коллективное ощущение пустоты.

³⁹⁶ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений и больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ., комментарии и статьи В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с. С. 41.

³⁹⁷ Сорокин П.А. Цит. соч. С. 25.

³⁹⁸ Сорокин П.А. Цит. соч. С. 29.

³⁹⁹ Дахин А.В. Синергетическая парадигма: коррекция по проблеме исторического памятования. Синергетическая парадигма: коррекция по проблеме исторического памятования // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 156–182.

Идея П. Сорокина о том, что единицу измерения культуры необходимо представлять как «нечто неизменное, как форму Бытия»⁴⁰⁰, частично сохраняется в идеях о том, что инновационное общественное творчество неразрывно связано с механизмами памяти и преемственности. Даже самые радикальные новации опираются на культурные ресурсы прошлого – язык, символы, ценности, модели мышления. Как подчёркивал Ю. Хабермас, инновации могут быть легитимированы лишь тогда, когда они вписаны в логическую и культурную ткань общества, то есть, когда они не разрывают связь времён, а «преобразуют традицию, сохраняя её значимость»⁴⁰¹. В новом свете тема связи сферы существования человека с бытием раскрывается в рамках концепции «бытия – памяти», характеризующей онтологическую «взаимосвязь структур памятования с вопросом о сущности предметов и формах её бытия в предметных мирах большой истории»⁴⁰².

Тем не менее, основная тенденция представлений об инновации связана с рассмотрением их в качестве главной «адаптивной функции»: они являются ответом на изменяющиеся внешние и внутренние условия – экономические, политические, экологические, культурные: согласно Э. Морену, одна из ключевых характеристик современного общества – это его «комплексность», требующая абсолютной гибкости, способности к самоорганизации и адаптации, что как раз и реализуется через инновационные практики⁴⁰³. Отчуждение от «бытия» компенсируется приобщением к «воображению» на основе манипулирования «словами». Вместо исторически сложившихся наций появляются «выдуманное сообщество»⁴⁰⁴, вместо «сущности понятий» – «пустые означающие» (как позитивная тенденция, Ж. Лакан⁴⁰⁵), вместо «человеческой речи» – «язык без человека», «мышление без слов» (как негативная тенденция, В.А. Кутырев⁴⁰⁶) и т.п. Как позитивная в XX веке эта тенденция получила развитие в трудах Ф. де Соссюра, Ж. Лакана, Ж.Ф. Лиотара, Ж. Деррида и др. Эта же тенденция нашла отражение в высказывании Ги Дебора о том, что сначала западное общество переходит от ценностей «быть» к ценностям «иметь», а затем – от ценностей «иметь» к ценностям «казаться».⁴⁰⁷ Ж.-Ф. Лиотар в работе «Состояние постмодерна»

⁴⁰⁰ Сорокин П.А. Цит. соч. С. 81.

⁴⁰¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. СПб.: Наука, 2000. С. 235–239.

⁴⁰² Дахин А.В. Память, история, вселенная: на пути к новой онтологии реальности // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2012, № 1(3). С. 19–34. С. 26.

⁴⁰³ Морен Э. Метод. Природа Природы / пер. с фр. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 464 с. С. 53–59.

⁴⁰⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева; ред., вступит. статья С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2024. 413 с.

⁴⁰⁵ Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / пер. с фр. А.К. Черноглазова, М.А. Титовой. М.: Русское феноменологическое о-во, 1997. 183 с.

⁴⁰⁶ Кутырёв В.А. Последнее целование. СПб.: Алетейя, 2015. С. 214, 220–223.

⁴⁰⁷ Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос (Радек), 2000. 184 с. С. 26.

указывает, что неизбежна «сильная экстерииоризация знания относительно «знающего», на какой бы ступени познания он ни находился»⁴⁰⁸, а также даёт своё обоснование необходимости «сделать акцент на языковых фактах» и на методе «языковой игры»⁴⁰⁹. В этом контексте инновации, в частности знания воспринимаются не как путь к совершенству и истине, а как инструменты трансформаций, которые будут «подчиняться условию переводимости возможных результатов на язык машин»⁴¹⁰, и, как предрекает Лиотар, будут сопровождаться утратой всех «непереводимых» смыслов, идентичности и культурной памяти. В контексте начала XXI в. прикладные технократические подходы развиваются в рамках STS (science and technology studies), где разрабатываются технологии и правоприменение машиночитаемого письма⁴¹¹. О той же тенденции, но в ключе критического сопротивления ей писал В.А. Кутырев: «В эпоху постмодерна трансцендентализм и когнитивизм реализуются *на практике*: в информационной теории сознания и «письме». <...> Традиционное, целостное сознание человека распадается на смысловое, понятийное (словесно-образное) – logos и формализованное, техническое (мышление-коммуникацию) – mathesis. <...> Его вторая форма машинизируется и вытесняет первую, «ручную» (головную), подтверждая высказывание М. Хайдеггера, что «наука не мыслит». Когнитология – теория мышления без сознания, без образов и психики. *Без понимания*. <...> Лишённое рефлексии коммуникационное мышление превращается в искусственный интеллект как новую реальность. *В Иное*»⁴¹².

Приведённое исследование позволяет выявить общую тенденцию западного философского дискурса, для которого характерно противопоставление «традиционного общества» и «современности», и где современность, которая рассматривается в качестве высшей ценности, получается за счёт отказа людей от традиций и вовлечения их в ряды «технореволюционеров» (по Э. Тоффлеру⁴¹³). Традиции общества рассматриваются в качестве своеобразного крепостного права, от которого людей необходимо избавлять ради обретения «свободы», необходимой для интеграции в «современность». Другая характерная особенность западного философского дискурса, которая проявляется у приведённых авторов, состоит в переоценке роли технических и технологических систем в

⁴⁰⁸ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 1998. 160 с. С. 18.

⁴⁰⁹ Лиотар Ж.-Ф. Цит. соч. С. 29.

⁴¹⁰ Лиотар Ж.-Ф. Цит. соч. С. 17.

⁴¹¹ Трансформация объектов правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт / под общ. ред. В.В. Блажеева, Е.А. Егоровой. М.: Проспект, 2021. 592 с.

⁴¹² Кутырев В.А. Последнее целование человека. Человек как традиция. СПб: Алетейя, 2005. 312 с. С. 11.

⁴¹³ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 776 с.

обществе «современности» и в недооценке роли живого традиционного человека (человека как традиции) в нём. Особенно резко эта особенность проявляется в теориях «информационного общества», где технологии обработки информации рассматриваются в качестве перспективного и главного индикатора «современности». В западной социальной науке понятие инновации прошло путь от маргинального и слабо разработанного термина до ключевого элемента современной философии и социологии изменений. Эволюция понятия отражает также глубокий сдвиг в понимании природы социальных изменений, идущий от расцвета гуманистической культуры к закату гуманитарной культуры (по А. Молю), в котором важнейшую роль играет ситуативный инновационный импульс, отчуждающий актуальные «словари» от «изначальных смыслов». Начавшийся в 1960-х гг. концептуальный отказ западного общества от «изначальных смыслов» и переход к концепции культуры, формирующейся «статистическим путём», представляет собой эпизод праксеологического поворота западной социальной философии, в котором происходит обоснование правомерности, нормальности, естественности отказа общества от собственных традиций, «идей», «logosa» в пользу «словарей», «письма», «Иного» и в пользу коммуникативных манипуляций с ними. На рубеже XXI в. наступает период отказа от «словарей», «письма» и «буквы» в пользу «цифры», «вычисления» и «алгоритмической калькуляции», которые выводят праксеологический поворот на стадию отказа от человека как такового, от человека, как традиции, в пользу «искусственного интеллекта» и в пользу фундаментального расчеловечивания социальной реальности.

Критическое исследование западноевропейской тенденции понимания и социального функционирования новаций, претендующего на статус глобально признанных, представлено в работах В.А. Кутырева, который определяет эту тенденцию понятием «новационизм»: «Новационизм, идеология новационизма, когда вещи считаются существующими не для того, чтобы быть, жить, работать, а скорее исчезнуть, замениться другими, более совершенными, – это растянутый во времени, непрерывный апокалипсис, фактическая цель переднего края технонауки»⁴¹⁴. «Новационизм» – не какое-то отдельное направление изобретательской деятельности, он раскрывается в более широком социальном контексте – как элемент «трансцендентализма»⁴¹⁵, – понятие, которое определяет основную характеристику западной современности как «эпоху трансмодерна»⁴¹⁶. Основные причины неприемлемости этой системы взглядов на современность в том, что она предполагает отказ от практик человеческого познания

⁴¹⁴ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. С. 15.

⁴¹⁵ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. С. 26–44.

⁴¹⁶ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. С. 12.

(«отказ от мудрости» по В.А. Кутыреву⁴¹⁷), продвигает идеи «потребления самого человека»⁴¹⁸, существо которых в том, что «человечество вышло на тропу войны с самим собой. И на плане смыслов победило. Происходит теоретический (для начала) апокалипсис (холокаст = всесожжение, в терминологии Деррида), в котором возникает «Тот свет» – новационное постчеловеческое (Не)небо и новая, постчеловеческая (Не)земля»⁴¹⁹. Соответственно, основной миссией отечественной философско-мировоззренческой культуры является «Борьба за Традицию Человека»⁴²⁰. Таким образом, налицо глубокое противоречие, концептуальный раскол представлений о современности, роли традиции, в т.ч. человека, как традиции, и новации в ней.

Философская диалектика позволяет выйти за рамки технократического понимания инноваций, акцентируя внимание на их антропологическом, этическом и культурном измерениях. Для содержательного раскрытия диалектики соотношении инноваций и традиций особое значение приобретают представления об онтологической природе памяти, которая раскрывается через диалектику «бытия» и «существования»⁴²¹. Структуры коллективной социально-исторической памяти занимают центральное место в функционировании социального бытия и социального существования человека и общества, в т.ч. в структуре социальных традиций и социальных новаций, где традиции по своей природе в большей мере относятся к сфере социального бытия, а новации – в большей мере к сфере социального существования. В общем плане социальная традиция – это коллективный опыт предшествующей истории сообщества людей, который благодаря работе структур коллективной памяти передаётся из поколения в поколение в форме накопленного культурного достояния этого сообщества. Социальная новация – это ситуативный опыт «современности», который может стать частью культурного достояния конкретно-исторического сообщества, если попадёт в предметное поле действия его коллективной социальной памяти.

Этот момент связи «новации» и «памяти» является принципиально важным⁴²². В практической жизни личности он проявляется, например, в том, что поэт, когда ему придумается новая удачная рифма, стремится её записать, писатель, когда подмечает где-

⁴¹⁷ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. С. 45–53.

⁴¹⁸ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. С. 78.

⁴¹⁹ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. С. 27.

⁴²⁰ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. С. 15.

⁴²¹ Дахин А.В. Фрмационное самоопределение универсума. Часть 1. Природный мир. Н. Новгород: НАСИ, 1992. 107 с. С. 44, 49.

⁴²² Лукшин Р.С. Философские горизонты инноваций: Сохраняя память в эпоху прорывных технологий // Философия и культура, №2. 2026. С. 1–9; Лукшин Р.С. Философское понимание прогресса и инноваций в сохранении исторической памяти: сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума. Москва: Издательство ООО «Инфинити», 2025. С. 69–75.

то важную черту характера в образе человека, стремится занести впечатление в записную книжку, музыкант, когда ему придумается новая удачная мелодия, стремится сделать её нотную запись, живописец, когда находит новое состояние природы, стремится запомнить его с помощью этюда и т.д. Другими словами, ситуативно, спонтанно возникшая новая идея становится «новацией» (новым замыслом), если удерживается в памяти. Если связки новой идеи и памяти не возникает, то внезапное озарение обнуляется, уходит в небытие. То же имеет место и в коллективном, социальном процессе: идея изобретателя становится «новацией», если она удерживается в качестве самодостаточного предмета коллективного социального памятования хотя бы небольшой группы людей-единомышленников. Например, идеи научного социализма К. Маркса приобрели в России конца XIX в. статус социальной новации благодаря коллективной памяти определённой социальной группы (русских марксистов, П.Б. Аксельрода, В.Г. Плеханова и др.).

Природа «ситуативного опыта» может быть связана с несколькими типами социально-исторической ситуации: а) ситуация исторически беспрецедентного опыта, который обретает социальный статус «нового» на фоне традиции-памяти, культурное достояние которой не имеет аналогов такого опыта (например, новая теория природы спектра света И. Ньютона и др. научные открытия; б) коллективный опыт предшествующей истории одного сообщества людей, ситуативно попадающий в сферу «современности» другого сообщества людей, в культурном багаже которых аналоги такого опыта отсутствуют (например, открытие «нового света» Х. Колумбом, «нововведения» Петра I и пр.); в) утраченный коллективным опытом предшествующей истории сообщества людей элемент собственной культуры, который ситуацией «современности» возвращается в сферу существования сообщества «из небытия», «из забвения» (например, новый археологический артефакт, новый литературный источник и пр.).

В перечисленных ситуациях, описывающих основные формы появления социальной новации, действует отношение «событие современности – коллективная социально-историческая память – социальная традиция», которое является фундаментальной основой диалектики социальных отношений «традиция – новация». Термин «событие современности» мы используем для характеристики простейшего, «атомарного» элемента современной социальной реальности, которая учитывает динамическую особенность восприятия современности XX – начала XXI вв. Прежде всего это особенность, определённая упомянутым 11 тезисом о Фейербахе, в свете которого статичная «вещь», которую в качестве «атомарного» элемента реальности изучали и И. Кант, и Г.В.Ф. Гегель («вещь в-себе», «вещь-для-себя») и др., теперь воспринимается как объект деятельности человека, то есть как динамический социальный процесс, в котором определённым образом

соединены люди и «вещи». В теории К. Маркса не было выделено такого атомарного элемента, если не считать понятие «товарный обмен», которое отражает специфически экономическую форму деятельности человека. В научном наследии М. Вебера используется термин «социальное действие», которое, хотя и призвано отделить «социальное» от «психологизации»⁴²³, но не предназначено для определения сущностной онтологической основы «социального» и принципиально тяготеет к описанию «единичных индивидов», исключая онтологическое существование коллективных социальных феноменов. «Так, применительно к религии он подчёркивает: “Мы имеем дело не с “сущностью” религии, а лишь с условиями и результатами одного определённого типа группового социального действия».⁴²⁴ Термин «событие современности» указывает на конкретную сущность деятельности человека или социальной группы, состоявшуюся в сфере здесь-и-теперь существования устойчивого конкретно-исторического и конкретно-географического сообщества людей. Строение «события современности» мы рассматриваем в свете философской теории деятельности Л.А. Зеленова⁴²⁵, согласно которой система деятельности интегрирует восемь основных компонентов: субъект деятельности, объект деятельности, средства деятельности субъекта, процесс деятельности, условия деятельности, результат деятельности, вся система деятельности, как единичная целостность, и среда деятельности, то есть иные системы деятельности, феномены социальной реальности. Переходя от «системы деятельности» к «событию современности» (в дополнение к концептуальной модели Л.А. Зеленова) мы учитываем, что система деятельности находится в поле диалектики сферы социального бытия и сферы социального существования, которые онтологически определяют локализацию деятельности в конкретном пространстве-времени социальной реальности, в нашем случае – в социальной реальности современности.

В отличие от постмодернистского и технократического понимания «современности», где этот термин устанавливает ценностную иерархию предметов и видов деятельности людей (делит их на «новые», то есть социально ценные, и «старые», то есть социально ничтожные) и является основой для дискриминации «старого» в пользу эмансипации «нового», термин «событие современности» констатирует онтологически данное «равенство» проявлений сущностных сил человека в конкретной точке пространства-времени сферы существования людей. Кроме того, через взаимосвязь с понятием «бытие» («бытие-память» по А.В. Дахину) термин «событие современности»

⁴²³ Шпакова Р.П. Цит. соч. С. 147.

⁴²⁴ Шпакова Р.П. Цит. соч. С. 159.

⁴²⁵ Зеленов Л.А. Философия // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Н. Новгород: Гладкова О.В., 2006. 168 с. С. 120–123.

соотносит деятельность в конкретной точке пространства-времени с устойчивым конкретно-историческим и конкретно-географическим сообществом людей, в том числе предполагает тот или иной уровень публичности события, а также предполагает наличие глубинной связи социального существования с социальным бытием сообщества и, следовательно, учитывает присутствие в событии современности структур коллективной социально-исторической памяти, в контексте функционирования которой «событие современности» совершается. В более широком плане понятие «событие современности» интегрировано в поле платформенной философии социально-антропологического детерминизма, характерного для отечественной советской и российской мировоззренческой культуры. В этом плане он содержательно отличается от понятия «современность», денного в работах Э. Тоффлера, Э. Гидденса, У. Бека, З. Баумана и других западных исследователей, которые интегрированы в поле платформенной философии социально-технократического конструктивизма⁴²⁶.

Поэтому базовое онтологическое отношение «социальное существование – коллективная социально-историческая память – социальное бытие» (по А.В. Дахину) конкретизируется в отношении «событие современности – коллективная социально-историческая память – социальная традиция», так что термин «событие современности» позволяет детализировать понятие «социальное существование», а связка «коллективная социально-историческая память – социальная традиция» применительно к настоящему контексту изложения позволяет детализировать понятие «социальное бытие», поскольку традиция рассматривается как историческая форма бытия, константа культуры, которая «путешествует во времени, но не растворяется в нём»⁴²⁷.

На следующем шаге диалектической логики уточнения понятия «событие современности» необходимо обратить внимание на то, что содержание здесь-и-теперь существующей деятельности находится в том или ином отношении с социальной традицией, так что социальная традиция (в лице публично действующего сообщества) «определяет», опознаёт налично данную деятельность либо как нечто известное, понятное, то есть как нечто «традиционное», либо воспринимает его как нечто неизвестное, непонятное, не имеющее аналогов в традиции, то есть как нечто «новое». Таким образом, событие современности, становясь публичным феноменом, мгновенно облучается светом социального восприятия: оно воспринимается как «традиционное» или как «новое», как

⁴²⁶ Концепция противоборства двух платформенных философских систем в современном мире берётся по Э.Ф. Сергеевой. См.: Сергеева Э.А. Идеология в структуре противоборства информационных влияний на социальную реальность: дисс. к. филос. н., 5.7.7. Социальная и политическая философия. Н. Новгород, 2024. 206 с. С. 68.

⁴²⁷ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. С. 107.

«социальная новация». Таким образом, можно уточнить, что термин «событие современности» в лучах публичного восприятия, разворачивается в спектре различных форм своего существования. Полюса этого спектра наиболее точно определяются терминами «традиционное событие современности» и «новационное событие современности».

Традиционное событие современности – это модус здесь-и-теперь данной деятельности в сфере существования сообщества, содержание и формы которой соответствуют исторически сложившейся социальной традиции сообщества, имеет аналоги, прототипы в достоянии культуры сообщества, сформированной его предшествующей историей. В отличие от западных теорий «современности» которые утверждают идеи онтологического бегства от традиций и бесконечной погони за «иным» («спасение Иного» посредством «потребления человека» по В.А. Кутыреву⁴²⁸), термин «традиционное событие современности» утверждает присутствие единой онтологической природы «современности» и «традиционности»: а) через диалектику принадлежности и «событий современности», и «традиционных событий современности» к сфере здесь-и-теперь существования одного и того же устойчивого, исторически сложившегося сообщества людей, б) через диалектику онтологического отношения «событий современности», как явления сферы социального существования, с «социальной традицией», как с элементом сферы социального бытия того же самого устойчивого, исторически сложившегося сообщества людей; в) через диалектику «явления» и «модуса», поскольку «традиционное событие современности» рассматривается как один из модусов публичного восприятия «события современности».

Инновационное событие современности – это модус здесь-и-теперь данной деятельности в сфере существования сообщества, содержание и формы которой не соответствуют социальной традиции сообщества, не имеют аналогов, прототипов в исторически сложившемся достоянии культуры сообщества, или представляют собой часть неизвестной ранее социальной традиции иного сообщества, или забытой традиции. Феномен «инновационного события современности» также обусловлен присутствием единой онтологической природы «современности»: а) через диалектику принадлежности и «событий современности», и «инновационных событий современности» к сфере здесь-и-теперь существования одного и того же устойчивого, исторически сложившегося сообщества людей, б) через диалектику онтологического отношения «событий современности», как явления сферы социального существования, с «социальной

⁴²⁸ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. С. 77–78.

традицией», как с элементом сферы социального бытия того же самого устойчивого, исторически сложившегося сообщества людей; в) через диалектику «явления» и «модуса», поскольку «новационное событие современности» рассматривается как один из модусов публичного восприятия «события современности».

Определённую асимметрию в соотношении «инновационного события современности» и «традиционного события современности» вносит то обстоятельство, что дифференциация «события современности» на эти два модуса определяется отношением к фактору изначального социального бытия, к изначальной исторически данной «социальной традиции». Существо этой дифференциации сводится к тому, что всякое очередное событие современности публично соотносится «с тем, что было раньше», с социальной традицией. Именно в этом соотношении и генерируется восприятие события как «традиционного события», то есть в нём сохраняется «то же самое», что «было раньше», или генерируется восприятие события как «инновационного события», то есть в нём присутствует что-то «не то же самое», что «было раньше». Поэтому в диалектике отношений «инновационное событие современности» – «традиционное событие современности» нет полной симметрии. В её основе присутствует базовая онтологическая структура социальной реальности «событие современности – коллективная социально-историческая память – социальная традиция», где термин «традиция» встречается дважды, сначала в качестве модуса социального бытия («социальная традиция»), а затем в качестве модуса события современности («традиционное событие современности»). Термин «новация» встречается в этой онтологической структуре однократно, только в качестве модуса события современности («инновационное событие современности»).

Социальное со-существование традиционного и инновационного модусов события, таким образом, таково, что инновационный модус возникает параллельно с основным, субстанциальным потоком событий социальной реальности по линии, идущей от исторически сложившейся «социальной традиции», через «социальную память», к модусу «традиционного события современности», присутствие которого целесообразно подчеркнуть термином «онтологический поток-традиция». В этом плане более чётко выраженной становится общая смысловая основа понятий «человек как традиция» (В.А. Кутырёв⁴²⁹), «культура как традиция» (Э.С. Маркарян⁴³⁰), «техника как традиция» (А.В. Дахин⁴³¹) и др. Онтологический поток-традиция рассекается барьерами социальной ротации, то есть процессами различного рода социальной мобильности (поколенческой,

⁴²⁹ Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб., 2015.

⁴³⁰ Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.

⁴³¹ Дахин А.В. Феноменология универсальности в культуре. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 1995. 148 с. С. 109–126.

пространственной и пр.), которые ослабляют, останавливают поток, являются препятствием на его пути, как пороги на реке являются препятствием для течения реки. Преодоление барьеров социальной ротации происходит благодаря функционированию структур коллективной социально-исторической памяти, которые обеспечивают наследование опыта предшествующей истории, передачу его от поколения предшествующего поколению последующему. Социальная память встроена в структуру онтологического потока-традиции, благодаря чему он приобретает свойства непрерывности, устойчивости, способность сохраняться сквозь века.

В контексте онтологического потока-традиции модус инновационного события современности выступает в качестве флуктуации, ответвления, отклонения или девиации, которая при всех обстоятельствах существует и воспринимается публично как нечто новое не в безвоздушном пространстве, а на фоне какой-то конкретной среды традиционных событий.

В этом контексте в проблематике социальной памяти высвечиваются новые аспекты, которые обусловлены необходимостью уточнения как её роли в появлении и устойчивом присутствии в сфере здесь-и-теперь существования модуса традиционного события современности, так и её роли в появлении и устойчивом присутствии в сфере здесь-и-теперь существования модуса инновационного события современности. В аспекте модуса традиционного события современности необходимо уточнение роли социальной памяти в присутствии адаптивного или ортодоксального формата традиционного модуса события современности. В аспекте модуса инновационного события современности необходимо уточнение роли социальной памяти как в самом факте появления новации, так и в обеспечении присутствия радикального или умеренного формата инновационного модуса события современности.

В заключении второго параграфа исследования необходимо сделать следующие основные выводы:

1. Исследование представлений о социальной современности позволили определить, что в их основе лежит праксеологический поворот мировоззренческой культуры, смысл которого был выражен 11-м тезисом К. Маркса о Л. Фейрбахе. На базе праксеологического поворота возникло концептуальное противоречие в восприятии соотношения «традиции» и «инновации» в современном обществе. Оно сводится к тому, что в западных исследованиях доминирует концепция «современности», которая отказывается от традиции в пользу инновации, создавая перспективу «дурной бесконечности» технократического инновационизма. Отечественные концептуальные подходы, с одной стороны, критически анализируют западную тенденцию с позиций сопротивления ей, а с другой стороны,

некритически используют западные концептуальные подходы для прикладных, узко эмпирических исследований.

2. Восстановление диалектической взаимосвязи в восприятии современности, традиции и инновации представлено через введение в предметное исследовательское поле понятия «событие современности», которое позволяет дать целостное описание элементарной, «атомарной» таксономической единицы современной социальной реальности. Понятие «событие современности» отражает текучий характер современной социальной реальности, охватывает диалектику всех компонентов деятельности человека, а также диалектику сфер социального бытия и социального существования, так, что в основе события современности полагается отношение «социальное существование – социальная память – социальное бытие».

3. Применительно к вопросам соотношения традиции и инновации в современном обществе отношение «социальное существование – социальная память – социальное бытие» преобразуется в отношение «событие современности – социальная память – социальная традиция», в свете которого определяется диалектика традиционных событий современности и инновационных событий современности. Критерием определения события современности в статусе традиционного или инновационного является его соотношение с исторически сложившейся социальной традицией, отражающей присутствие и действие социальной памяти, как основы социального бытия и его влияния на социальное существование современного общества.

4. В свете этого подхода традиционное событие современности определяется как модус здесь-и-теперь данной деятельности в сфере существования сообщества, содержание и формы которой соответствуют исторически сложившейся социальной традиции сообщества, имеют аналоги, прототипы в достоянии культуры сообщества, сформированной его предшествующей историей. Инновационное событие современности – это модус здесь-и-теперь данной деятельности в сфере существования сообщества, содержание и формы которой не соответствуют социальной традиции сообщества, не имеют аналогов, прототипов в исторически сложившемся достоянии культуры сообщества, или представляют собой часть неизвестной ранее социальной традиции иного сообщества, или забытой традиции.

Обобщая исследование, проведённое в первой главе исследования, необходимо выделить следующие основные выводы:

Во-первых, исследование позволило выявить основное противоречие философских подходов к пониманию природы современности, социальной памяти, инноваций и традиций, которое сложилось на основе праксеологического поворота мировоззренческой

культуры конца XIX – начала XX вв. Противоречие состоит в нарушении восприятия диалектической взаимосвязи социально-онтологических и социально-праксеологических аспектов социальной реальности. В западных теориях *memory studies* названное противоречие проявляется в отрицании связи современности и традиции, в отрицании связи природы коллективной социально-исторической памяти с сущностной природой человека как традиции, а также в преувеличении роли социальной памяти в качестве инструмента социальных изменений в актуальной социально-политической среде. В отечественных исследованиях социальной памяти проявление этого противоречия состоит в определённой потерянности и невнятности в изучении концептуальной связи, преемственности между современной тематикой социальной памяти и контекстом отечественного диалектического и исторического материализма XX века.

Во-вторых, концептуально противоположные тенденции, действующие в потоке западных *memory studies* и в потоке отечественной гуманитарной культуры приводят к образованию противопоставления современности без памяти, которая характерна для западных теорий современности, и помнящей современности, представления о которой складываются в отечественной социальной философии и культуре современности. В аспекте отношения «традиция – новация» названная противоположность сохраняется, поскольку западная тенденция концептуализации современности поддерживает отказ от понятия «традиция» и сводит социальные изменения к смене новаций («новация – новация»), тогда как альтернативная, отечественная тенденция концептуализации придерживается принципа диалектики в отношениях «традиция – новация».

В-третьих, восстановление диалектической взаимосвязи в восприятии современности, традиции и инновации представлено через введение в предметное исследовательское поле понятия «событие современности», которое позволяет дать целостное описание элементарной, «атомарной» таксономической единицы современной социальной реальности. Понятие «событие современности» отражает текучий характер современной социальной реальности, охватывает диалектику всех компонентов деятельности человека, контур её публичности, публичного восприятия, а также диалектику сфер социального бытия и социального существования. В качестве концептуальной основы исследований социальной памяти, традиции, инновации полагается отношение «событие современности – социальная память – социальная традиция», в свете которого определяется диалектика традиционных событий современности и инновационных событий современности. Основное содержание сводится к тому, что критерием определения события современности в статусе традиционного или инновационного является его соотношение с исторически сложившейся социальной

традицией, отражающей присутствие социального бытия и его влияние на социальное существование современного общества.

В-четвёртых, исследование диалектики отношения «традиции – инновации» раскрывает новые моменты содержания проблемы социальной памяти, в частности, с необходимостью уточнения как её роли в появлении и устойчивом присутствии в сфере здесь-и-теперь существования модуса традиционного события современности, так и её роли в появлении и устойчивом присутствии в сфере здесь-и-теперь существования модуса инновационного события современности. Эти вопросы рассматриваются во второй главе диссертации.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Вторая глава углубляет исследование диалектики отношений «социальная память – традиция – инновация» через выявление тех аспектов социальной памяти, которые значимы для процессов преобразования новации по линии «единичное – особенное – всеобщее», которое рассматривается в контексте праксеологического поворота современного общества, состоявшегося в модусе, направленном на формирование общества социализма, и в модусе, направленном на создание общества модерна. Это исследование позволит уточнить глубинные причины противоречия в отношениях «социальная память – новация». В результате исследования предполагается определить концептуальные основания гармонизации различных элементов социальной реальности по линии отношения «социальная память – новация».

§ 2.1. Основное противоречие праксеологического поворота современности

В рамках первого параграфа первой главы проводится исследование праксеологического поворота современного общества, состоявшегося в модусе, направленном на формирование общества социализма, и в модусе, направленном на создание общества модерна, раскрывается содержание противоречия в структуре праксеологического поворота, уточняется роль социальной памяти в этом процессе, которая определяет вариации диалектики по линии отношения «социальная память – традиция – новация».

Как уже было отмечено выше, символическим маркером праксеологического поворота социальной философии XX в. можно считать одиннадцатый тезис К. Маркса о Фейербахе. Основной же предпосылкой был не «тезис», а социально-философская теория социальной революции К. Маркса и Ф. Энгельса. Именно она создала философско-мировоззренческую платформу праксеологического поворота мировоззренческой культуры по всему миру. При этом на протяжении XX в. в странах Запада (США и их геополитические союзники) праксеологический поворот приобрёл форму «антимарксистского» плюрализма (К. Поппер⁴³²), сохранив при этом ключевую идею марксизма о том, что люди – это конечная причина всех социальных процессов, на основе которой происходило описание новых социальных событий и явлений XX в., а также

⁴³² Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Изд-во: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 427 с.; Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время пророков; Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Изд-во: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 475 с.

коммерциализация социально-философского знания. В то же время, в СССР и в странах «социалистического лагеря» праксеологический поворот приобрёл форму философии «диалектического и исторического материализма», сочетавшего догматический марксистско-ленинский монизм с отказом от адаптации этой мировоззренческой картины мира к реалиям как «советской действительности», так и к описанию новых социальных процессов и явлений XX в. В результате в русле западной философии XX в., как было отмечено выше, модернизация марксизма привела к «иноизму», к философии постмодернистского расчеловечивания «социальных изменений», к философии транс- и постгуманизма. В отечественной традиции гуманитарного знания тот же праксеологический поворот привёл к доксе философии диалектического и исторического материализма (1930–1980 гг.), затем к доксе его отрицания в пользу западных социальных теорий (1990–2000-е гг.), а в настоящее время, в связи с разочарованием в непогрешимой истинности западных социальных теорий, он привёл к необходимости повторного анализа советского философского наследия и к вопросам формирования собственной платформы социально-философского знания, которое должно фундировать отечественную политику развития России.

Философия социальной революции, которая была главным смысловым ядром диалектического и исторического материализма, а высшим и историческим проявлением которой была «социалистическая революция» 1917 г. в России, базировалась на том, что разделение труда, «которое делает возможным – больше того: действительным» то, что «духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов, и возможность того, чтобы они не вступали друг с другом в противоречие»⁴³³ достигается только и исключительно посредством «социальной революции». Историческое развитие происходит за счёт решения проблемы «противоречия» посредством полного переворота, посредством революции, восстающей против всего «прежнего *характера* деятельности», посредством уничтожения «условия своего собственного существования», на котором ранее базировалось общество, «уничтожения *труда*» (имеется ввиду «капиталистический труд»)⁴³⁴. Общество устроено так, что разрешение возникших социально-экономических противоречий осуществимо только посредством полного переворота, восстающего не против отдельных сторон жизни общества, но против самого «прежнего “производства жизни”, против «всей деятельности»,

⁴³³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице различных его пророков // Собрание сочинений. Изд. 2. Т. 3. М.: Государственное изд-во политическая литература, 1955. С. 7–544. С. 30–31.

⁴³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 70, 78.

всего «прежнего *характера* деятельности», на которой оно базировалось.⁴³⁵ Поэтому социальная / коммунистическая революция – это эпохальная, историческая инновация: «Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого».⁴³⁶ «Коммунисты считают ... что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя»⁴³⁷. Теория социальной революции К. Маркса и Ф. Энгельса легла в основу определения «социальной революции» как единичного инновационного феномена в концепции В.И. Ленина⁴³⁸ о социалистической революции в одной отдельно взятой стране (в России). При этом радикализм «решительного разрыва с унаследованными от прошлого отношениями собственности» и с прежним «производством жизни» были уравновешены признанием необходимости сохранения не только созданных при «капитализме» производительных сил, в т.ч. и «буржуазных специалистов»⁴³⁹, но и отношений «капиталистической собственности» (НЭП). Тема присутствия при социализме отношений мелкой частной собственности (в современной терминологии – малого и среднего бизнеса) достаточно широко присутствовала в концепциях социализма Югославии, Польши, Венгрии, Чехословакии и др. стран «социалистического лагеря» и была предметом критики со стороны официальной доктрины диалектического и исторического материализма СССР. В этих дискуссиях, а также в событиях ввода советских войск в Польшу, в Венгрию, в Чехословакию дано одно из резонансных проявлений противоречия между представлениями о традициях и представлениями о новациях, которое существовало в мировоззренческой системе диалектического и исторического материализма.

Анализ этих событий в свете критического доосмысления философской системы марксизма, представленного у А.В. Дахина⁴⁴⁰, позволяет обратить внимание на то, что теория «социальной революции» обосновывала ценность исторической традиции «бунтов – восстаний – революций», неотъемлемым элементом которой является функционирование института государственной власти: бунт, восстание, революция противостоят государству

⁴³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. С. 38.

⁴³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест коммунистической партии* // Собрание сочинений. Изд. 2. Т. 4. М.: Государственное изд-во политическая литература, 1955. С. 419–459. С. 446.

⁴³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест коммунистической партии* // Собрание сочинений. Изд. 2. Т. 4. М.: 1955. С. 459.

⁴³⁸ Ленин В.И. *Государство и революция* // Ленин В.И. Полное собрание соч. Изд. 5. Т. 33. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 1–120.

⁴³⁹ Ленин В.И. *Очередные задачи советской власти* // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 36. С. 165–208.

⁴⁴⁰ Дахин А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории // *Уровень жизни населения регионов России*. 2024. Том 20. № 1. С. 111–112.

(«старому государству»), и в то же время, бунт, восстание, революция стремятся к утверждению государства («нового государства»). Социалистическая революция исключала, принижала значимость исторической традиции «товарно-денежного обмена – рыночных отношений – самовозрастающего капитала», связанной с действием другого социального класса («эксплуататоров») и предполагала избавление от всего прежнего «производства жизни», от всего «прежнего *характера* деятельности»⁴⁴¹, от «от всей старой мерзости» ради создания «нового общества»⁴⁴². При этом она была нацелена на утверждение «государства нового типа»: «Советское государство – государство нового типа, основное орудие защиты революционных завоеваний»⁴⁴³.

В свете целостной концепции коллективной социально-исторической памяти это противоречие может быть описано с выделением ряда новых значимых социальных аспектов, остававшихся за рамками восприятия как советской (в СССР), так и восточно-европейских теорий построения социализма. Прежде всего, ситуация «классовой борьбы» представляет собой такое событие современности (XX века), в котором два традиционных события вступают в противоборство, так что «новация» (построение социалистического общества) – это результат победы одного традиционного события над другим традиционным событием. Поскольку классовая борьба как событие современности начала XX в. представляет собой противоборство двух социальных традиций, с одной стороны, традиции «бунтов – восстаний – революций», которая фундаментально нуждается в государстве, и с другой стороны, традиции «товарно-денежного обмена – рыночных отношений – самовозрастающего капитала», которая фундаментально не нуждается в государстве, то в обоих случаях фактором, обеспечившим их устойчивое, перманентное присутствие, был фактор социальной памяти: в одном случае – это социальная память сообщества «эксплуатируемых», в другом – сообщества «эксплуататоров». Такое состояние коллективной памяти соответствует тому, что характеризуется понятием «контрпамять», когда нарративу, имеющему статус «общей повествовательной конструкции», бросает вызов другой нарратив, «отражающий взгляды лиц, вытесненных на обочину общества»⁴⁴⁴. Российская конкретно-историческая социальная ситуация была такова, что память традиции «товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал»

⁴⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице различных его пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7–544. С. 38.

⁴⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Цит. соч. С. 70.

⁴⁴³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. Преамбула.

⁴⁴⁴ Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 87.

имела статус общей повествовательной конструкции, а память традиции «бунтов – восстаний – революции» бросала ей вызов.

Сильная концептуальная сторона марксизма XX в. состоит в том, что он непременно указывает социально-классовую основу обеих традиций, так что за обеими может быть выявлено функционирование структур коллективной памяти социально определённых, социально оформленных сообществ. Традиция «бунтов – восстаний – революций», которая обосновывается как у К. Маркса, так и в контексте диалектического и исторического материализма, как по сути «та же самая» на протяжении всей истории «классовых обществ» теперь с позиций целостной концепции бытия – памяти позволяет рассматривать это явление в качестве исторически зафиксированного, налично данного результата функционирования коллективной социально-исторической памяти «тех же самых» в своей сути социальных сообществ («эксплуатируемых»). Вклад социальной памяти в наличное существование традиции раскрывается более полно, если в восприятии перманентного существования социального сообщества мы учитываем фактор социальной ротации, в частности фактор смены поколений, социальной мобильности и пр., которые создают естественный социальный барьер для передачи идеи («бунта – восстания – революции» или какой-то другой) от поколения предшествующего поколению последующему. Действие такого барьера даёт эффект забвения, последствия которого хорошо известны в отечественной культуре в свете литературной метафоры «отцы и дети», а достаточно ярким конкретно-историческим проявлением его является, например, быстрое забвение содержания исторического и диалектического материализма спустя 30 лет после начала «перестройки» (к 2000-м гг.). Как перманентное сохранение идеи «бунта – восстания – революции» в европейской и отечественной культуре, так и забвение идеи «социалистической революции» в современной России связаны с действием, с ролью социальной памяти. В случае перманентного сохранения – это следствие активного состояния структур коллективной социально-исторической памяти, в случае забвения – это следствие ослабления действия структуры коллективной социально-исторической памяти.

Таким образом, за перманентностью существования идеи и опыта «бунта – восстания – революции» просматривается функционирование коллективной социально-исторической памяти социального сообщества, а формами латентного бытия традиции «бунта – восстания – революции» предшествующих поколений выступают исторически сложившиеся формы коллективной народной памяти, такие как народные сказания, легенды, определяемые в сфере гуманитарной культуры как «фольклор» (западные фольклорные легенды о Жанне Д'Арк, о Робине Гуде, отечественные фольклорные предания о Степане Разине, о Емельяне Пугачёве и пр.). В XIX в. марксизм дополнил

фольклорную структуру латентного коллективного памятования о «бунте – восстании – революции» научной новацией – социально-философской теорией «социалистической революции». В контексте революционного движения в России эта научная новация достаточно органично соединилась с фольклорной традицией, образовав основу официально признанной мировоззренческой системы советского общества и советской истории. Диалектика «традиции» и «новации» применительно к теории «социалистической революции» даёт пример гармоничного соединения исторического опыта «бунта – восстания – революции» и научной новации, новой теории «социалистической революции», которая «овладела массами».

В свете целостной концепции социального памятования выражение «овладела массами» раскрывается, во-первых, в том плане, что традиционный опыт «бунта – восстания – революции» европейских социальных сообществ, сохранявшийся в качестве «того же самого» по своей сути на протяжении тысячелетней истории западноевропейской или отечественной социально-политической истории, органично дополняется уникальной научной новацией (теория К. Маркса и Ф. Энгельса). Во-вторых, после смерти К. Маркса и Ф. Энгельса уникальная научная новация преодолевает естественные барьеры социальных ротаций из нескольких новых поколений (в т.ч. барьер социальных ротаций, вызванный Первой мировой войной) и сохраняется в качестве «того же самого» особенного предмета социального памятования в среде русской интеллигенции (В.Г. Плеханов, П.Б. Аксельрод и др.). В-третьих, функционирование структур коллективной социально-исторической памяти обеспечивает масштабирование «тех же самых» по своей сути идей К. Маркса в российской социальной среде, при этом происходит адаптация западноевропейского марксизма к российским социальным особенностям (В.И. Ленин), масштабирование и закрепление их в статусе центральной мировоззренческой системы в сообществе российских революционеров, а затем и в обществе «победившего социализма», где идеи классовой теории Маркса-Ленина обретают статус всеобщего предмета социального памятования (общепринятого мировоззренческого содержания коллективной памяти). Статус «всеобщего» говорит о том, что марксизм-ленинизм как предмет коллективного памятования охватывает предшествующую историю российских «бунтов – восстаний – революций», одновременно о том, что он охватывает своим масштабированием все государствообразующее сообщество РСФСР / СССР, определявшееся понятиями «рабочие,

крестьяне, солдаты и казаки»⁴⁴⁵, «трудящиеся», «советский народ»⁴⁴⁶, и наконец о том, что весь комплекс идей составляет мировоззренческую основу государства СССР.

Обобщая, можно заключить, что структура коллективной социально-исторической памяти проявляет себя в том, что уникальная инновация (теория К. Маркса) преодолевает барьеры социальных ротаций, обретает перманентное присутствие в статусе особенного предмета социального памятования, а также обретает социальное масштабирование, преобразующее её в статус всеобщего (мировоззренческого) содержания коллективной памяти. При этом структуры коллективной памяти: а) обеспечивают многовековое наследование практики «бунтов – восстаний – революций» в качестве «той же самой» по сути социальной традиции; б) обеспечивают связь инновационной идеи с предшествующей историей «тех же самых» по сути событий (с историей «бунтов – восстаний – революций»); в) адаптируют её в качестве «той же самой» к новой социальной среде (ленинская адаптация марксизма к российским условиям); г) обеспечивают масштабирование инновации в качестве того «же самого» особенного предмета коллективного памятования; д) закрепляют результат масштабирования в статусе всеобщего (мировоззренческого) содержания коллективной памяти социального сообщества.

Традиция «товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал» также представлена у К. Маркса в качестве формы деятельности определённого социального класса («эксплуататоров»). Теория образования, накопления и самовозрастания капитала также является уникальной научной инновацией, которая, благодаря работе структур коллективной социально-исторической памяти, сохранявшей многовековую практику «товарно-денежного обмена – рыночных отношений – самовозрастающего капитала», также обрела перманентное существование, масштабирование и закрепление в статусе всеобщего (мировоззренческого) содержания коллективной памяти западного социального сообщества. Новация рыночной экономической теории К. Маркса в формате «того же самого» особенного предмета социального памятования сохраняет свою связь с линией более ранних экономических теорий А. Смита – Д. Рикардо – Прудона и др., удерживается в деловой среде стран Запада в качестве «классической», адаптируется к особенностям социальных и деловых отношений либеральных государств XX в. благодаря теориям Дж. М. Кейнса⁴⁴⁷, А.

⁴⁴⁵ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. Преамбула.

⁴⁴⁶ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. Преамбула.

⁴⁴⁷ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. 399 с.

Маслоу⁴⁴⁸ и др., и масштабируется в т.ч. благодаря теориям менеджмента (от Ф.У. Тейлора⁴⁴⁹ до П. Друкера⁴⁵⁰ и др.), так что в совокупности этих процессов рыночная экономическая теория закрепляется в статусе всеобщего (мировоззренческого) содержания коллективной памяти государствообразующих сообществ стан Запада. Существенным дополнением к рыночной экономической теории К. Маркса стала концепция Ф. Броделя, различающая «локальный» и «глобальный» рынки⁴⁵¹. Она выявляет такой существенно значимый аспект «рыночного» онтологического потока-традиции, как внегосударственность, отсутствие нужды в государстве («стремящийся ускользнуть от гласности и контроля»⁴⁵²).

В целом роль структур социального памятования в судьбе двух инновационных концепций, объединённых в социально-философской системе К. Маркса (теория социальной революции и рыночная экономическая теория), такова, что активность структур российской коллективной социально-исторической памяти обеспечила основу для перманентного существования и масштабирования теории социальной революции и «государства нового типа» в обществе социализма, при этом рыночная экономическая теория такой активностью социального памятования обеспечена не была, попадала в зону социального отрицания / забвения (и критически отвергалась на уровне официальной государственной политики как признак «буржуазности»). Активность структур коллективной социально-исторической памяти государств Запада обеспечила основу для перманентного существования и масштабирования рыночной экономической теории в обществе модерна, при этом в зону социального отрицания / забвения (критического отвержения) попадала марксистская теория государства (как «паранойя», по Ф.-Ж. Лиотару⁴⁵³).

Таким образом, феномен праксеологического мировоззренческого поворота рубежа XIX–XX вв. проявился в том, что актуальная политика в России и в странах Запада существенно усиливала одну предпосылочную тенденцию, обусловленную действием структур коллективной социально-исторической памяти, и ослабляла другую. Сам по себе социальный феномен праксеологического поворота, в результате которого произошла

⁴⁴⁸ Маслоу Абрахам Гарольд. Мотивация и личность / пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.

⁴⁴⁹ Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента. М.: Изд-во журнал «Контроллинг»; Изд-во стандартов, 1991. 104 с.

⁴⁵⁰ Друкер Питер Ф. Бизнес и инновации / пер. с англ. и ред. К.С. Головинского. М.: Вильямс, 2007. 423 с.

⁴⁵¹ Бродель Ф. Динамика капитализма / пер. с фр. В. Колесникова. Смоленск: Полиграмма, 1993. 128 с. С. 56–58.

⁴⁵² Бродель Ф. Динамика капитализма / пер. с фр. В. Колесникова. Смоленск, 1993. С. 55.

⁴⁵³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с франц. Н.А. Шматко. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998. 159 с. С. 38.

смена «религиозно-династической политической эпохи» на эпоху светских государств⁴⁵⁴, является масштабной социальной инновацией, подготовленной в т.ч. предшествующей историей развития идей материалистического мировоззрения. В СССР в наиболее отчётливой и на момент 1970-х гг. острой форме целостность феномена праксеологического поворота сформулировал Э.В. Ильенков в определении «диалектической логики»: «Диалектическая логика есть поэтому не только всеобщая схема деятельности, творчески преобразующей природу, но одновременно и всеобщая схема изменения любого естественно-природного и социально-исторического материала, в котором эта деятельность выполняется и объективными требованиями которого она всегда связана. Вот в чём, на наш взгляд, заключается подлинный смысл ленинского положения о тождестве (не о «единстве» только, а именно о тождестве, о совпадении) диалектики, логики и теории познания современного научного, то есть материалистического, мировоззрения»⁴⁵⁵. В своей работе Э.В. Ильенков раскрывает, каким образом «общематериалистическое понимание природы идеального, составляющее существо линии Демокрита – Спинозы – Дидро – Фейербаха, ... послужило отправной точкой и для марксистско-ленинского решения проблемы»⁴⁵⁶. Главное изменение (то есть собственно научная инновация), «которое Маркс и Энгельс внесли в материалистическое понимание природы идеального, касалось прежде всего активной стороны отношений мыслящего человека к природе...»⁴⁵⁷. В свете целостной концепции социального функционирования структур коллективной социально-исторической памяти в этом соединении «линии Демокрита – Спинозы – Дидро – Фейербаха» с «главным изменением, которое произвели Маркс и Энгельс» просматриваются: а) функция многовекового наследования представлений «о природе идеального» в качестве «той же самой» по сути «по линии Демокрита – Спинозы – Дидро – Фейербаха»; б) функция обеспечения связи инновационной идеи Маркса и Энгельса с предшествующей историей «тех же самых» по сути идей (о преобразующем мир человеке); в) функция адаптации научной инновации, в качестве «той же самой» по сути, к новой социальной среде (адаптация к преобразующей исторической деятельности); г) функция обеспечения масштабирования инновации в качестве того «же самого» по сути особенного предмета коллективного памятования (популярность идеи о человеке, преобразующем мир в соответствии со своими потребностями, в психологии, в социологии, в политической науке, в юриспруденции и пр.); д) функция закрепления результата масштабирования в

⁴⁵⁴ Дахин А.В. Политические эпохи на шкале исторического времени: переосмысление привычных концепций // Политическая концептология. 2022. № 2 (апрель – июнь). С. 14–31, 22–23.

⁴⁵⁵ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984. С. 8–9.

⁴⁵⁶ Ильенков Э.В. Цит. соч. С. 165.

⁴⁵⁷ Ильенков Э.В. Цит. соч. С. 166.

качестве всеобщей схемы деятельности социальных сообществ XX в. При этом в западной социальной науке XX в. идеи о человеке, преобразующем мир в соответствии со своими потребностями, становятся всеобщим мировоззренческим концептом, оформленным теориями рыночной экономики Ф. Броделя, Дж. М. Кейнса, А.Г. Маслоу и др., концепцией социального действия М. Вебера⁴⁵⁸, теорией повседневности А. Шюца⁴⁵⁹, теорией социального конструирования Т. Лукмана, П. Бергера⁴⁶⁰ и др. В отечественной социальной науке XX в. та же самая, по сути, идея принимает форму теории социалистической революции и советского государственного строительства, диалектического и исторического материализма, научного коммунизма.

Таким образом, инновация праксеологического поворота закрепляется и масштабируется в отечественной социальной реальности XX в. иначе, чем в социальной реальности стран Запада. Предпосылочную основу этого отличия закладывает функционирование структур отечественной коллективной социально-исторической памяти, которое усиливается реальным политическим действием (Октябрьская революция 1917 г.) и реальной государственной политикой РСФСР / СССР. В частности, актуальное политическое действие и государственная политика в РСФСР / СССР содержательно определяются теорией социалистической революции и советского государства, удерживаемой и масштабированной до статуса всеобщей схемы деятельности, всеобщего содержания государственной мировоззренческой культуры благодаря функционированию структур отечественной коллективной социально-исторической памяти. В отличие от этого, актуальная государственная политика в странах Запада содержательно определяется рыночной экономической теорией и отрицанием значимости государства, удерживаемой и масштабированной до статуса всеобщей схемы деятельности и всеобщего содержания общегосударственной мировоззренческой культуры благодаря функционированию структур коллективной социально-исторической памяти государствообразующих сообществ западных государств. Исторический парадокс марксизма состоит в том, что одна и та же инновационная идея о предназначении человека к тому, чтобы преобразовывать мир, попадая в разные структуры коллективной социально-исторической памяти, приобретает разные формы своего социального бытия, то есть закрепляется в качестве особенного предмета социальной памяти, адаптируется к традиционному контексту культуры и масштабируется в качестве всеобщей схемы деятельности и всеобщего

⁴⁵⁸ Вебер М. Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996. С. 455–591.

⁴⁵⁹ Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Росспэн, 2004. 398 с.

⁴⁶⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.

(мировоззренческого) содержания коллективной памяти государственных сообществ в СССР и в странах Запада. Предпосылка парадокса была заложена внутри самой социальной теории К. Маркса, на неё обратил внимание Р. Козеллек. По Марксу: «Люди делают свою историю, но они делают её не как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»⁴⁶¹. В современном прочтении обстоятельства, которые «имеются налицо» и «перешли от прошлого», во-первых, «перешли» барьеры социальной ротации благодаря работе структур социальной памяти; во-вторых, объединены в качестве более раннего и более позднего во времени элементов одного и того же онтологического потока-традиции; в-третьих, это и есть налицо данные условия, в которых может возникать инновация, связанная с тем, что «люди делают свою историю». Понятия социальных теорий, которые отражают этот аспект бытия онтологического потока-традиции, – это «алтарь истории», «святость истории», «власть истории» и др.⁴⁶² Необходимое дополнение к этому пониманию состоит в том, что внутри одного онтологического потока-традиции дано присутствие нескольких течений, в частности инновационная теория К. Маркса «сделала свою историю», столкнув в концептуальном противоречии течение «революционное» («бунты – восстания – революции», нуждающиеся в государстве) и течение «рыночное» («товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал», не нуждающиеся в государстве).

В аспекте взаимосвязи традиции, новации и социальной памяти детали парадокса бытия марксизма в структурах коллективного памятования состоят в том, что разные течения онтологического потока-традиции, а именно «рыночный» и «революционный», по-разному «перемешиваются» инновационными событиями современности рубежа XX в. В контексте новации Октябрьской революции 1917 г. и перехода к социалистическому обществу (историю делает «пролетариат») в России «революционное» и государственническое течение онтологического потока-традиции подчиняет, сдерживает, стремится исключить, искоренить «рыночное». В западных странах начала XX в. возникающая из столкновения названных течений новация приобретает форму перехода к обществу модерна; истинная, конечная цель этой системы «оптимизация глобального отношения «входов и «выходов» (inputs/outputs), т.е. эффективность»⁴⁶³, а именно экономическая эффективность, эффективность для капитала «под эгидой умеренного

⁴⁶¹ Козеллек Р. Историко-терминологическое введение // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2-х т. Т. 1 / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арутюнова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 126–239, 230.

⁴⁶² Козеллек Р. Историко-терминологическое введение // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2-х т. Т. 1. С. 231–232.

⁴⁶³ Лиотар Ж.-Ф. Цит. соч. С. 36.

welfare state»⁴⁶⁴, а теория К. Маркса о классовой борьбе рассматривается как «паранойя»⁴⁶⁵. В контексте новации рыночного модерна стран Запада, где, по С.Т. Петерсу, историю делают «деловые люди», «именно они, а не учёные, меняют существующее положение вещей и, если можно так выразиться, творят историю»⁴⁶⁶, в этом контексте «рыночное» течение социально-онтологического потока-традиции подчиняет, сдерживает, стремится исключить, искоренить «революционное» и государственническое. Поэтому когда правила эффективности меняются и «производятся инновации», появляются забастовки, кризисы, безработица или политические потрясения, «что может навести мысль об альтернативе и пробудить надежды, речь идёт лишь о внутреннем наведении порядка, результатом которого является улучшение жизни «системы»⁴⁶⁷, причём у ряда теоретиков преставления о системе модерна могут быть более технократичными и даже циничными⁴⁶⁸. Позже вместо понятия «деловые люди» появилось понятие «средний класс», который «обладал бы самосознанием и, будучи ориентирован на достижения, должен был бы отречься от уроков прошлого, от старой *historia magistra vitae*»⁴⁶⁹. Критическое описание особенностей общества рыночного модерна представлено через понятие «западнизм» А.А. Зиновьевым⁴⁷⁰, а также в работах В.А. Кутырева⁴⁷¹.

В западной литературе сложилось общепринятое определение исторического итога этих двух инновационных перипетий, «ибо их судьба известна: в странах с либеральным или прогрессивно-либеральным правлением происходит преобразование этой борьбы (классовой борьбы – *Р.Л.*) и её руководителей в регуляторы системы; в коммунистических странах происходит возвращение, под тем же именем марксизма, тоталитарной модели и её тоталитарных последствий...»⁴⁷². Поэтому перспектива рисуется вполне однозначно, в виде полной и окончательной ликвидации «марксизма», в виде глобальной экспансии западной «рыночной экономики» и «демократии» на посткоммунистическое пространство⁴⁷³. Отечественная социальная наука, если не брать то русло, что отказалось от апологетического отношения к диалектическому и историческому материализму в пользу

⁴⁶⁴ Лиотар Ж.-Ф. Цит. соч. С. 35.

⁴⁶⁵ Лиотар Ж.-Ф. Цит. соч. С. 38.

⁴⁶⁶ Козеллек Р. Историко-терминологическое введение // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2-х т. Т. 1. С. 323.

⁴⁶⁷ Лиотар Ж.-Ф. Цит. соч. С. 36.

⁴⁶⁸ Лиотар Ж.-Ф. Цит. соч. С. 35.

⁴⁶⁹ Козеллек Р. Историко-терминологическое введение // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2-х т. Т. 1. С. 234.

⁴⁷⁰ Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. 507 с.

⁴⁷¹ Кутырев В.А. Время Mortido. СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.; Кутырев В.А. Унесённые прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире. СПб.: Алетейя, 2016. 300 с.; и др.

⁴⁷² Лиотар Ж.-Ф. Цит. соч. С. 39.

⁴⁷³ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

апологетического отношения к «западнизму»⁴⁷⁴, определила исторический итог тех же коллизий в терминах «философии сопротивления» В.А. Кутырева⁴⁷⁵, в терминах «четвёртой политической теории» А.Г. Дугина⁴⁷⁶, в терминах «ноосферного социализма» А.И. Субетто⁴⁷⁷, в терминах «гуманизма» и «идеалов человечества» Л.А. Зеленова⁴⁷⁸. Основное сходство всех названных исторических обобщений состоит в критическом отношении к западным концептуальным подходам в сфере социальных наук. Основное различие сводится к разнице отношения их авторов к марксизму (диалектическому и историческому материализму). Концепция «четвёртой политической теории» А.Г. Дугина отвергает марксизм / «коммунизм» как исторически несостоятельный⁴⁷⁹, тогда как концептуальные подходы трёх других авторов стремятся определить, сохранить и дополнить сильные стороны марксистской философской платформы новыми идеями. Но так или иначе, все названные концепции стоят на позиции того же упрощённого дуализма, в двоящую «ячейку» которого в разных комбинациях попадают «модерн», «постмодерн», «марксизм», «четвёртая политическая теория» и пр.

С концептуальных позиций, уточняющих диалектику отношений «социальная память – традиции – новации», открывается возможность более детального анализа причин расхождения социальной организации общества, пошедшего по пути строительства общества модерна (на примере стран Запада), и социальной организации общества, пошедшего по пути строительства общества социализма (на примере СССР). Переход от логики «дуализма» к диалектической логике, которая базируется на анализе отношений «социальная память – традиция – новация», раскрывает подходы к целостному пониманию онтологического потока-традиции, в котором действует диалектика соотношения аспектов социальной реальности, описываемых терминами «барьеры социальных ротаций» и «действие социальной памяти», терминами «событие современности», «традиционное событие современности» и «инновационное событие современности», в поле отношений которых появляется глоссарий для описания «ветвления» инновационных и традиционных событий современности; действие социальной памяти раскрывается в диалектике таких функций, как «преодоление» барьера социальных ротаций, «сохранение» идеи или

⁴⁷⁴ Термин А.А. Зиновьева. См.: Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М.: Эксмо, 2003. 507 с.

⁴⁷⁵ Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. 2015. С. 131–136.

⁴⁷⁶ Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: ТИД Амфора, 2009. 351 с.

⁴⁷⁷ Субетто А.И. Манифест ноосферного социализма / под науч. ред. В.Г. Егоркина. СПб.: Астерион, 2011. 108 с.

⁴⁷⁸ Зеленов Л.А. Три постулата принципа гуманизма // Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике. Н. Новгород: МВД РФ, 2001. С. 3–9; Зеленов Л.А. Идеалы человечества – идеалы марксизма // Социализм: теория, история, перспективы. Н. Новгород: ОАЧ, НГМА, 2010. С. 30–37; Зеленов Л.А. Правда о коммунизме. Н. Новгород: ННГАСУ, ОАЧ. 2004. 140 с.

⁴⁷⁹ Дугин А.Г. Четвёртая политическая теория: Россия и политические идеи XXI века. 2009. С. 8, 10.

предмета в качестве особенного обстоятельства (те обстоятельства, которые люди не сами себе выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого), «адаптация» идеи или предмета к особенной деятельности конкретно-исторического социального субъекта, «масштабирование» идеи или предмета социального памятования в статусе всеобщей схемы деятельности конкретно-исторического общества / страны.

В частности, как было отмечено выше, в случае перехода к обществу модерна и в случае перехода к обществу социализма событие современности начала XX в. (праксеологический поворот) состояло в том, что родственные по своей внутренней природе течения онтологического потока-традиции, выявленные в теории К. Маркса («революционное» и «рыночное»), определённым образом столкнулись между собой, создав инциденты инновационных событий современности. В СССР – это был переход к обществу советского социализма, «визитной карточкой», модельным примером которого была Октябрьская революция 1917 г. (были также и другие «ветви» этого инновационного события в форме польского, югославского, китайского, кубинского и пр. социализма). В странах «с либеральным или прогрессивно-либеральным» режимом это был переход к обществу модерна, модельным примером которого можно считать США (были также и другие «ветви» этого процесса в форме британского, французского, германского и пр. модерна).

Сосредотачивая основное внимание исследования на модельных примерах, необходимо отметить, что в СССР основное содержание инновационного события состояло в радикальной эмансипации традиции «бунты – восстания – революции» и создании советского государства за счёт дискриминации (поначалу тоже радикальной, в виде «экспроприации», «продразвёрстки» и пр.) традиции «товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал». В странах Запада основное содержание инновационного события состояло в радикальной эмансипации традиции «товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал» за счёт дискриминации традиции «бунты – восстания – революции» и государственничества. Дополнительные детали состоят, во-первых, в том, что полного пресечения нежелательной для контекста инновационного события традиции не произошло ни в опыте построения общества социализма, ни в опыте построения общества модерна. Благодаря функционированию структур социальной памяти в СССР «рыночный» онтологический поток-традиция сохранялся в модусе традиционного события советской современности в форме «продналога», в форме создания советской финансовой, налоговой системы, в форме практик товарно-денежного обмена (товар – деньги – товар) в сфере массового потребления

и пр., а также в форме «теневого экономики». А в государствах «с либеральными или прогрессивно-либеральными» режимами «революционный» и государственный онтологический поток-традиция также сохранялся в модусе традиционного события современности общества модерна в форме активности коммунистических партий, забастовок, протестных политических демонстраций, демократических выборов, а также имел сочувствовавших марксистским / социалистическим идеям интеллектуалов «Франкфуртской школы», группы «Социализм или варварство» и др. «меньшинств»⁴⁸⁰. Во-вторых, новационность перехода к обществу модерна и новационность перехода к обществу социализма преодолевают социальные ротационные барьеры, становятся устойчивыми явлениями, определяющими всеобщие схемы деятельности социальной организации общества в СССР и социальной организации общества в странах Запада. В этом проявляется действие структур социальной памяти, которые сначала закрепляют новационное событие как нечто особенное, а затем создают основу для масштабирования его в качестве всеобщего условия и всеобщей схемы деятельности. Из истории известно, что становление общества социализма в СССР происходило за счёт укрепления советской власти, в лице которой виделся итог «революционной» традиции и всеобщее условие построения общества социализма. Социальной основой присутствия «той же самой» традиции в новом обществе был «тот же самый» социальный класс, «пролетариат», а становление советской власти рассматривалось как эмансипация его «сущностных сил». Институты советской власти (и государственное строительство) стали структурой, которая одновременно закрепляла «революционную» традицию (в историческом описании, в историческом сознании⁴⁸¹) и предполагала масштабирование в модусе «мировой революции». Новационная составляющая связана с созданием особенного феномена «первого в мире государства рабочих и крестьян», который утверждает новый порядок социальной организации общества («диктатуру пролетариата») в «обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого». На ситуацию экономического кризиса новое государство реагирует концентрацией в своих руках ресурсов, которые имеются налицо, даны и перешли от прошлого, в частности осуществляет национализацию банков и создание Народного банка РСФСР. В соответствии с Декретом ВЦИК «О национализации банков» от 14 (27) декабря 1917 года⁴⁸² в стране вводится государственная монополия на банковское дело, частные

⁴⁸⁰ Лиотар Ж.-Ф. Цит. соч. С. 39–40.

⁴⁸¹ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): краткий курс / под ред. комис. ЦК ВКП(б). М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 351 с.

⁴⁸² Декрет ВЦИК «О национализации банков» от 14 (27) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Политиздат, 1957.

кредитные учреждения были слиты с Государственным банком. Это обусловило сильное ослабление «рыночной» традиции, её дискриминацию и маргинализацию.

Становление общества рыночного модерна, происходившее на рубеже XX в., в аспекте бытия «рыночной» традиции состояло в том, что на фоне расцвета популярности рыночной экономической теории и политики «laissez-faire» (политика минимального участия государства в централизованном регулировании рынка) в применении ко всем отраслям экономики банковский бизнес стал рассматриваться отдельно: теории свободной торговли не распространялись на банковскую сферу, а на деле в этой области рынка стали появляться особенные формы регулирования банковского дела, такие как Британский «Bank Act of 1844»⁴⁸³, Первый Банк Соединенных Штатов / First Bank of the United States (1791 г.) в США⁴⁸⁴ и др. Преобразование статуса этих особенных форм организации выпуска денежных банкнот в модели всеобщей формы деятельности отдельных национальных государств стало происходить в начале XX в. В частности, модельный пример США показывает, что это произошло за счёт укрепления негосударственных финансовых институтов, прежде всего такого как Федеральная резервная система (ФРС), которая была официально учреждена 23 декабря 1913 г., когда президент Вильсон подписал закон о создании ФРС (The Federal Reserve Act)⁴⁸⁵.

В контексте сохранившихся у отечественных учёных в пользовании элементов социально-классовой теории капитализма это событие характеризуется следующим образом: «Создание ФРС отражало объективные процессы развития американского капитализма в его монополистической стадии и обуславливало все более активное использование буржуазией государственного механизма для претворения в жизнь своих экономических целей», а также отмечается то, что «монополистическая буржуазия стояла у истоков ФРС, представители финансовой олигархии формулировали основные исходные принципы ее организации и функционирования»⁴⁸⁶. В контексте исторических исследований выделяются конкретные эмпирические события, характеризующие переход к обществу модерна, характеризуются их участники и приводятся конкретные высказывания. В США в период дебатов о реформе банковской системы заслуживает внимания один из критиков предлагавшейся ФРС, адвокат из г. Кливленд, штат Огайо, Альфред Крозье (Alfred Crozier), который в 1912 г. написал провокационную книгу «Деньги

⁴⁸³ Смит Вера. Введение // Смит Вера. Происхождение центральных банков. URL: <https://studfile.net/preview/8983392/page:2>.

⁴⁸⁴ Смит Вера. Организация банковского бизнеса в Америке: децентрализация в отсутствие свободы // Смит Вера. Происхождение центральных банков. URL: <https://studfile.net/preview/8983392/page:6>.

⁴⁸⁵ Warburg Paul M. The Federal Reserve system, its origin and growth. In 2 books. New York: Arno Press. 1975.

⁴⁸⁶ Мисько О.Н. Федеральная резервная система США: История создания и участия в управлении государственным долгом // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 5. Вып. 2. С. 98–104, 102.

США визави корпорационной валюты», где именовал идеи создания ФРС (закон Олдрича-Вриленда от 1908 года) «инструментом Уолл-стрит» и указывал, что «когда наше правительство станет выпускать деньги на основе частных ценных бумаг, то мы перестаём быть свободной нацией»⁴⁸⁷. Экономические исследования рассматривают монетарную активность на основе соответствующей отчётной статистики⁴⁸⁸, институциональные исследования рассматривают структурно-функциональные аспекты деятельности финансовых систем⁴⁸⁹. В свете нашего концептуального подхода, который нацелен на выявление диалектики отношений «традиция – новация» в их взаимосвязи с феноменом социальной памяти, раскрывается возможность описания онтологических оснований того, что в финансовой сфере определяет обстоятельства, «которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого». По сведениям Ю. Муллиса, один из участников создания ФРС – Э.С. Хаус высказался об этом проекте в том духе, что в нём реализуется экономическая идея социализма К. Маркса в части «прогрессивного подоходного налога, налога на прибыль, страхования на случай безработицы, социального обеспечения и гибкой денежной системы»⁴⁹⁰. Таким образом, ключевой эпизод перехода к обществу модерна наследует традицию «товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал», научно осмысленную в форме рыночной экономической теории К. Маркса. Как «событие современности» создание ФРС США, с одной стороны, может быть охарактеризовано как модус традиционного события современности, поскольку сохраняет и эмансипирует «рыночный» онтологический поток-традицию⁴⁹¹. С другой стороны, новационная его составляющая состояла в том, что оно дискриминировало «революционный» и государственный онтологический поток-традицию, прежде всего в части ослабления, дискриминации статуса института государства («идентифицирует себя с государством», «становится государством»⁴⁹²). В США, в частности, Ю. Муллис отмечает эпизод президентских выборов 1912 г., на которых победил В. Вильсон: «Поскольку банкиры финансировали всех

⁴⁸⁷ Mullins Eustace. The Secrets of the Federal Reserve. The London connection. Boston: Federal Reserve Bank of Boston. 1982. 326 p. P. 38.

⁴⁸⁸ Board of Governors of the Federal Reserve System. Monetary Policy Report. URL: https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/publications/mpr_default.htm; Federal Reserve Board. Beige Book. URL: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/publications/beige-book-default.htm>; Американские фондовые рынки // Investing.com. URL: <https://ru.investing.com/equities/americas>.

⁴⁸⁹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 188 с.; Боди З. Финансы / Зви Боди, Роберт К. Мертон; Пер. с англ. М.: Вильямс, 2000. 384 с.; Туруев В.Б. Институты финансового рынка США в глобальной экономике: дисс. ... д.э.н.: 08.00.14. М., 2004. 394 с.; Международное и зарубежное финансовое регулирование: институты, сделки, инфраструктура: монография / под ред. А.В. Шамраева: в 2 ч. М.: КНОРУС; ЦИПСИР, 2014.

⁴⁹⁰ Mullins Eustace. The Secrets of the Federal Reserve. The London connection. 1982. P. 42.

⁴⁹¹ Бродель Ф. Динамика капитализма / пер. с фр. В. Колесникова. Смоленск, 1993. С. 117.

⁴⁹² Бродель Ф. Цит. соч. С. 68.

трёх кандидатов, они были уверены в выигрыше независимо от исхода»; «Оглядываясь назад, кажется очевидным, что творцы денег решили «кинуть» Тафта и идти с Вильсоном»⁴⁹³; «Сенатор Лафоллет замечает в своих мемуарах, что его речь против денежного треста позже стоила ему президентства Соединённых штатов, так же как изначальная поддержка Вудро Вильсоном плана Олдрича привлекла к нему внимание как достойного этой должности»⁴⁹⁴. Исследования Ю. Муллиса, Веры К. Смит и других показывают, что активный переход США к обществу модерна состоялся раньше Октябрьской революции 1917 г., он происходил на протяжении 1908–1912 гг. Основное конкретно-историческое событие современности, которое обеспечило этот переход, состояло в создании ФРС США. Со ссылкой на исследование Веры Смит от 1981 г. Ю. Муллис констатирует, что эта система «не является естественным продуктом банковского развития», она «навязывается извне или возникает как результат правительственных льгот»⁴⁹⁵. Другими словами, в ходе американского поворота к обществу модерна предсказанное К. Марксом «отмирание» государства происходит быстрее, чем в ходе советского поворота к обществу социализма, поскольку создание негосударственного централизованного финансового регулятора есть свидетельство дискриминации, ослабления государственности и в этой части – проявления дискриминации всего социально-онтологического потока-традиции, описанного К. Марксом в терминах бунтов – восстаний – революций.

Внесённые уточнения в осмысление содержания различий между такими событиями современности начала XX в., как поворот в сторону строительства социалистического общества (на примере СССР) и поворот в сторону строительства общества модерна (на примере США) позволили раскрыть конкретно-исторические модусы реализации идеи о том, как «люди делают свою историю»⁴⁹⁶. Предложенный переход модельного описания различий социальной организации общества в СССР и в США с привычной оппозиции «общество социализма – общество капитализма» на оппозицию «общество социализма – общество модерна» обусловлен несколькими причинами. Во-первых, критической узостью концепции общественно-экономических формаций, к которой апеллирует привычная оппозиция «капитализм – социализм». Проблемы «методологии марксизма», которые связаны с формационной теорией, отмечаются в том аспекте, что «она не может объяснить все известные науке факты, особенно в том, что касается так называемого восточного

⁴⁹³ Mullins Eustace. Цит. соч. Р. 36.

⁴⁹⁴ Mullins Eustace. Цит. соч. Р. 33.

⁴⁹⁵ Mullins Eustace. Цит. соч. Р. 31.

⁴⁹⁶ Козеллек Р. Историко-терминологическое введение // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2-х т. Т. 1 / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арутюнова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 126–239, 230.

способа производства», а также в том аспекте, что она «расходится с практикой, что стало вполне очевидно в связи с крахом социализма в СССР...»⁴⁹⁷. Во-вторых, как показал Ф. Бродель, «вопреки тому, что обычно говорится, капитализм не распространяется на всю экономику, на все занятое трудом общество, он никогда не заключает ни того, ни другого в свою, как утверждают, замкнутую и совершенную систему»⁴⁹⁸. Другими словами, понятие «капитализм» характеризует отдельный аспект общества, не является его целостной характеристикой. В дополнение к этому необходимо отметить следующее. Различия между западным и отечественным модусами праксеологического поворота приобретают форму противоречия, с одной стороны, в сфере геополитики, где США продвигают модель однополярного мира под эгидой США, а Россия продвигает модель многополярного мира. С другой стороны, противоречие возникает в качестве фактора внутренней политики России, поскольку в страну вернулась социальная группа, ранее называвшаяся «буржуазией», а теперь именуемая «предпринимательством». В свете одномерно и апологетически понимаемой классовой теории К. Маркса это обстоятельство приводит ряд исследователей к выводам, что Россия возвращается в «капитализм»⁴⁹⁹. Возникает концептуальное перемешивание разных социальных систем, при котором социальная система России почти что «поварскими» приёмами «вмешивается» в социальную систему Запада с перспективой растворения в ней. Западные теории продвигают и другой вариант такого «вмешивания» российской социальной системы в западную социальную систему, — это вариант подгонки России и советского коммунизма под понятие «модерна»⁵⁰⁰. Особенность подхода в том, что он рассматривается как прямое продолжение идей М. Вебера. Со ссылкой на работу «Хозяйство и общество» В.М. Масловский отмечает, что «отличительной чертой коммунизма как хозяйственного уклада» Вебер называл «отсутствие точного расчета, калькуляции в сфере потребления и пр.»⁵⁰¹ Обращение к первоисточнику показало, что у термина «коммунизм» те же методологические особенности, были отмечены выше по отношению как к самой методологии конструирования абстрактно-всеобщих терминов, так и по отношению к термину «традиционный». Слово «коммунистический» появляется у Вебера в § 25 «Об условиях расчета производительности труда», где говорится: «Для оптимизации трудовых усилий *при расчете* исполняемой работы должны обеспечиваться (только *не в рамках* трех типично

⁴⁹⁷ Мамонтов В.Ф. В поисках твёрдой почвы // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 63–70. С. 65.

⁴⁹⁸ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 117.

⁴⁹⁹ Журавлев О.М., Матвеев И.А. Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 1) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 169–176, 170.

⁵⁰⁰ Масловский М.В. Анализ советской версии модерна в исторической социологии Йохана Арнасона. // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 5-9.

⁵⁰¹ Масловский М.В. Поствеберовская социология революции и анализ советского модерна. // Неприкосновенный запас. 2017. № 5. С. 70-79.

коммунистических союзов, где играют роль также внеэкономические мотивы...) три оптимума»⁵⁰². Термин «коммунистический» предназначен для использования в мелком калибре социальности, который характерен для ситуации «расчёта исполняемой работы», при этом «принуждение к труду относится не к «внеэкономическим», а к экономическим мотивам.⁵⁰³ Далее, в разделе «Безрасчетные трудовые общности. Формы коммунизма», вслед за приведённой в статье В.М. Масловского цитатой о «коммунистической организации» говорится, что «коммунизм» описывает сформировавшиеся «нехозяйственным путем установки мышления», свойственные, по Веберу, ряду социальностей: а) «домашнему коммунизму семьи, сложившемуся на традиционной и аффективной основе, в) товарищескому коммунизму *войска*, с) коммунизму братской любви, характерному для (религиозной) *общины*»⁵⁰⁴. Как видно, «коммунизм» здесь такая же «утопическая конструкция», как и «капитализм»⁵⁰⁵. Если учесть, что книга была закончена в 1919 г., то отсутствие в перечне того коммунизма, о котором писали К. Маркс и Ф. Энгельс говорит о том, что такого калибра «коммунистической организации» Вебер в реальности не видит и о ней не пишет. Он описывает не сущность коммунизма, как это делали Маркс и Энгельс, а создаёт инструмент для выявления дисперсно расплывённых по всему пространству-времени социума, независимо от исторической эпохи и географического положения, примет того, что он относил к признакам «коммунистической организации». «Исторически, - писал Вебер о своей «коммунистической организации», - вплоть до современности такая организация ориентировалась прежде всего на сформировавшиеся *нехозяйственным* путем установки мышления...»⁵⁰⁶ Как и другие термины Вебера, «эта конструкция носит характер утопии, создаваемой усилением определённых элементов действительности», возводя эти элементы в ранг индикатора присутствия той или иной абстракции. Слово «нехозяйственный», - это тоже специальный термин, который разъясняется в начале книги: «*Хозяйственно ориентированным действием* (в отличие от хозяйствования) называется такое действие, которое а) ориентировано прежде всего на другие, нехозяйственные цели, но при этом учитывает *хозяйственное положение* (субъективно осознанная необходимость хозяйственного обеспечения).»⁵⁰⁷ То есть «хозяйственное» приоритетно (по принципу «прежде всего») ориентировано на «нехозяйственные цели», так что «нехозяйственность» и

⁵⁰² Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4-х т. Сост, общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. Т.1. Социология. 2016. – 445 с. С. 197.

⁵⁰³ Вебер М. Там же. С. 198.

⁵⁰⁴ Вебер М. Там же. С. 201.

⁵⁰⁵ Шпакова Р.П. Цит. соч. С. 150.

⁵⁰⁶ Вебер М. Там же. С. 201.

⁵⁰⁷ Вебер М. Там же. С. 114.

«внеэкономичность» соотнесены с определённой «хозяйственностью» как нечто производное от неё. Социум М. Вебера хозяйственно-центричен, *«хозяйственно ориентированное действие»* выступает центральной точкой отсчёта всей остальной системы координат. «Нехозяйственное» — это вторичная периферия, определяемая по принципу «от противного», по принципу отрицания, по принципу «НЕ это». Под конструкцию «нехозяйственный», «внеэкономический», «некалькулируемый»⁵⁰⁸ и пр. «НЕ» может быть подставлено что угодно. Прямая отсылка истоков концепций «советского модерна» к труду М. Вебера не оправдана, поскольку россыпь терминов, так или иначе связанных со словом «коммунизм» - это пример той самой «огромной каменоломни», «можно по-рачному эксплуатировать, охранять, рассматривать...».⁵⁰⁹

На этом зыбком фундаменте, однако, строятся концепции «советского модерна», философия которых сводится к эксплуатации отдельных понятий-утопий Вебера по усмотрению современных пользователей. Так, в частности, Й. Арнасон решил «помещать коммунизм в спектр множественности форм модерна» в благих целях: «Для победителей в холодной войне и формирующихся посткоммунистических элит наиболее удобный способ закрыть главу о коммунизме»⁵¹⁰. В свете работ М. Вебера, если «коммунистическая организация» — это один из идеальных типов, присутствующий в обществе во все времена, то зачем его «закрывать»? Тем не менее автор называет «наиболее интересным и имеющим длительную историю» подход, «первоначально предложенный М. Вебером», котором «очевидной является связь с проблематикой множественности модерна».⁵¹¹ Философская идея состоит в том, чтобы растянуть «модерн» на весь земной шар, показать, что всё есть модерн, а другого ничего нет, тем более «коммунизма». Во что бы то ни стало, ради становления глобального однополярного западо-центричного мира - всё назвать модерном, - это похоже на Вебера, который переживая нарушения «сильно любимого отечества» в январе 1919 г. говорил: «Ради восстановления Германии в её прежнем великолепии я бы связался с любой властью на земле, даже с чёртом во плоти»⁵¹². В этом плане геополитическая миссия современной российской философии видится не в том, чтобы потакать размножению «утопических конструкций»⁵¹³ со словом «модерн», которые призваны создать впечатление, что 'всё есть модерн'. Миссия современной российской философии видится в том, чтобы указать «модерну» его истинное место, раскрыть

⁵⁰⁸ Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4-х т. Сост, общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. Т.1. Социология. 2016. — 445 с. С. 200.

⁵⁰⁹ Кесслер Д. Цит. соч. С. 145.

⁵¹⁰ Арнасон Й. Коммунизм и модерн. Пер. В.М. Масловского // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 11-35.

⁵¹¹ Арнасон Й. Цит. соч. С. 14.

⁵¹² Кесслер Д. Цит. соч. С. 131.

⁵¹³ Шпакова Р.П. Цит. соч. С. 150.

социокультурную «многополярность» современного мира, и, в том числе, не дать закрыть страницу «коммунизма».

Поэтому в свете нашего подхода к диалектике отношений «социальная память – традиция – новация» российская социальная реальность с 1990-х гг. рассматривается иначе. Речь идёт прежде всего о том, что происходит реабилитация, восстановление бытия и существования онтологического потока-традиции, определенного в терминах «товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал». Соответственно, основной вопрос состоит в том, в каком модусе будет происходить эмансипация этого потока-традиции, в модусе «модерна», модельный вариант которого демонстрируют и продвигают, в т.ч. в Россию и США, или будет создан российский модельный модус, который обеспечит внутреннюю «иммунную» защищённость российского общества от «западнизма» (в терминологии А.А. Зиновьева) и трансгуманизма (в терминологии В.А. Кутырева). Тот же основной вопрос стоит и в отношении организации глобальных финансов⁵¹⁴, где противоречие не менее острое: будет ли организация регулирования глобальной финансовой деятельности строиться в модусе модерна, то есть за счёт дискриминации государства, ослабления государственных суверенитетов, или Россия предложит альтернативный модельный вариант, который обеспечит сохранение традиции государственничества, феномена государственного суверенитета. Таким образом, концептуальный переход с терминологии «капитализм – социализм» на терминологию «социализм – модерн» раскрывает новые значимые аспекты конкретно-исторической социальной реальности современной России и западного мира, описание которых, впрочем, не отрицает и социально-классового подхода, но включает его в контур более широкой социально-онтологической концепции «бытия – памяти».

Во-вторых, переход к описанию праксеологического поворота в свете оппозиции «общество социализма – общество модерна» обусловлено тем, что понятие «модерн» – это своеобразное самоназвание, которое возникло в ходе западного праксеологического поворота. Понятие «модерн», как было показано, является основой, на которой строится характеристика следующей фазы западного модуса праксеологического поворота – посмодерна⁵¹⁵. Более подробно содержание этого самоназвания раскрыто в Словаре основных исторических понятий, где показано, что слово «модерн» характеризует современность рубежа XIX–XX вв. в качестве «одного момента в течении времени», дающего «возможность созидания будущего»⁵¹⁶, а также такого момента времени, который

⁵¹⁴ Карло Ж., Савона П. Геоэкономика. М.: Ad Marginem, 1997. 208 с.

⁵¹⁵ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. 1998; и др.

⁵¹⁶ Гумбрехт Х.У. Современный. Современность (Modern, Modernität, Moderne) // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2-х т. Т. 1 / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К.

мыслился как «эпоха»⁵¹⁷, модус цивилизации, который «противоположен модусу традиции»⁵¹⁸.

В-третьих, оппозиция «общество социализма – общество модерна» позволяет определить более дальнюю перспективу исследования диалектики отношений «социальная память – традиция – новация» в аспектах, связанных с тем, что западные общества на рубеже XXI в. переходят от состояния модерна к состоянию постмодерна, генерируют тенденцию трансмодерна, предполагающую отказ от традиций, в т.ч. от «человека как традиции» (по В.А. Кутыреву), а общество в России на рубеже XXI в. переходит от состояния социализма к состоянию социального государства, генерирует тенденцию развития через сохранение традиций.

Наконец, в-четвёртых, внесённые уточнения в диалектике отношений «социальная память – традиция – новация» создают новый контекст для углубления представлений о роли структур социальной памяти в создании предпосылок, которые имеются налицо, перешли от прошлого и которые влияют на формирование альтернативных модусов социального бытия и существования событий современности. Понятие «контрпамять», которое находится в обращении западных *memory studies*, описывает узкий аспект затронутой в настоящем исследовании социальной реальности, – аспект, связанный с историческим знанием, с нарративами. Описание роли социальной памяти в образовании альтернативных форм праксеологического поворота общества в целом, альтернативных форм целостной организации социальной реальности (общество социализма и общество модерна) требует выявления элементов более глубокой связи в структуре отношений «социальная память – традиция – новация». Рассмотрение этих, более глубоких аспектов продолжается во втором параграфе данной главы.

В заключении первого параграфа второй главы необходимо выделить следующие основные выводы:

1. Основное противоречие праксеологического поворота, концептуально описанного в социальной теории К. Маркса и состоявшегося в качестве события современности в начале XX в., связано с возникновением двух его модусов, один из которых известен как поворот к обществу социализма, а второй известен как поворот к обществу модерна. Основные особенности поворота к обществу социализма определены и рассмотрены на примере СССР, а основные особенности поворота к обществу модерна определены и рассмотрены на примере США. Предложенный переход описания различий социальной

Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арутюнова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 240–296, 281.

⁵¹⁷ Гумбрехт Х.У. Цит. соч. С. 282.

⁵¹⁸ Гумбрехт Х.У. Цит. соч. С. 290.

организации общества в СССР и в США с привычной оппозиции «общество социализма – общество капитализма» на оппозицию «общество социализма – общество модерна» обусловлено, с одной стороны, критической уязвимостью концепции общественно-экономических формаций, к которой апеллирует привычная оппозиция «капитализм – социализм», с другой стороны, тем, что «модерн» – это своеобразное самоназвание, которое возникло в ходе западного праксеологического поворота. Различие названных модусов праксеологического поворота проявляется в форме противоречий, возникающих для России как на глобальном уровне, так и на уровне внутренней политики.

2. Содержание противоречий, в которых проявляется различие названных выше модусов праксеологического поворота, раскрывается через анализ диалектики отношений «социальная память – традиция – новация», рассмотренной на примере новационной социальной теории К. Маркса и связанных с ней модусов праксеологического поворота. Как событие современности середины XIX в. эта теория стала формой социального памятования двух социально онтологических потоков-традиций: а) онтологического потока-традиции, определявшегося в терминах «бунты – восстания – революции» в их глубинной связи с государством, с нуждаемостью в государстве; б) онтологического потока-традиции, определявшегося в терминах «товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал» с их глубинной ненуждаемостью в государстве. Новационность социальной теории К. Маркса состояла в том, что его классовая теория обосновывала радикальное столкновение этих онтологических феноменов с акцентом на историческую перспективность сценария, связанного с жизнеспособностью первой из них и ликвидацией второй («уничтожение труда»⁵¹⁹) в перспективе социалистической революции и создания государства «диктатуры пролетариата».

3. Исторический сценарий праксеологического поворота, обоснованный К. Марксом в связи с перспективой построения общества социализма, нашёл своё модельное воплощение в практике создания советского социалистического общества в СССР. В контексте понятия «событие современности» этот процесс рассматривается, с одной стороны, как традиционное событие современности, то есть как обстоятельства, которые люди не сами выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого потому, что за ними стоит действие структур социальной памяти российского государствообразующего сообщества («пролетариата» в терминологии К. Маркса). Действие структур социальной памяти обеспечило: а) сохранение онтологического потока-

⁵¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице различных его пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7–544, С. 78.

традиции «бунты – восстания – революции» в форме особенной социальной теории (русский марксизм), б) преодоление социальных ротационных барьеров и перманентное существование в российском обществе (разнообразие течений); в) адаптацию её к особенностям российской социально-политической реальности (ленинизм), г) масштабирование её в качестве всеобщей схемы деятельности, всеобщего содержания мировоззренческой культуры в СССР. С другой стороны, данное событие современности рассматривается в модусе инновационного события современности, то есть как проявление того, что люди делают свою историю, ставя определённые цели и предпринимая действия по их достижению, в частности, это цели, направленные на дискриминацию, ослабление, ликвидацию онтологического потока-традиции, определявшегося в терминах «товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал».

4. Исторический сценарий праксеологического поворота, связанный с перспективой сохранения онтологического потока-традиции, определявшегося в терминах «товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал» в сочетании с дискриминацией, ослаблением, ликвидацией онтологического потока-традиции, определявшегося в терминах «бунты – восстания – революции», был реализован в рамках другого события современности XX в., состоявшего в построении общества модерна. Этот модус праксеологического поворота нашёл своё модельное воплощение в практике создания общества модерна в США. В контексте понятия «событие современности» этот процесс рассматривается, с одной стороны, как традиционное событие современности, то есть как обстоятельства, которые люди не сами выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого, потому что за ними стоит действие структур социальной памяти американского государствообразующего сообщества («деловые люди» в терминологии С.Т. Петерса⁵²⁰). Действие структур социальной памяти обеспечило: а) сохранение онтологического потока-традиции «товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал» в форме особенной социальной теории (классическая экономическая теория), б) преодоление социальных ротационных барьеров и перманентное существование в американском обществе (разнообразие течений экономической теории); в) адаптацию её к особенностям американской социально-политической реальности (Густав К. Кассель, Ирвинг Фишер, Г. Паркер Уиллис, Р. Г. Хотри и др.⁵²¹, несколько лауреатов Нобелевской премии⁵²²); г) масштабирование её в качестве

⁵²⁰ Козеллек Р. Историко-терминологическое введение // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи. В 2-х т. Т. 1. С. 323.

⁵²¹ Mullins Eustace. The Secrets of the Federal Reserve. The London connection. 1982. P. 222, 224, 229.

⁵²² Демьяненко В., Кувшинова О. Самая секретная экспедиция в истории финансов: как появилась ФРС // Econc.online 2023. 22 декабря. URL: <https://dzen.ru/a/ZYakmcdnmvMENxC3t>.

всеобщей схемы деятельности, всеобщего содержания мировоззренческой культуры в США. С другой стороны, данное событие современности рассматривается в модусе новационного события современности, то есть как проявление того, что люди делают свою историю, ставя определённые цели и предпринимая действия по их достижению, в частности, это цели, направленные на создание ФРС США и на дискриминацию, ослабление онтологического потока-традиции, определявшегося у К. Маркса в терминах «бунты – восстания – революции», особенно в части их глубинной связи с государством, с нуждаемостью в государстве.

5. В перспективе анализ основного противоречия праксеологического поворота на основе диалектики отношений «социальная память – традиция – новация» может позволить определить особенности этого феномена в контексте других стран мира, а также намечает перспективу анализа тенденций перехода общества модерна к обществу постмодерна, а общества социализма к обществу социального государства.

§ 2.2. Концептуальная основа гармонизации отношений «социальная память – новации»

Во втором параграфе второй главы продолжаем анализ развития научной новации К. Маркса в аспекте углубления исследования оснований существования «рыночного» онтологического потока-традиции и «революционного» онтологического потока-традиции, связанных с функционированием социальной памяти; рассматривается роль социальной памяти в обеспечении развития новаций по линии «единичное – особенное – всеобщее», в т.ч. анализируется теоретическая концепция «идеального» Э.В. Ильенкова, исследуется отличие праксеологического поворота современности, связанного со становлением общества социализма и праксеологического поворота современности, связанного со становлением общества модерна, в контексте которых определяется концептуальная основа гармонизации отношений «социальная память – новация».

Исследование теории товарно-денежных отношений К. Маркса в аспекте социальной онтологии в советский период было предпринято Э.В. Ильенковым в связи с проблемой «идеального», природу которого он выводил из данного в «Капитале» анализа товарно-денежных отношений, в частности, из анализа природы стоимости: «Цена или денежная форма товаров», цитировал он К. Маркса, «есть форма лишь идеальная, существующая лишь в представлении»⁵²³. Далее цитировал «Капитал» в том месте, где поясняется, что при обмене одного товара на другой оба приравниваются торговцами к

⁵²³ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984. С. 174.

«третьему товару», цитировал: «Третий товар ... непосредственно приобретает всеобщую, или общественную, форму эквивалента». А от себя Э.В. Ильенков подчёркивал, что «третий товар» непосредственно налицо в акте обмена не дан, что он «присутствует здесь только идеально, т.е. в представлении, в уме товаровладельцев, в речи, на бумаге и т.д.»⁵²⁴. В рамках нашего исследования отметим здесь то, как раскрывается диалектика особенного и всеобщего: «Так понимаемая всеобщность представляет собой вовсе не некую родовую одинаковость индивидов, а реальность, внутри себя многократно и многообразно расчленённую на особенные (отдельные) сферы, взаимно друг друга дополняющие, друг от друга, по существу, зависящие и поэтому сцепленные воедино узами общности происхождения не менее прочно и не менее гибко, чем органы тела биологической особи...»⁵²⁵. На примере превращения особенного товара (золота) во всеобщий товар товаров, на примере формирования всеобщего определения феномена «стоимости»⁵²⁶ показывалось, как «особенное» обретает в обществе статус всеобщего. Развитие этого направления социальной онтологии в исследовании товарно-денежных отношений А.В. Дахин предпринял через рассмотрение их в качестве сферы присутствия и функционирования социальной памяти. Он обратил внимание на связь теории «Капитала» К. Маркса с вопросами социального памятования и показал, что в описанной в «Капитале» системе товарно-денежного обмена раскрываются особенности коллективной экономической памяти социальных сообществ: «Скелетная структура экономической деятельности, которую исследует К. Маркс в «Капитале», включает: предшествующий труд, предметно-материальную (товарную) форму его бытия в сфере каждого нового здесь-и-теперь существования, а также «идеальную» (по Э.В. Ильенкову) форму его бытия (стоимость). Кроме того, Маркс анализирует «наличную форму бытия стоимости», «простую эквивалентную форму бытия стоимости» и «всеобщую эквивалентную форму бытия стоимости». Анализ социально-онтологических оснований экономического исследовательского проекта Маркса приводит к выводу: «в материале товарно-денежных отношений он описал некоторые элементы узловой структуры социально-исторической памяти людей, как она проявляет себя в экономической деятельности»⁵²⁷. Обобщая своё исследование о специфике наличной формы бытия «товара» у К. Маркса, А.В. Дахин отмечает: «понятие «наличное бытие» указывает на то, что предметом исторического памятования выступает вся система «товарное производство – обмен – потребление», в

⁵²⁴ Ильенков Э.В. Цит. соч. С. 176.

⁵²⁵ Ильенков Э.В. Цит. соч. С. 280.

⁵²⁶ Ильенков Э.В. Цит. соч. С. 281.

⁵²⁷ Дахин А.В. Экономика памяти и экономическая память общества // Образ будущего бытия России и мира в сфере экономики. Зеленовские чтения: материалы 53 Международного академического симпозиума. Н. Новгород: НО РФО, ПАНИ, НФК, 2025. С. 53–68, 55–56.

основе которых лежат отношения между людьми как формами наличного бытия такого сущностного момента, как «рабочая сила» человека, обладающего также и наличными формами бытия в виде опредмеченного «прошлого труда» (продукт труда с его социально значимыми, то есть потребительскими, качествами). Схема описания движения форм наличного бытия сущностных начал человека и общества в экономической сфере деятельности включает:

- опыт предшествующей конкретно-предметной экономической деятельности («производство» продукта, его потребительская стоимость);
- действие структур исторического памятования («хранение» продукта как «сущего» для обмена, как «товара»; сохранение связки «материальная вещь – экзистенциально-идеальный элемент» меновой значимости);
- преобразование прошлого опыта в форму наличного здесь-бытия «товара» (форма отношения «хозяин – товар – стоимость»), предметное присутствие которого в конкретно-географическом здесь-и-теперь существовании представлено в человеке как обладателе, хозяине «товара», и в налично данном присутствии конкретного товарного запаса, имеющего конкретную «стоимость»;
- социальная явленность сущностного начала человека из формы наличного здесь-бытия в сферу нового здесь-и-теперь существования, то есть обмен конкретно-определённого количества одного товара на конкретно-определённое количество другого, в результате происходит «перезарядка» системы материально-предметного строя «той же самой» деятельности (новый цикл производства «того же самого» товара)⁵²⁸.

Общая смысловая основа социально-философских рассуждений Э.В. Ильенкова и А.В. Дахина видится в следующем: для того, что Э.В. Ильенков определял понятием «идеальное», А.В. Дахин нашёл более адекватный термин – социальная память. Действительно, при обмене одного товара на другой все торговцы приравнивают товары к «третьему товару», который в наличии может отсутствовать, но он непременно присутствует в памяти каждого торговца (в «представлении, в уме»), в устной речи, в виде записи (цен на рынке) на бумаге. Кроме того, «третий товар» обладает (приобретает в многократно повторяющемся опыте товарного обмена) статусом «всеобщего», то есть имеет всеобщую общественную значимость для всех товаровладельцев. «Всеобщность» Э.В. Ильенкова описывает коллективную социальную память, которая представляет собой вовсе не некую внешнюю одинаковость индивидов, а реальность, внутри себя многократно

⁵²⁸ Дахин А.В. Экономика памяти и экономическая память общества // Образ будущего бытия России и мира в сфере экономики. Зеленовские чтения: материалы 53 Международного академического симпозиума. 2025. С. 61–62; Лукшин Р.С. Исследование философских оснований экономики инноваций и экономики памяти // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2025. том 15. № 4. С. 80–88.

и многообразно расчленённую на отдельные, многократно повторяющиеся элементы предшествующего коллективного опыта, взаимно друг друга дополняющие, друг от друга, по существу, зависящие и поэтому сцепленные воедино узами общности происхождения (в этом же предшествующем коллективном опыте), не менее прочно и не менее гибко, чем органы тела биологической особи, в подоснове своей представляющие собой действие «биологической памяти»⁵²⁹.

Выявленная связь товарно-денежного обмена с действием социальной памяти позволяет говорить о присутствии специфической формы социального памятования, которая определяется понятием «хозяйственно-экономическая социальная рамка коллективной памяти людей»⁵³⁰. Социальную рамку хозяйственно-экономической памяти он рассмотрел на микроуровне, где все элементы процесса – торговцы, обмениваемые товары, «третий товар», который в уме понят участники обмена и пр. – присутствуют в как бы готовом виде, как устойчивые и для всех участников очевидные элементы всеобщей схемы деятельности – товарного обмена, который и является в конечном счёте целостным предметом социального памятования. В этом подходе необходимо подчеркнуть, что предметом охвата действия коллективного памятования выступает не просто «знание», «нарратив», но определённая предметно-социальная реальность, схема деятельности, внутри себя многократно и многообразно расчленённая на отдельные, многократно повторяющиеся элементы предшествующего коллективного опыта, которые действуют в качестве «тех же самых», по сути, в каждом новом акте товарно-денежного обмена.

В отличие от этого подхода на микроуровне, наше исследование подошло к этому же предмету исследования на макроуровне, где наблюдается генезис, историческое становление, появление основных элементов всеобщей схемы деятельности. Рассмотренный выше праксеологический социальный поворот в модусе становления общества модерна и историческое становление всеобщей схемы экономической деятельности на основе центральной роли ФРС США, диалектика традиционного события современности и инновационного события современности на базе «рыночного» онтологического потока-традиции раскрывают дополнительные характеристики, черты присутствия социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти, сохраняющей и накапливающей опыт социально-трудовых и долговых отношений в обществе, которые функционируют в процессах обмена товарами и услугами. Её действие

⁵²⁹ В этом аспекте понятие «биологическая память». См.: Ашмарин И.П. Загадки и откровения биохимии памяти / под ред. акад. Е.И. Крепса. Л.: ЛГУ, 1975. 160 с. С. 6–16.

⁵³⁰ Дахин А.В. Экономика памяти и экономическая память общества // Образ будущего бытия России и мира в сфере экономики. Зеленовские чтения: материалы 53 Международного академического симпозиума. Н.Новгород, 2025. С. 56.

специфическим образом охватывает трудовые социальные отношения, трудовые вклады и долги, обладающие общественно значимой стоимостью. Своеобразными «узелками на память» социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти являются различные предметные эквиваленты стоимости трудового вклада / долга, всеобщей формой выражения которых на различных этапах истории выступали сначала отдельные виды товара (скот, зерно, драгоценный металл и пр.), затем металлические деньги, бумажные долговые записи (банкноты), а теперь цифровые записи (биткойны и пр.). Макропроцесс присутствия хозяйственно-экономической социальной рамки коллективной памяти охватывает онтологический поток-традицию, описанную у К. Маркса в терминах «товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал», а её присутствие опредмечивается в виде различных структур деятельности, к которым относится система счёта и учёта вклада / долга, патриархально-трудовая повинность на основе натурального обмена, оброчная, ярмарочная системы на основе натурального обмена, товарно-денежная рыночная система. На рубеже XIX–XX вв. присутствие социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти опредмечивается в виде банковской системы, в качестве модельного примера которой был рассмотрен случай ФРС США. Таким образом, поворот в сторону строительства общества модерна в США был обусловлен не созданием какого-то очередного банка в ряду множества других, а историческим движением, историческим развитием социальной рамки хозяйственно-экономической памяти, одним из предметно-материальных проявлений которого в США было создание ФРС.

Контекст представленного в предыдущем разделе анализа функций социальной памяти необходимо дополнить уточнением о том, что акцент на преобразование «особенного» инновационного события современности во «всеобщую» схему деятельности позволяет точнее определить значение социальной памяти именно на макро-уровне её присутствия и действия. Вся «цепочка» диалектически связанных действий социальной памяти, включающая: а) «преодоление» барьера социальных ротаций и «сохранение» идеи или предмета в качестве особенного обстоятельства (те обстоятельства, которые люди не сами себе выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого); б) «адаптацию» идеи или предмета в качестве особенной деятельности конкретно-исторического социального субъекта; в) «масштабирование» идеи или предмета социального памятования в статус всеобщей схемы деятельности конкретно-исторического общества / страны, – всё это элементы онтологического потока-традиции, в котором на основе единичной новации (теория К. Маркса) возникает флуктуация особенного научного и социального движения (создание ФРС США), которое завершается формированием новой всеобщей схемы деятельности (общество модерна в США), которая обретает статус

онтологического потока-традиции. В этом описании можно увидеть проявление исторической «спирали» и принципа «отрицания отрицания», как его понимали К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователи из советского диалектического и исторического материализма⁵³¹. Наше дополнение состоит в том, что петля этой «спирали» генерируется благодаря действию структур коллективной социально-исторической памяти, а в рассматриваемом примере – благодаря действию социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти. Поэтому можно обобщить, что на макроуровне социальной реальности функционирование социальной рамки хозяйственно-экономической памяти создаёт онтологическую подоснову социальной новации как на стадии преобразования её социального статуса из «единичного» в «особенное», так и на стадии преобразования её социального статуса из «особенного» во «всеобщее». В этой части сохраняется смысл ещё двух пояснений Э.В. Ильенкова. Во-первых: «такой переход единичного и случайного во всеобщее отнюдь не редкость в истории, а, скорее, правило»⁵³². В контексте диалектики отношений «социальная память – традиция – новация» эта идея уточняется в том плане, что такой переход обеспечен действием структур социальной памяти, и он действительно происходит в истории, если активности структур социальной памяти хватает и для преобразования единичной новации в особенное событие современности, и для масштабирования «особенного» в статус «всеобщего». Дополнение в этой части состоит в том, что если активности структур социальной памяти не хватает, то весь новационный процесс останавливается на той или иной стадии, новация не реализуется, уходит в забвение-небытие. И такие ситуации в истории тоже отнюдь не редкость, и скорее в них проявляется вторая сторона того же «правила». Примером может служить концепция «идеального» Э.В. Ильенкова, которая, возникнув в качестве единичной новации, не попала в поле действия коллективной памяти советского общества, а в настоящее время почти забыта. В Лету забвения канули и советские инженерные новации Р. Алексеева (экранопланы) и пр.

Во-вторых, Э.В. Ильенков разъясняет существо критического восприятия идеи Гегеля относительно схемы «слово – дело – вещь (созданная делом) – снова слово (на этот раз словесно фиксированный отчёт о содеянном)⁵³³», которую он называет «мистификацией» отношений «между всеобщим и единичным»⁵³⁴. Суть мистификации состоит в том, что Гегель описывает человека, имеющего «знание», – «знание, доставшееся

⁵³¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 5–342, 139–142.

⁵³² Ильенков Э.В. Цит. соч. С. 283.

⁵³³ Ильенков Э.В. Цит. соч. С. 158.

⁵³⁴ Ильенков Э.В. Цит. соч. С. 159.

ему в ходе образования сразу же в форме (готовых – Р.Л.) понятий, т.е. в форме словесного выражения», которое «является для него и началом (исходным пунктом) его специфической деятельности, и специфической целью, подлинной “энтелехией”»⁵³⁵. Это в той же мере можно отнести к западным *memory studies*, которые мистифицируют «знание истории», «нарратив», «информацию», поскольку берут их как абсолютизированный, самодостаточный, готовый «исходный пункт», вокруг которого запускается вращение всей остальной социальной реальности. Противовесом такой мистификации «идей», «нарративов» и «информации» является понятие «объемлющий строй коллективной социально-исторической памяти», которое мы рассматриваем как важнейшую целостную характеристику социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти людей, охватывающую предметно-деятельностную структуру, знаково-ноэматическую структуру и идейно-мировоззренческую структуру⁵³⁶.

Проведённая концептуализация аппарата анализа диалектики взаимодействия социальной памяти и социальных инноваций позволяет зафиксировать следующий понятийный ряд. Объемлющий строй коллективной социально-исторической памяти — целостная характеристика социальной рамки памяти, интегрирующая предметно-деятельностную структуру (материально-предметные формы деятельности, в которых опредмечен предшествующий социальный опыт), знаково-ноэматическую структуру (знаковые, языковые и понятийные формы фиксации этого опыта) и идейно-мировоззренческую структуру (ценностные и мировоззренческие смыслы, придающие опыту социальную значимость). Макроструктурная петля коллективной социальной памяти - понятие, фиксирующее целостную, диалектически связанную последовательность функций социальной памяти (преодоление барьера социальных ротаций, адаптация, масштабирование), обеспечивающую движение социальной новации по линии «единичное – особенное – всеобщее» на уровне общества в целом. Данные понятия составляют концептуальный каркас анализа, предпринятого во второй главе диссертации.

Совокупный социальный результат действия социальной памяти в поле отношений «традиция – новация» состоит в том, что в подоснове «развития новации» формируется своеобразная петля памяти, она охватывает своим действием широкий круг традиционных и новационных социальных отношений, идей, предметов, обеспечивает их адаптацию в качестве особенного инновационного феномена и масштабирование до уровня всеобщей схемы действия. Петля памяти образует таким образом новый слой социальной памяти,

⁵³⁵ Ильенков Э.В. Цит. соч. С. 160.

⁵³⁶ Дахин А.В. Экономика памяти и экономическая память общества // Образ будущего бытия России и мира в сфере экономики. Зеленовские чтения: материалы 53 Международного академического симпозиума. Н. Новгород. С. 63.

который ложится поверх прежнего ландшафта социального памятования. Он же представляет собой и новую «ячейку» коллективной памяти, способную удерживать и накапливать коллективный социальный опыт нового типа, тот, который не могли «видеть», перетаскивать через рубежи социальных ротаций и накапливать старые «ячейки» памяти. На примере экономики видно, как хозяйственно-экономической рамка социальной памяти, использующая чеканную монету, совершеннее и масштабнее, чем социальная рамка хозяйственно-экономической памяти, использующая натуральный обмен, или как социальная рамка хозяйственно-экономической памяти, использующая долговые расписки (купюры), совершеннее и масштабнее, чем хозяйственно-экономическая рамка социальной памяти, использующая монету из драгметаллов, и т.д. С другой стороны, нетрудно показать также и то, что появление нового слоя в социальной рамке хозяйственно-экономической коллективной памяти в той или иной мере сохраняет присутствие всех более ранних слоёв («ячеек»), которые могут продолжать своё действие в локальных нишах, обеспечивая своим присутствием устойчивую онтологическую основу самому новому слою и создавая эффект «многоукладности» в хозяйственно-экономической жизни общества. В частности, можно отметить пример параллельного хождения в СССР советского рубля и неофициальной «народной валюты» под названием «пол-литра».

Таким образом, исследование диалектики соотношения «социальная память – традиция – новация» в контексте модуса праксеологического поворота, который связан со становлением общества модерна, приводит к заключению, что целостное описание роли социальной памяти предполагает уточнение специфики её динамики, которую она получает в форме социальной рамки хозяйственно-экономической памяти и таким образом обеспечивает становление, бытие и существование такого события современности начала XX в., как формирование ФРС в США (и централизованных негосударственных структур организации финансов в других странах Запада).

По аналогии можно продолжить описание и той социальной новации начала XX в., которая, как показано выше, была связана онтологическим потоком-традицией, определявшимся в терминах «бунты – восстания – революции», связанных с Октябрьской революцией 1917 г. и со становлением системы советской государственной власти в СССР. В концепции диверсификации социальных рамок памяти понятие, отражающее специфику этого формата действия социальной памяти, – понятие «социальная рамка организационно-государственной памяти»⁵³⁷. Контекст представленного в предыдущем разделе анализа перехода к обществу социализма позволяет сделать акцент на том, что преобразование

⁵³⁷ Дахин А.В. Человек – дом социального бытия: диверсификация рамок коллективной социально-исторической памяти // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 3–4. С. 37–44.

«особенного» инновационного события современности, Октябрьской революции 1917 г., во «всеобщую» схему деятельности в социалистическом обществе СССР также раскрывает значение социальной памяти на макроуровне её присутствия и действия. «Цепочка» диалектически связанных действий социальной памяти, включающая: а) «преодоление» барьера социальных ротаций и «сохранение» идеи революции / социализма в качестве особенного обстоятельства (того обстоятельства, которое люди не сами себе выбрали, а которое непосредственно имеется налицо, дано им и перешло от прошлого) России начала XX в.; б) «адаптацию» идеи революции / социализма в качестве особенной деятельности конкретно-исторического социального субъекта (партии большевиков); в) «масштабирование» идеи социализма в статус всеобщей схемы деятельности конкретно-исторического государствообразующего сообщества (пролетариата) в СССР, – всё это элементы онтологического потока-традиции, в котором на основе единичной новации (теория К. Маркса) возникает флуктуация особенного научного и социального движения (русский марксизм), которое завершается формированием новой всеобщей схемы деятельности (общество социализма в СССР), которая обретает статус онтологического потока-традиции в форме советского социализма СССР и в формах, возникших в других странах социалистического мира. Нетрудно показать, что совокупный социальный результат действия социальной памяти в структуре онтологического потока-традиции «бунты – восстания – революции» в том, что в подоснове развития отечественной новации, начавшейся Октябрьской революцией, формируется своеобразная новая петля памяти социальной рамки организационно-государственной памяти, которая охватывает своим действием широкий круг традиционных и новационных социальных отношений, идей, предметов, обеспечивает их адаптацию в качестве особенного инновационного феномена (пролетарское государство, пролетарская наука, пролетарское право и пр.) и масштабирование до уровня всеобщей схемы действия («государство развитого социализма», в т.ч. советское государство, советская наука, советское право и пр.). Петля памяти охватывает семь десятилетий XX века и «четвёртую часть суши», образует новый слой социальной памяти, который ложится поверх прежнего ландшафта отечественного социального памятования, в котором присутствуют такие ранее сложившиеся всеобщие схемы деятельности, как централизованная государственность, общинный образ жизни, некоторые элементы «азиатского способа производства» (современные исследователи, в частности, делают акцент на том, что «государство здесь – верховный собственник земли»⁵³⁸) и др. Советская социальная рамка организационно-государственной памяти

⁵³⁸ Васильев Л.С. История Востока: в 2 т. Т. 1. М.: Выс. шк., 1993. 495 с. С. 31.

представляет собой и новую «ячейку» коллективной памяти коренного населения Страны Советов, способную удерживать и накапливать коллективный социальный опыт нового типа (пионерская организация, организация ВЛКСМ, профсоюзная организация, организация КПСС), тот, который не могли иметь и накапливать старые «ячейки» памяти. На примере государственной политики ликвидации безграмотности, государственной политики всеобщего начального, среднего образования и других можно было бы более детально показать, что социальная рамка организационно-государственной памяти, опирающаяся на всеобщее начальное образование, совершеннее и масштабнее, чем социальная рамка организационно-государственной памяти, опирающаяся на частичную грамотность в самом начале XX в. С другой стороны, нетрудно показать также и то, что появление нового слоя в социальной рамке организационно-государственной коллективной памяти в той или иной мере сохраняло присутствие всех более ранних слоёв («ячеек»), которые продолжали своё действие в локальных нишах общества, создавая своим присутствием эффект организационной «многоукладности» (например, сохранение организаций у традиционных религиозных конфессий вопреки «теории» атеизма и др.). Таким образом, содержание противоречия праксеологического поворота современности, которое мы рассматриваем в контексте отношения двух его модусов, – модуса поворота к обществу социализма (на примере СССР) и модуса поворота к обществу модерна (на примере США), – определяется их связью с присутствием и функционированием структур социальной памяти. Концептуальная основа более целостного (чем в рамках диалектического и исторического материализма и чем в рамках западных экономических и социальных теорий, берущих начало в классовой и экономической теории К. Маркса) осмысления противоречия состоит в характеристике состояния соотношения двух фундаментальных социальных рамок коллективной памяти – социальной рамки организационно-государственной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти. Обе социальные рамки – это модусы социальной памяти как родового сущностного начала, выделяемые не по признаку «социальное / не социальное», а по признаку сферы явленности в деятельности общества, в которой сохраняется и воспроизводится коллективный опыт предшествующей истории: сферы политической организации государствообразующего сообщества (организационно-государственная рамка) и сферы хозяйственно-экономической деятельности того же сообщества (хозяйственно-экономическая рамка). Это различие определённым образом соотносится с принятыми в исследованиях социальной памяти различием культурной и коммуникативной памяти (Я. и А. Ассман), «официальной» и «народной» (понятие

«патриотизм снизу»⁵³⁹ К. Клеман*), с институционально-экономическим понятием зависимости хозяйственных практик от предшествующей траектории развития («path dependence») Д. Норта⁵⁴¹. Однако, предлагаемая концепция дифференциация социальных рамок коллективной памяти предполагает онтологически обоснованную целостность, устойчивость и историческую обусловленность хозяйственно-экономического и государственно-организационного опыта, частными проявлениями которого выступают и «официальная», и «народная» и пр. прилагательные, используемые в описаниях западных memory studies.

Носителем обеих названных социальных рамок коллективной памяти выступает государствообразующее сообщество той или иной страны, представляющее собой исторически сложившуюся форму солидарности, обычно определяемую через её конкретно-исторические модусы (народность, нация, пролетариат и др.). Как носитель социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти, государствообразующее сообщество обеспечивает своё бытие и существования в качестве «того же самого» хозяйствующего субъекта / собственника (тот же поставщик, тот же должник, тот же кредитор и пр.). Как носитель социальной рамки государственно-организационной коллективной памяти государствообразующее сообщество обеспечивает своё бытие и существование в качестве «того же самого» государствующего субъекта, основным признаком которого является государственный суверенитет, государственное право и пр.

И социальная рамка организационно-государственной памяти, и социальная рамка хозяйственно-экономической памяти, будучи активными слоями объемлющего строя коллективной памяти общества, в той или иной мере вовлекают в поле своих социальных отношений всю толщу его многоукладности. Состояние противоречия, в которое попадают названные социальные рамки памяти, имеет несколько измерений. Первое связано с глобальной региональной стратификацией общества, где основной таксономической единицей является суверенное государство⁵⁴². В XX в. в этом измерении противоречие является глубинной основой противостояния общества социализма (СССР и другие

⁵³⁹ Клеман К.* Патриотизм снизу «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?». М.: Новое литературное обозрение. 2021. – 129 с.

*Находится под запретом въезда в РФ в соответствии с п.1 ч.1. Ст. 27, Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 N 114-ФЗ (запрет на въезд «в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства»)

⁵⁴¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

⁵⁴² Дахин А.В. Региональная стратификация общества: глобальное и локальное в культуре, экономике, и политике. Часть 1 // Власть. М., 2015. № 10. С. 5–15; Дахин А.В. Региональная стратификация общества: глобальное и локальное в культуре, экономике, и политике. Часть 2 // Власть. М., 2015. № 11. С. 40–48.

социалистические страны) и общества модерна (США и другие страны Запада). На примере СССР можно видеть, что в обществе социализма доминирует функционирование социальной рамки организационно-государственной памяти, что является определяющим обстоятельством, которое люди находят в качестве непосредственно имеющегося налицо, в качестве данного им объективно и перешедшего от прошлого. Поэтому когда люди общества социализма стремятся «делать свою историю», ставя определённые цели и предпринимая действия по их достижению, они действуют в поле тяготения именно этой социальной рамки памяти, которая незримо, по умолчанию, но на уровне всеобщей схемы действия, устанавливает границы возможного. Не договариваясь друг с другом, большие массы людей не переступают эти границы, в том числе тогда, когда делание истории касается межгосударственных отношений. Граница была определена в терминах различий между «социализмом» и «капитализмом». На примере США видно, что в обществе модерна в качестве определяющего обстоятельства, которое люди находят в качестве непосредственно имеющегося налицо, в качестве данного им объективно и перешедшего от прошлого, доминирует функционирование социальной рамки хозяйственно-экономической памяти. Поэтому когда люди общества модерна стремятся «делать свою историю», ставить определённые цели и двигаться к своему успеху, они действуют в поле тяготения социальной рамки хозяйственно-экономической памяти, а точнее в формате того её модуса, который является генератором всеобщей схемы деятельности и, таким образом, незримо, по умолчанию, также устанавливает границы возможного, и также, не договариваясь друг с другом, большие массы людей не переступают эти границы. В сфере международных отношений, которые строят государства модерна, противоречие устойчиво определяется в терминах различий между «развитыми» (современными) и «отсталыми» (устаревшими) странами. Нетрудно показать, что изменение характера геополитических действий меняется только на основе движения рамок социальной памяти внутри той или иной страны. В частности, политика «нового мышления» и уступок периода «перестройки», казалось, такой и должна быть, но никто не заметил, как «молчаливое согласие» от идеи защиты международной системы социализма откатилось к идее объединения Германии. Эта странность социального согласия была вызвана ослаблением советской социальной рамки организационно-государственной памяти.

Таким образом, второе измерение противоречия социальной рамки организационно-государственной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти имеет внутристрановой, внутригосударственный характер. Это измерение позволяет описывать ситуации, связанные с социалистическим строительством и с советским государственным строительством, учитывая более широкую социальную подоснову противоречий, которые

определялись в терминах классовой борьбы («раскулачивание», «борьба с буржуазной наукой», «борьба с классовыми пережитками» и др.). В частности, в социальной рамке хозяйственно-экономической памяти основные цели тех, кто «делал историю», сводились к тому, чтобы с помощью хозяйственных преобразований построить переход от мелкого и среднего формата сельскохозяйственного производства к формату крупного промышленного производства сельхозпродукции. В частности, в Поволжье исследователи выделяют 5 этапов коллективизации на Волге, характеристики которых отражают метод «проб и ошибок» большевиков, противоречия с крестьянством и различные меры преодоления этих противоречий. На начальном этапе 1927–1929 гг. создавалось несколько институциональных форм, в которые вменялись действующие формы локальной общинной жизни сельского населения (коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли / ТОЗы), причём динамика такова, что от «коммун» переходили к «артелям», от «артелей» – к ТОЗу⁵⁴³. Ещё одной формой стали «коллективные хозяйства» (колхозы), которые дополнили собой диапазон поисковых форм новой организации жизни на селе. Так в Яндыко-Мочажном улусе Калмыцкой автономной области было создано 27 различных объединений, среди которых только 5 были колхозами. На последующих этапах коллективизации ставка была сделана на институциональную форму «колхоза». Форма «артелей» также сохранялась, за «артелями» чаще закреплялся формат мелкотоварного производства на основе обычаев ручного труда (охота, оленеводство, золотодобыча и пр.). Для обеспечения колхозов, совхозов, некоторых артелей тракторной и другой сельхозтехникой создаются машинно-тракторные станции (МТС). Типичный для западного аналитического дискурса подход, опирающийся на противостояние западного развития (демократии) и советской отсталости (авторитаризма), описывает коллективизацию в Поволжье с акцентом исключительно на насильственном её характере⁵⁴⁴. Однако наряду с принудительными мерами, нацеленными на создание колхозов, существовали и меры экономического стимулирования. К мерам государственной поддержки⁵⁴⁵ добавлялась некоторая дополнительная помощь продовольственными пайками для «передовиков-колхозников», действовала кредитная поддержка колхозов, затем – обеспечение колхозов сельскохозяйственной техникой нового поколения (замена лошадиной тягловой силы на тракторную и пр.). В частности, в период продовольственного кризиса 1921–1922 гг. власти признали многие регионы Поволжья голодающими, за чем последовали такие меры

⁵⁴³ Бадмаева Е.Н. Особенности российской модернизации в годы коллективизации в Нижнем Поволжье // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 3(15). С. 38–39.

⁵⁴⁴ Хартили Д. Волга. История главной реки России. М.: Эксмо, 2024. 560 с. С. 405–431.

⁵⁴⁵ Бадмаева Е.Н. Голод в Нижнем Поволжье в 1921 и 1923 гг. // Новый исторический вестник. 2010. № 4 (26). С. 47–59, 52.

поддержки, как льготы по налогам, «шефство» не голодающих регионов над голодающими, использование помощи международных организаций («Красный крест» и др.)⁵⁴⁶. Действия в социальной рамке хозяйственно-экономической коллективной памяти включали применение различных механизмов налогообложения, – от старых «податей» и практик меновой деятельности до «продразвёрстки», затем «новая экономическая политика» с возвращением товарно-денежной меновой деятельности и последующим переходом к государственному налогу, к системе государственного планирования, государственного снабжения, исключавшего инфраструктуру товарно-денежного обмена из сферы обращения «средств производства» и сохранившего его только в сфере индивидуального потребления. Поэтому частью процесса коллективизации было присутствие высокой доли натурального распределения товарной продукции широкого потребления (распределение по «трудодням») и низкая доля денежного содержания в крестьянской среде, метод «проб и ошибок» преобразований на селе в Поволжье, а также управленческие «перегибы» со структурами коллективной памяти крестьянства. Это стало причиной волнений крестьян 1930-х гг., особенно многочисленная волна которых прокатилась по Среднему и Нижнему Поволжью. На Нижней Волге было зафиксировано более 1000 мятежей с участием более 100 тыс. крестьян; на Средней Волге было зарегистрировано более 700 случаев волнений с участием более 140 тыс. крестьян⁵⁴⁷. «Экономическая» мотивация неприятия коллективизации, которая на уровне всеобщей схемы деятельности генерировалась социальной рамкой организационно-хозяйственных крестьянских сообществ, попадала в разряд объектов подавления, «экспроприации», дискриминации, что отражало подчинённое положение «экономической» традиции пользу «государственнической» в ходе поворота к обществу социализма. Меры политики продразвёрстки противоречили экономической логике крестьян тем, что заменили традиционные отношения общинного обмена и налога (оброка) на «экспроприацию». Летом 1918 г. большевиками были созданы комитеты сельской бедноты (комбеды) для экспроприации зерна. В помощь комбедам давались вооружённые подразделения, которые обостряли конфликт с крестьянами. Так в Саратовской губернии (д. Алексеевка) крестьяне убили и ранили большевистского комиссара и 12 солдат, распустили местный Совет, сожгли документы. В ответ властями были направлены дополнительные силы для подавления неповиновения и установления порядка⁵⁴⁸. В результате на сторону большевиков перешла часть крестьян-бедняков, а

⁵⁴⁶ Бадмаева Е.Н. Особенности российской модернизации в годы коллективизации в Нижнем Поволжье // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 3(15). С. 41.

⁵⁴⁷ Кознова И. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: РОССПЭН, 2016. 463 с. С. 266, 268.

⁵⁴⁸ Хартили Д. Цит. соч. С. 400.

общинная структура местного сообщества стала разрушаться сгенерированным со стороны власти конфликтом между «бедняками» и «кулаками». Но местные общины распадались далеко не всегда. Сейчас исследования процессов коллективизации представлены в большом корпусе источников⁵⁴⁹, которые показывают, что среди нерусского населения Волги (поволжские немцы, татары, марийцы, чуваша и др.) коллективизация часто проходила на фоне отсутствия «кулаков», но «перегибы» при достижении целей, заявленных И. Сталиным в статье «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса» (21 января 1930 г.), в этих случаях приводили к появлению формально-принудительных мер по «выявлению кулаков» там, где они отсутствовали⁵⁵⁰. Действие общинной структуры коллективной хозяйственно-экономической памяти тем не менее проявлялось в том, что «раскулаченные» воспринимались в качестве членов новой общины, организованной теперь в форме колхозов. «Мы их раскулачили, теперь пусть остаются и работают с нами»⁵⁵¹ – характерное отражение этой ситуации. Часть «раскулаченных» стали переселенцами, переезжали в города.

Доминирование социальной рамки организационно-государственной памяти было основой всеобщей схемы деятельности, определявшейся в терминах обострения «классовой борьбы», которая охватывала такие специфические меры по установлению Советской власти, которые были обусловлены установлением единоначалия в новой системе высшей власти, – процессом установления единоначалия И.В. Сталина. Централизованное определение различных форм крестьянского сопротивления и разных категорий верующих в терминах «классовой борьбы» стало причиной создания государственной системы массовых арестов и заключений под стражу. Например, за 1930–1933 гг. были всего арестованы (попали в категорию правонарушителей, преступников) 1 726 298 чел., в т.ч. «за контрреволюционное преступление» – 1 088 982 чел., были осуждены 770 348 чел., в т.ч. приговорены к расстрелу 35 743 чел.⁵⁵² В г. Балахне Горьковской области в 1930-е гг., где жили судостроители, работала бумажная фабрика и другие производства, было арестовано 1000 человек, из которых 218 были расстреляны, 109 чел. умерли в тюрьме и лагерях, 220 чел. были приговорены к срокам заключения на 10 лет и более, 162 чел. – к 5–

⁵⁴⁹ Ялтаев И.Ф. Деревня Марийской автономной области в годы коллективизации (1929–1936). Й.-Ола: Марийский гос. ун-т., 2015. 278 с. С 86; Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье (1927–1937) / ред. Н.Н. Панов, Ф.А. Каревский. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1970. 670 с. С. 208; Бадмаева Е.Н. Особенности российской модернизации в годы коллективизации в Нижнем Поволжье // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 3(15). С. 38–44; Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН; Фонд первого президента РФ Б.Н. Ельцина, 2010. 366 с.; и др.

⁵⁵⁰ Хартли Д. Цит. соч. С. 409–411.

⁵⁵¹ Виола Л. Цит. соч. С. 113, 200.

⁵⁵² Справки Спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР в 1930–1933 гг. от 11 декабря 1953 г.

9 годам заключения, 162 чел. – к 1–4 годам лишения свободы, 129 чел. находились в заключении менее года. В основной массе это были рабочие и служащие: 76 чел. из крестьян, 40 чел. из священнослужителей, 21 чел. – учителя и студенты, 12 чел. – врачи и больничные работники⁵⁵³. В 1937–1938 гг. по всей Татарской автономной советской социалистической республике (АССР) было арестовано более 11 тыс. чел., в т.ч. 500 чел. из предполагаемых «кулаков», а остальные – из самых разных сфер деятельности: советские служащие, директора предприятий, деятели искусства и др. Расстреляно было более 3000 человек⁵⁵⁴.

Поводом к подозрению и аресту могло быть критическое высказывание в адрес Советской власти, высказывание в поддержку арестованных, в пользу религиозности или признаки причастности к вере, иностранное имя, социальный статус бывшего «кулака» или «священника», письмо из-за границы. Повсеместный «мониторинг» всего подозрительного опирался на принцип гражданского противостояния «бедняков» и сторонников Советской власти против «кулаков» и «классовых противников» Советской власти. В некоторых регионах и сёлах Поволжья были реальные конфликты и противостояние между домохозяйствами, а в некоторых – такое противостояние создавалось властями искусственно, за счёт «разнарядки» на выявление «врагов народа» (заявления сельчан о том, что «у нас кулаков нет» властями не принимались, органы НКВД требовали исполнения плана по выявлению подозрительных)⁵⁵⁵. В результате сложился механизм «доносов», закрепившийся в «народной» составляющей социальной рамки организационно-государственной памяти. Его специфика сводилась к тому, что, с одной стороны, он предполагал массового жалобщика / общественного контролёра, который доводит свои подозрения до правоохранительных органов, и, с другой стороны, низкий уровень верификации «преступления» со стороны правоохранительных институций и судов, которые тоже были обязаны выполнять «разнарядку» по выявлению «врагов». Структурная единица коллективной памяти под названием «доносительство» стала частью социальной рамки государственно-организационной коллективной памяти советского периода, соединив в себе «народную» составляющую жалобщика и элитарную составляющую «формальной исполнительности». Этот структурный элемент организационно-государственной социальной рамки памяти воскресает всякий раз, когда «жалобы» и «народный контроль» соединяются с «формальной исполнительностью»

⁵⁵³ Как это было: документальный сборник / сост. В.А. Угрюмов. Нижний Новгород: Деком, 2011. 186 с. С. 171–172.

⁵⁵⁴ Гарипова З.Г. Казань: общество, политика, культура. Казань: Магариф, 2004. 165 с. С. 33–36, 48–49.

⁵⁵⁵ Беляков А.В., Смирнов С.А. Лишенцы Нижегородского края (1918–1936 гг.). Нижний Новгород: Вертикаль; XXI век, 2018. 191 с.

(профессиональной деквалификацией) институтов расследования, с падением способности профессиональной верификации преступлений, с деквалификацией судебной системы. В последующем этот механизм разделения общества на «народ» и «врагов народа» сопровождал советскую индустриализацию, отчасти «советскую оттепель».

Значительный аспект анализа роли социальной рамки коллективной памяти может быть связан с исследованием индустриализации, сведения о которой представлены в целом ряде специальных исследований⁵⁵⁶, а анализ роли социальной рамки организационно-государственной памяти – с процессами «коренизации»⁵⁵⁷ советской власти и др. Таким образом, конкретно-эмпирических данных достаточно много, но основная проблема – это преодоление недостатков существующих концептуальных подходов. Например, в аспекте национальных отношений, которые были конфликтно затронуты в период «коренизации», западные советологи (как Т. Martin⁵⁵⁸), на которых ссылаются и отечественные исследователи (как, например, В.И. Мусаев⁵⁵⁹), предлагают описание ситуации на основе схемы имперской диктатуры русских, которые «колонизировали» (в духе западной имперской традиции времён «великих географических открытий» XVI–XIX вв.) все другие коренные народы СССР, в т.ч. Поволжья. Эта концептуальная конструкция прокладывает путь к эпистемологическому утверждению современного западного проекта «деколонизации России». Схема описания 1930-х гг., использующая риторику об «обострении классовой борьбы», «пережитках капитализма», идущая от И.В. Сталина⁵⁶⁰ и перешедшая в риторику диалектического и исторического материализма о «противоречиях при социализме»⁵⁶¹, формализует восприятие в рамках определённых догматических установок. Плюрализм современных постмодернистских подходов создаёт эффект внутренней концептуальной неустойчивости, коллажности, эклектичности научной

⁵⁵⁶ История индустриализации Среднего Поволжья. 1926–1941 гг. / отв. ред. проф. К.Я. Наякшин. Куйбышев: Кн. изд-во, 1974. 541 с.; Чолахян В.А. Развитие промышленности Нижнего Поволжья в предвоенные годы (1937–1941) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 400–407. URL: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-400-407>, EDN: TMTJZW; и др.

⁵⁵⁷ Алёминская Г.М. Политика коренизации на промышленных предприятиях Татарской АССР во второй половине 1920-х – 1930-е гг.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Казань. 2013. 24 с.; Аршин К.В. Остановка коренизации в СССР (историсофский аспект) // ABYSS (Вопросы философии, плитологии и социальной антропологии). 2023. № 1(23). С. 124–131. DOI: 10.33979/2587-7534-2023-1-124-131; Герман А.А. Политика «коренизации» в автономных республиках РСФСР в 1920-е годы (на материалах АССР немцев Поволжья) // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 94–97; Мусаев В.И. Поворот в советской национальной политике в середине – второй половине 1930-х гг. // Народы и религии Евразии. № 15(2). С. 96–111; и др.

⁵⁵⁸ Martin T. The Affirmation Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union 1923–1939 / Ithaca and London. Cornell University Press. 2001. 496 p.

⁵⁵⁹ Мусаев В.И. Цит. соч. С. 100–101.

⁵⁶⁰ Сталин И.В. Отчётный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Политиздат, 1951. С. 282–374, 349.

⁵⁶¹ Жуков В.З. Методологические проблемы исследования противоречий социалистического общества: дисс. ... к. филос. н.: 09.00.01. Москва, 1984. 145 с.

картины мира, что делает её уязвимой для проникновения западной эпистемы об империи русских, которые колонизировали другие народы.

Исследовательские подходы, построенные на концептуальной основе представлений о преобразовательной деятельности людей, осуществляющейся в поле отношений социальной рамки организационно-государственной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти, как представлено выше, позволяют более целостно понимать динамику, причинно-следственные цепочки, возникающие по мере становления общества социализма. С позиций этой концептуальной основы открывается возможность уточнения сути возникающих в обществе социализма противоречий и конфликтов, прежде всего внутреннего содержания противоречия между «социальной памятью» и «новацией». Одномерное, линейное, формально-риторическое описание этого противоречия не будет продуктивным, поскольку оба понятия, будучи выложенными на аналитический стол «один на один», отрываются от диалектически связанного комплекса «онтологический поток-традиция», «событие современности», «модусы события современности», «традиционное событие современности», «инновационное событие современности» и др. В комплексе этих понятий, в свете диалектики отношений «социальная память – традиция – новация» выявляется концептуальная основа как противоречия, конфликта по линии «социальная память – новация», так и гармонизации отношений «социальная память – новация». Общая концептуальная основа отношений «социальная память – новация» сводится к диалектике взаимоотношений двух социальных рамок коллективной памяти, социальной рамки организационно-государственной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти. Каждая из них состоит из исторически сложившихся слоёв, «ячеек» социально-исторического памятования. Каждый такой слой формируется цепочкой диалектически связанных функций социальной памяти, обеспечивающих движение новации по линии «единичное – особенное – всеобщее» в нескольких звеньях: а) основание преодоления барьера социальных ротаций и сохранения новации в качестве особенного обстоятельства (того обстоятельства, которое люди не сами себе выбрали, а которое непосредственно имеется налицо, дано им и перешло от прошлого) социальной реальности; б) основание адаптации новации в качестве особенной деятельности конкретно-исторического социального субъекта; в) основание масштабирования новации в статус всеобщей схемы деятельности конкретно-исторического государствообразующего сообщества. Гармоничность отношений «социальная память – новация» в этом аспекте проявляется в том, что возникновение единичной новации преобразуется в особенное явление социальной реальности, которое развивается до уровня формирования новой всеобщей схемы деятельности общества. «Цепочка» диалектически связанных функций

социальной памяти, обеспечивающих движение новации по линии «единичное – особенное – всеобщее», образует макроструктурную петлю коллективной социальной памяти, благодаря действию которой новация частично обособляется от онтологического потока-традиции как нечто особенное, а затем возвращается в него на новом уровне, то есть в статусе всеобщей схемы деятельности. Таким образом, фактор социальной памяти играет ключевую роль в так называемой «спиральной» модели социально-исторического процесса, связанного с созданием и внедрением новаций. Другими словами, здесь гармоничность отношений «социальная память – новация» в глубине социальной реальности обеспечивается целостностью макроструктурной петли социальной памяти, а на поверхности социальной реальности проявляется в виде успешного внедрения новации в жизнь.

Соответственно, отсутствие внедрения, умирание новации либо на стадии «единичной новации» (умирает вместе со смертью автора), либо на стадии «особенного» инновационного явления (сторонникам новации не удаётся «пробить» внедрение), рассматриваются в этой концептуальной модели как признак противоречия по линии «социальная память – новация», причина которого связана с ослаблением активности действующей структуры социальной памяти, с ослаблением её восприимчивости к новациям (неспособность обеспечить преодоление барьера социальных ротаций, неспособность сохранить единичную новацию в качестве особенного явления и пр.), с незавершённостью процесса формирования макроструктурной петли памяти общества. Поскольку все упомянутые процессы имеют внешнюю форму, описываемую термином «события современности», постольку во всех них в качестве значимого элемента выступает аспект публичности. В аспекте публичности на поверхности социальной реальности глубинное ослабление восприимчивости действующих структур социальной памяти к новациям проявляется в виде отсутствия общественного интереса к новым идеям, к новым научным проектам и т.д, в частности, в виде отсутствия новостей этой категории в линейке «топовых», «braking news» и прочих в средствах массовой информации. Фактор публичности определяет и то, что понятие «макроструктурная петля социальной памяти» фокусирует аналитическое внимание на коллективном измерении социально-исторической памяти (на уровне индивидуальной памяти цепочка функций меняет статус новации по линии «единичное – особенное – всеобщее» исключительно в плане индивидуально-личностного сознания отдельных людей к новации).

Перевод отношений «социальная память – новация» из состояния противоречия в состояние гармонизации предполагает меры, которые восстанавливают, повышают восприимчивость действующих структур памяти к новации в обстоятельствах, которые

люди не сами себе выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Концептуальное выделение в поле действия памяти общества социальной рамки организационно-государственной и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти позволяет уточнить, что внедрение новации может быть связано с макроструктурной петлёй социальной памяти, действующей как в рамке организационно-государственной структуры памятования, так и в рамке хозяйственно-экономической структуры общественного памятования. На этом уровне отношений «социальная память – новация» раскрываются новые аспекты данного отношения.

Первый аспект связан с вопросом о том, в какой из этих социальных рамок памяти осуществляется продвижение новации. Рассмотренные выше модельные примеры позволяют обратить внимание на различия глубинных оснований и поверхностных проявлений движения новации по линии «единичное – особенное – всеобщее». Для общества модерна характерна генерация этого движения, прежде всего в контуре социальной рамки хозяйственно-экономической памяти; в тенденции XXI в. – это, в частности, основа отказа от государственного суверенитета как социально значимой характеристики общества, растворение его в системе однополярной глобализации. Для общества социализма больше характерна генерация этого движения, прежде всего, в контуре социальной рамки организационно-государственной памяти общества; в тенденции XXI в. – это основа сохранения государственного суверенитета как социально значимой характеристики общества, в том числе в системе многополярной глобализации.

Проблематизация этой аналитической схемы возникает в ситуации, когда мы переносим её на конкретно-историческую почву современной России, где возникает вопрос: правопреемницей, наследницей какого общества XX в. она является, правопреемницей «общества социализма» или правопреемницей «общества модерна»? В этом контексте проблема отношений «социальная память – новация» высвечивает целый ряд противоречий и неопределённостей, которые связаны с движением обеих социальных рамок коллективной памяти в аспекте соотношения их социального статуса и доминирования. Сохраняет ли Россия принцип доминирования социальной рамки организационно-государственной коллективной памяти? Или она переходит к принципу доминирования социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти? Или она переходит к принципу гармонизации, выравнивания статусов обеих социальных рамок памяти? Поскольку каждая рамка социальной памяти имеет свой объемлющий строй, постольку речь идёт не просто о «теории» или «нарративе», а обо всех социальных составляющих объемлющего строя. В социальной рамке хозяйственно-экономической памяти – это и статус центрального регулятора банковской деятельности, и формы денег,

находящихся в обращении, и производства денег, формы их связи с формами труда, формами стоимости, формами обращения товаров, потребителей и капиталов, и пр. В социальной рамке организационно-государственной памяти – это строение институтов государства, формы государственного влияния, способы производства государственного решения и государственного документа, структуры государственно-политической элиты, формы влияния общества на государство и пр. Предлагаемый подход открывает возможность детализировать проблемную ситуацию неопределённости исторического выбора современной России более системно, чем это представлено в концепции «четвёртой политической теории» А.Г. Дугина, в концепции «философии сопротивления» В.А. Кутырева и др. Соответственно, в этой части исследования предлагаемая концептуальная основа гармонизации социальной памяти и новаций позволяет определить перспективные для последующей проработки направления, связанные с вопросом о правопреемстве России и с названными тремя базовыми сценариями, а также выделить сценарий гармонизации, концептуальная основа которого может быть определена как уточнение, скрининг действующего состояния и формирование нового баланса социальных статусов социальной рамки организационно-государственной и социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти российского государствообразующего сообщества.

Второй аспект гармонизации связан с тем, что практическое применение этого концептуального подхода, конечно, должно опираться на конкретные статистические, эмпирические данные, на «язык» которых требуется перевод философских концепций. Прямое решение этой проблемы не входит в задачи данного исследования. Но уже здесь можно отметить, что современные математические и кибернетические исследования самостоятельно параллельными путями подошли к осознанию фундаментальной значимости структур памяти в природе и в обществе, а также разработали модели для количественных исследований и расчётов. В частности, С.Н. Гринченко, который исследовал историческое развитие человечества на основе методологии кибернетики и информатики, отмечает: «При этом мы выделили в качестве ведущих – при возникновении новых иерархических уровней в таких системах – *механизмы памяти*, фиксирующие с той или иной глубиной значения траекторий и параметров соответствующих оптимизационных алгоритмов»⁵⁶². Теоретико-методологические основания киберинформационного подхода созвучны исследованиям, проводимым на основе социально-философского подхода: «Основными проявлениями механизмов *памяти* на этих этапах метаэволюции – т.е.

⁵⁶² Гринченко С.Н. Социальная метаэволюция человечества как последовательность формирования механизмов его системной памяти // Исследовано в России. Электронный журнал. 2021. Т. 145. С. 1652–1681, 1652.

инерционностей поисковых оптимизационных процессов в системе – было возникновение: а) письменности, б) книгопечатания (точнее, создания технологии тиражирования письменных источников) и в) электронных / магнитных / оптических / других средств хранения и обработки информации на базе компьютерных и сетевых информационных технологий (средств информатизации). <...> Мы же интерпретируем это замедление как отражение свойства инерционности («сглаживания») процессов во времени, наблюдающееся с ростом места того или иного *поискового оптимизационного процесса* в иерархии живых систем»⁵⁶³. Понятие «инерционный», таким образом, конкретизирует динамическую характеристику того, что выше было определено как «макроструктурная петля социальной памяти» – элемент социальной реальности, который в моменте, пока происходит внедрение инновации, действительно замедляет, обременяет привычную схему деятельности, поскольку отвлекает её ресурсы на что-то «постороннее». Кроме того, значимость понятия «инерционность» в том, что в него вложены такие функции социальной памяти, как «сглаживание», выравнивание и функция «поискового оптимизационного процесса», которые сопровождают движение новации из статуса «особенного» в статус «всеобщего». Последний из наиболее важных аспектов значимости понятия «инерционный» применительно к характеристике памяти заключается в том, что у него есть количественная интерпретация, которая позволяет рассчитывать параметры того, что мы определили как «слой коллективной социальной памяти» в части скорости распространения и пространства, территории охвата. В этой связи необходимо отметить, что предложенная в настоящем исследовании концептуальная основа позволяет гармонизировать, согласовать, создаёт своеобразный узел для сочленения, с одной стороны, идеи древа социально-философских исследований, берущих начало в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, ветвящегося как на западных, так и отечественных социальных теориях (они образуют основу современных идейно-мировоззренческих структур социальной памяти), и, с другой стороны, идеи древа кибер-информационных исследований, также исторически происходящих из социальной теории Маркса (Тектология⁵⁶⁴), а в последующем отделившихся в самостоятельную инновационную систему со своими специфическими всеобщими схемами деятельности (У.Р. Эшби⁵⁶⁵, Н. Винер⁵⁶⁶ и др.).

⁵⁶³ Гринченко С.Н. Цит. соч. С. 1658.

⁵⁶⁴ Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука: в двух книгах; редкол.: акад. Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 303 с.; Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука: в двух книгах; редкол.: акад. Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. Кн. 2. М.: Экономика, 1989. 350 с.

⁵⁶⁵ Эшби У.Р. Введение в кибернетику / пер. с англ. Д.Г. Лахути; под ред. В.А. Успенского; с предисл. А.Н. Колмогорова. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 432 с.

⁵⁶⁶ Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / пер. с англ.; под ред. и с предисловием Г.Н. Поварова. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 343 с.

Третий аспект гармонизации отношений «социальная память – новация» связан с тем, что концептуальная основа исключения конфликта между «прогрессом» и «человеком как традицией» в российском обществе также обусловлена настройками функционирования обеих выделенных для анализа социальных рамок коллективной памяти: гармонизация их между собой и перманентное наслаивание одних новаций на другие сами по себе не исключают отказ от человека традиционного, особенно, если в перспективе XXII в. общество связывает своё будущее с созданием кибер-государства⁵⁶⁷, где обостряется проблема соотношения социального значения человеческой памяти и памяти «искусственного интеллекта»⁵⁶⁸. Основу гармонизации социальной памяти и новации в этом аспекте образует тот элемент социальной памяти, который является общим (всеобщим) для социальной рамки организационно-государственной и для социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти. Это «идейно-мировоззренческая узловая структура памяти», которая описана применительно к социальной рамке хозяйственно-экономической памяти⁵⁶⁹, но, как представляется, должна присутствовать также и в социальной рамке организационно-государственной памяти, поскольку альтернативой кибер-государству может выступать только социальное, антропомерное государство, центральной основой экономики которого должен оставаться человек (принцип – люди обмениваются результатами своего труда с людьми), центральной основой государственности которого должен оставаться человек (принцип люди управляют людьми). Суть гармонизации в этом аспекте сводится к тому, что макро-структурные петли социальной памяти должны быть настроены не только на внедрение инноваций, но и на обеспечение того, чтобы «человек как традиция», внедряя одну новацию за другой, постоянно вращаясь в контурах макроструктурных петель социальной памяти, на каждом витке «спирали» возвращался в онтологический поток-традицию в качестве «того же самого» по сути человека.

В заключении второго параграфа второй главы исследования необходимо выделить следующие основные выводы:

1. В основе праксеологического поворота современного общества лежит функционирование структур социальной памяти, в поле действия которых осуществляется деятельность людей. Исследование привело к выводу о том, что «экономическое» течение

⁵⁶⁷ Дахин А.В. Политические эпохи на шкале исторического времени: переосмысление привычных концепций // Политическая концептология. 2022. № 2 (апрель – июнь). С. 25–26.

⁵⁶⁸ Лукшин Р.С. Философия памяти в эпоху искусственного интеллекта: вызовы и перспективы: материалы Межвузовского международного конгресса. Т. 1. Высшая школа: научные исследования. Москва, 2025. С. 30–38.

⁵⁶⁹ Дахин А.В. Экономика памяти и экономическая память общества // Образ будущего бытия России и мира в сфере экономики. Зеленовские чтения: материалы 53 Международного академического симпозиума. Н. Новгород. С. 65.

онтологического потока-традиции, а также традиционные и инновационные события современности в нём связаны с присутствием и действием социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти; «революционное» течение онтологического потока-традиции и традиционные и инновационные события современности в нём связаны с присутствием и действием социальной рамки организационно-государственной коллективной памяти. Дифференциация праксеологического поворота на модусы, связанные со становлением общества социализма, рассмотренные на модельном примере СССР, и становлением общества модерна, рассмотренные на модельном примере США, определяется соотношением названных социальных рамок социальной памяти.

2. Во внутреннем строении социальных рамок коллективной памяти выявлено действие цепочки диалектически связанных функций социальной памяти, обеспечивающих движение новации по линии «единичное – особенное – всеобщее»: а) функция преодоления барьера социальных ротаций и сохранения новации в качестве особенного инновационного обстоятельства социальной реальности; б) функция адаптации новации в качестве особенной деятельности конкретно-исторического социального субъекта в конкретно-исторических обстоятельствах; в) функция масштабирования новации в статус всеобщей схемы деятельности конкретно-исторического государствообразующего сообщества. Эта структура взаимосвязанных функций определена понятием «макроструктурная петля коллективной социальной памяти», благодаря действию которой новация частично обособляется от онтологического потока-традиции как нечто особенное, а затем возвращается в него на новом уровне, то есть в статусе всеобщей схемы деятельности. Таким образом, раскрывается значение социальной памяти, которая играет ключевую роль в так называемой «спиральной» модели социально-исторического процесса, связанного с созданием и внедрением новаций.

3. Такие исторические новации современности, как праксеологический поворот в сторону формирования общества социализма, рассмотренный на модельном примере СССР, и праксеологический поворот в сторону формирования общества модерна, рассмотренный на модельном примере США, обусловлены тем, что макроструктурная петля коллективной социальной памяти действует в составе двух модусов, определённых понятиями «социальная рамка организационно-государственной коллективной памяти» и «социальная рамка хозяйственно-экономической памяти». Исследование позволило обосновать вывод о том, что поворот в сторону общества социализма обусловлен доминирующим положением социальной рамки организационно-государственной коллективной памяти и дискриминацией, ослаблением функционирования социальной рамки хозяйственно-экономической памяти общества. Поворот современности в сторону

общества модерна обусловлен доминирующим положением социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти и дискриминацией, ослаблением функционирования социальной рамки организационно-государственной памяти общества.

4. Соотношение и функционирование социальной рамки организационно-государственной коллективной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти является концептуальной основой гармонизации отношений по линии «социальная память – новации» в нескольких аспектах. В аспекте научных исследований большой истории человечества эта концептуальная основа позволяет гармонизировать, согласовать, создать своеобразный узел для сочленения, с одной стороны, идей социально-философских исследований, берущих начало в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, ветвящихся на западных и на отечественных социальных теориях, и, с другой стороны, идей кибер-информационных исследований социальной метаэволюции человечества как последовательности формирования механизмов его системной памяти. В аспекте внутренней политики России эта концептуальная основа позволяет уточнить смысл исторического выбора современной России, перспективное видение которого состоит в гармонизации взаимосвязи социальной рамки организационно-государственной коллективной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической памяти в таких форматах, которые сохраняют современную Россию в качестве преемницы общества социализма, обеспечивают её развитие в качестве социального государства и сохранение государственного суверенитета в качестве значимой характеристики российского общества, в т.ч. в перспективе становления новой многополярной глобализации. Соответственно, форматы гармонизации названных рамок социальной памяти, характерные для общества модерна, рассматриваются как бесперспективные для России и потребуют ослабления системы государственного суверенитета, а в перспективе отказа от него в пользу глобального однополярного общества модерна, переходящего в стадию пост- и трансмодерна. В аспекте специфики отечественного формата гармонизации отношений по линии «социальная память – новация» предлагаемая концептуальная основа позволяет обосновать значимость идейно-мировоззренческой структуры памяти, которая должна быть общей для российской социальной рамки организационно-государственной памяти и для социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти российского общества.

5. Осуществлена концептуализация аппарата анализа диалектики взаимодействия социальной памяти и социальных инноваций, результатом которой являются понятия «объемлющий строй коллективной социально-исторической памяти» и «макроструктурная петля коллективной социальной памяти», задающие структурно-функциональные основания дальнейшего исследования гармонизации отношений «социальная память –

новация». На этой основе обобщающий вывод по второй главе, который можно сделать на базе проведённого исследования онтологического потока-традиции с его диалектикой «экономического» и «революционного» течений во взаимосвязи с понятием «социальная память», взятым в том смысле, как оно формируется в контексте отечественной гуманитарной культуры, раскрывает глубинное значение социальной памяти через диалектику её функций, интегрированных в макропетлю социальной памяти, которая объясняет движение (или отсутствие движения) инноваций по линии «единичное – особенное – всеобщее», генерирует «спиральное» развитие инноваций через интегрированность всех названных элементов в социальные рамки организационно-государственной и хозяйственно-экономической памяти.

Подводя итоги исследования в целом, необходимо выделить следующие выводы.

Во-первых, исследование позволило выявить основное противоречие философских подходов к пониманию природы современности, социальной памяти, инноваций и традиций, которое сложилось на основе праксеологического поворота мировоззренческой культуры конца XIX – начала XX вв. Противоречие состоит в нарушении восприятия диалектической взаимосвязи социально-онтологических и социально-праксеологических аспектов социальной реальности. В западных теориях *memory studies* названное противоречие проявляется в отрицании связи современности и традиции, в отрицании связи природы коллективной социально-исторической памяти с сущностной природой человека как традиции, а также в преувеличении роли социальной памяти в качестве инструмента социальных изменений в актуальной социально-политической среде. В отечественных исследованиях социальной памяти проявление этого противоречия состоит в определённой потерянности и невнятности в изучении концептуальной связи, преобладании между современной тематикой социальной памяти и контекстом отечественного диалектического и исторического материализма XX века.

Во-вторых, противоположные тенденции, действующие в потоке западных *memory studies* и в потоке отечественной гуманитарной культуры, приводят к концептуальному противопоставлению современности без памяти, которая характерна для западных теорий современности, и помнящей современности, представления о которой характерны для отечественной социальной философии и культуры современности. В аспекте отношения «традиция – новация» названная противоположность сохраняется, поскольку западная тенденция концептуализации современности поддерживает отказ от понятия «традиция» и сводит социальные изменения к смене новаций («новация – новация»), тогда как альтернативная, отечественная тенденция концептуализации придерживается принципа диалектики в отношениях «традиция – новация».

В-третьих, восстановление диалектической взаимосвязи в восприятии современности, традиции и инновации представлено через введение в предметное исследовательское поле понятия «событие современности», которое позволяет дать целостное описание элементарной, «атомарной» таксономической единицы современной социальной реальности. Понятие «событие современности» отражает текучий характер современной социальной реальности, охватывает диалектику всех компонентов деятельности человека, контур её публичности, публичного восприятия, а также диалектику сфер социального бытия и социального существования. В качестве концептуальной основы исследований социальной памяти, традиции, инновации полагается отношение «событие современности – социальная память – социальная традиция», в свете которого определяется диалектика традиционных событий современности и инновационных событий современности. Основное содержание сводится к тому, что критерием определения события современности в статусе традиционного или инновационного является его соотношение с исторически сложившейся социальной традицией, отражающей присутствие социального бытия и его влияние на социальное существование современного общества.

В-четвёртых, исследование двух исторических инноваций, – поворота в сторону общества социализма (на модельном примере СССР) и поворота в сторону общества модерна (на модельном примере США), – сводится к концептуальной основе исследования новаций в обществе, контур которой объединяет понятие «событие современности» (с диалектикой инновационного и традиционного события современности), его содержательную взаимосвязь с нотационной социальной теорией К. Маркса, в свете которой понятие «событие современности» рассматривается во взаимосвязи с понятием «онтологический поток-традиция» (с диалектикой «экономического» и «революционного» течений этого потока), а также во взаимосвязи обоих понятий с понятием «социальная память», взятым в том смысле, как оно формируется в контексте отечественной гуманитарной культуры.

Глубинное значение социальной памяти в контексте диалектики онтологического потока-традиции и событий современности раскрывается через диалектику функций социальной памяти, их интегрированность в макропетлю социальной памяти, которая объясняет движение (или отсутствие движения) инноваций по линии «единичное – особенное – всеобщее», генерирует «спиральное» развитие инноваций через интегрированность всех названных элементов в социальные рамки организационно-государственной и хозяйственно-экономической памяти.

В-пятых, на этой концептуальной основе раскрывается более глубокое содержание того, что (особенно применительно к отношениям России и Запада) в отечественной социальной науке советского периода определялось как противостояние системы социализма и системы капитализма, а в западной социальной науке определялось и определяется как противостояние между «прогрессом» (демократией) и «отсталостью» (авторитаризмом). В логике этого подхода проблема гармонизации в отношениях «социальная память – новация» определяется в нескольких измерениях: 1) в научном аспекте, как концептуальная основа интеграции социально-философского и киберинформационного знания; 2) в геополитическом аспекте, как концептуальная основа обоснования истока современной многополярности на основе сохранения социальной значимости государственного суверенитета; 3) в российском внутривнутриполитическом аспекте, как концептуальная основа самоопределения России в качестве правопреемницы общества социализма (а не общества модерна), продолжающей отечественную «спираль» новаций в направлении формирования социального государства; 4) в аспекте вопросов сохранения и развития российских традиционных духовных ценностей, как концептуальная основа обоснования социальной значимости идейно-мировоззренческой структуры социальной памяти, являющейся общим базисом для социальных рамок организационно-государственной и хозяйственно-экономической коллективной памяти российского государствообразующего сообщества, который может обеспечить сохранение «человека как традиции» в перспективе движения общества к рубежу XXII века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования был проведён критический анализ концепций социальной памяти, который позволил выявить различия между западными memory studies и отечественной традицией целостного осмысления природы этого феномена. Для западных memory studies характерны: 1) бесконечная «плюральность», то есть раздробленность общества, в соответствии с которой каждый человек по отношению к каждому человеку выступает в отчуждённом качестве – в качестве «другого»; 2) отдельно взятый человек, внутренне раздробленный на «себя» и «другого» («я-сам как другой» по П. Рикёру), на «совокупность способностей», на нескольких субъектов; 3) концепция первичности «забвения» и вторичности «памяти», являющаяся основой представлений о том, что политическая сфера и власть определяют, что является «правильным», а что «неправильным» использованием памяти, что является «правильным», а что «неправильным» использованием забвения. Для отечественной традиции исследований социальной памяти в обществе характерны: 1) представления о внутренней целостности, солидарности мира людей, в соответствии с которыми каждый человек по отношению к каждому человеку выступает в отношениях «любви / Софии» (В.С. Соловьёв), «классовой солидарности» (К. Маркс, В.И. Ленин), то есть в качестве «ближнего», «товарища»; социальное отчуждение, раздробленность и прочее – это внешние вызовы, которые необходимо преодолевать ради сохранения внутреннего социального единства мира людей; 2) отдельно взятый человек – внутренне целостная личность, в которой реализуются коллективные «сущностные силы человека» (К. Маркс), которая реализуется в своём уникальном имени (П. Флоренский, А.В. Лосев), в системе «родовых» видов социальной деятельности (Л.С. Рубинштейн, Л.А. Зеленев); 3) концепция онтологической первичности «памятования» и вторичности «забвения» («бытие-память» по А.В. Дахину), которая намечает основы представлений о том, что структуры коллективного социально-исторического памятования прокладывают незримые пути «опережающего отражения», с которых не может сойти даже политика и власть.

Противоположные тенденции, действующие в контексте западных memory studies и в контексте отечественной гуманитарной культуры приводят к концептуальному противопоставлению современности без памяти, которая характерна для западных теорий современности, и помнящей современности, представления о которой складываются в отечественной социальной философии и культуре современности. В аспекте отношения «традиция – новация» названная противоположность сохраняется, поскольку западная тенденция концептуализации современности поддерживает отказ от понятия «традиция» и сводит социальные изменения к смене новаций («новация – новация»), тогда как

альтернативная, отечественная тенденция концептуализации придерживается принципа диалектики в отношениях «традиция – новация». Концептуальная противоположность названных тенденций, несмотря на различие зон конкретно-географического происхождения (одна на «западе», другая на «востоке»), не разделена «железным занавесом». В процессе глобальных коммуникаций они постоянно встречаются «лицом к лицу» и ведут борьбу за умы учёных, политиков, деятелей культуры, лидеров общественных мнений по всему миру. В аспекте философских походов к изучению отношений «социальная память – новация – традиция» диссертационное исследование показало, что противоположность философских подходов к пониманию природы социальной памяти проявляется в альтернативности восприятия взаимосвязи феноменов социальной памяти и традиции: в западных *memory studies* присутствие «традиции» исключается, для новации будущего необходима только работа забвения «в жесте начала», в отечественной культуре изучения социальной памяти присутствие «традиции» и активное состояние структур коллективной социальной памяти являются фундаментальным ресурсом, начальной предпосылкой любой новации будущего.

Изучение философских истоков современных концепций коллективной памяти и современности, философских подходов к пониманию природы современности в аспекте отношения «социальная память – новация» позволило определить, что в их основе лежит праксеологический поворот мировоззренческой культуры, смысл которого был выражен 11-м тезисом К. Маркса о Л. Фейрбахе, а также обоснованиями того, что «люди делают свою историю, но они делают её не как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются, даны им и перешли из прошлого». Эти положения получили альтернативное развитие в западной и в отечественной социальной философии и, как частный случай, проявляются в концепциях социальной памяти и современности.

Критический анализ представлений о современности привёл к выводу, что на базе праксеологического поворота возникло концептуальное противоречие в восприятии соотношения «традиции» и «инновации» в современном обществе. Оно сводится к тому, что в западных исследованиях доминирует концепция «современности», которая отказывается от традиции в пользу инновации, создавая перспективу «дурной бесконечности» технократического инновационизма. Отечественные концептуальные подходы, с одной стороны, критически анализируют западную тенденцию с позиций сопротивления ей, а, с другой стороны, некритически используют западные концептуальные подходы для прикладных, узко эмпирических исследований. Восстановление диалектической взаимосвязи в восприятии современности, традиции и

инновации в ходе настоящего исследования было представлено через введение в предметное исследовательское поле понятия «событие современности». Оно позволяет дать целостное описание элементарной, «атомарной» таксономической единицы современной социальной реальности. Понятие «событие современности» отражает текущий характер современной социальной реальности, охватывает диалектику всех компонентов деятельности человека, а также диалектику сфер социального бытия и социального существования так, что в основе события современности полагается отношение «социальное существование – социальная память – социальное бытие». Применительно к вопросам соотношения социальной памяти, традиции и инновации в современном обществе показано, что критерием определения события современности в статусе традиционного или инновационного является его соотношение с исторически сложившимся онтологическим потоком-традицией, отражающей присутствие и действия социальной памяти как основы социального бытия и его влияния на социальное существование современного общества.

Исследование истоков основных социальных инноваций начала XX в., связанных с различиями социальной организации общества в СССР и странах Запада в аспекте анализа роли социальной памяти в формировании различий, привело к заключению, что социально-философская теория К. Маркса, как особенная научно-социальная новация, состоявшаяся в качестве инновационного события современности XIX в., стала основой возникновения двух модусов праксеологического поворота XX в., один из которых известен как поворот к обществу социализма, а второй известен как поворот к обществу модерна. Содержание противоречий, в которых проявляется различие названных модусов праксеологического поворота, раскрывается через анализ диалектики отношений «социальная память – традиция – новация», рассмотренной на примере новационной социальной теории К. Маркса, и связанных с ней модусов праксеологического поворота. Как событие современности середины XIX в. эта теория стала формой социального памятования двух социально онтологических потоков-традиций: 1) онтологического потока-традиции, определявшегося в терминах «бунты – восстания – революции» в их глубинной связи с государством, с нуждаемостью в государстве; 2) онтологического потока-традиции, определявшегося в терминах «товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал» с их глубинной не нуждаемостью в государстве. Новационность социальной теории К. Маркса состояла в том, что его классовая теория обосновывала радикальное столкновение этих онтологических феноменов с акцентом на историческую перспективность сценария, связанного с жизнеспособностью первого из них и отмиранием второго («уничтожение труда» по К. Марксу) в перспективе

социалистической революции и создания государства «диктатуры пролетариата». Однако альтернативный сценарий, где второй онтологический поток-традиция доминирует над первым, реализуется в обществах государств Запада. Исследование позволяет заключить, что и в том, и в другом случае, когда происходит переход особенной новации в статус всеобщей схемы деятельности общества, когда формируются различные формы социальной организации, тогда мы имеем дело с присутствием и функционированием различных по своему внутреннему, исторически сложившемуся строению структур коллективной социально-исторической памяти общества в России / СССР и в обществах стран Запада.

Теоретические истоки современных представлений о взаимосвязи социальной рамки организационно-государственной коллективной памяти и социальной рамки хозяйственно-экономической коллективной памяти связаны с модусами праксеологического поворота, в структуре которых устанавливаются различные форматы отношений онтологического потока-традиции, определявшегося в социально-философской теории К. Маркса в терминах «товарно-денежный обмен – рыночные отношения – самовозрастающий капитал», и онтологического потока-традиции, определявшегося в терминах «бунты – восстания – революции». В контексте понятия «событие современности» был изучен процесс преобразования статуса инновационных событий современности в России (модельный пример Октябрьской революции 1917 г.) и в США (модельный пример создания Федеральной резервной системы) из «особенного» в статус «всеобщего» (всеобщая схема действия). Исследование привело к выводу, что в основе такого рода процессов действуют цепочки взаимосвязанных функций социальной памяти: а) функция преодоления барьера социальных ротаций и сохранения новации в качестве особенного инновационного обстоятельства социальной реальности; б) функция адаптации новации в качестве особенной деятельности конкретно-исторического социального субъекта в конкретно-исторических обстоятельствах; в) функция масштабирования новации в статус всеобщей схемы деятельности конкретно-исторического государствообразующего сообщества. Эта структура взаимосвязанных функций определена понятием «макроструктурная петля коллективной социальной памяти», благодаря действию которой новация частично обособляется от онтологического потока-традиции как нечто особенное, а затем возвращается в него на новом уровне, то есть в статусе всеобщей схемы деятельности. Таким образом, раскрывается значение социальной памяти, которая играет ключевую роль в так называемой «спиральной» модели социально-исторического процесса, связанного с созданием и внедрением новаций.

Убедительность полученных результатов обеспечивается последовательной методологической рефлексией, предпринятой в исследовании: разработка рабочих определений ключевых понятий («социальная память», «традиция», «инновация», «онтологический поток-традиция», «событие современности», «макроструктурная петля социальной памяти») и последовательный контроль их применения на всех этапах анализа позволили обеспечить содержательное соответствие полученных выводов заявленным цели и задачам исследования. В целом, в результате проведённого диссертационного исследования разработана концептуальная основа для современных исследований диалектики отношений «социальная память – новация», а также определены основные направления гармонизации отношений «социальная память – новация» в контексте вопросов социального развития России в XXI веке, которые внесены в число положений, выносимых на защиту.

Дальнейшее направление исследований видится как перспектива изучения основного противоречия праксеологического поворота XX в. и вопросов диалектики отношений «социальная память – традиция – новация» в контексте и на модельных примерах других стран мира, а также как перспектива изучения событий современности XXI в. и роли социальной памяти в тенденциях перехода общества модерна к обществу постмодерна (в странах Запада), а общества социализма – к обществу социального государства (в России).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книги (монографии, учебники, учебные пособия, словари)

1. Августин, А. Исповедь / А. Августин; пер. М.Е. Сергиенко; отв. ред. Н.Н. Казанский. – СПб: Наука, 2013. – 371 с.
2. Аксенова, О.В. Бийжанова Э.К., Подъячев К.В. и др. Социокультурные основания советского модерна. Отв. ред. О.В. Аксенова. М.: ФНИСЦ РАН. 2022. – 300 с.
3. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / Дж. Александер; пер. с англ. Г.К. Ольховникова; под ред. Д.Ю. Куракина. – М.: Праксис, 2013. – 640 с.
4. Алексеев, В.П. Становление человечества / В.П. Алексеев. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – 462 с.
5. Анисимова, С.Ю. Проблема онтологического статуса феномена памяти / С.Ю. Анисимова, Т.В. Борисова. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2024. – 158 с.
6. Аникин, Д.А. Топология коллективной памяти: от социальных рисков к цивилизационным вызовам / Д.А. Аникин. – Саратов: ИЦ «Наука», 2016. – 163 с.
7. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Г. Николаева; ред., вступит. статья С.П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2024. – 413 с.
8. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.
9. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое лит. Обозрение, 2016. – 223 с.
10. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я.Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.
11. Ачкасов, В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности / В.А. Ачкасов. – СПб.: СПбГУ, 2012. – 232 с.
12. Ашмарин, И.П. Загадки и откровения биохимии памяти / И.П. Ашмарин; под ред. акад. Е.И. Крепса. – Л.: ЛГУ, 1975. – 160 с.
13. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1986. – 543 с.
14. Бауман З. Текучая современность. / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер. 2008. – 240 с. С. 129.
15. Безант, А. Введение в теософию / А. Безант. – М.: Шанти, 1991. – 173 с.

16. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 381 с.
17. Беляков, А.В. Лишенцы Нижегородского края (1918–1936 гг.) / А.В. Беляков, С.А. Смирнов. – Нижний Новгород: Вертикаль, XXI век, 2018. – 191 с.
18. Бенъямин, В. Озарения / В. Бенъямин; пер. С. Ромашко. – М.: Мартис, 2000. – 376 с.
19. Бергсон, А. Материя и память / А. Бергсон // Соч. в 4-х т. Т. 1. – М.: Московский клуб, 1992. – С. 160–316.
20. Бергсон, А. Творческая Эволюция. Материя и память / А. Бергсон; пер. – М. Булгакова. – Минск: Харвест, 1999. – 1408 с.
21. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
22. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М.: Юрайт, 2025. – 178 с.
23. Бердяев, Н.А. Новое средневековье: Размышление о судьбе России и Европы / Н.А. Бердяев. – Берлин: Обелиск, 1924. – 142 с.
24. Бердяев, Н.А. Самопознание. Русская идея / Н.А. Бердяев. – М.: Эксмо, 2009. – 702 с.
25. Библер, В.С. Кант – Галилей – Кант. Разум нового времени о парадоксах самообоснования / В.С. Библер. – М.: Мысль, 1991. – 320 с.
26. Богданов, А.А. Тектология: всеобщая организационная наука: в двух книгах / А.А. Богданов; редкол.: акад. Л.И. Абалкин (отв. ред.) и др. – М.: Экономика, 1989. – Кн. 1. – 303 с.; Кн. 2. – 350 с.
27. Боди, З. Финансы / З. Боди, Р. Мертон; пер. с англ. – М.: Вильямс, 2000. – 384 с.
28. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С. Зенкина. – М.: РУДОМИНО, 2002. – 222 с.
29. Бордюгов, Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с.
30. Бродель, Ф. Динамика капитализма / Ф. Бродель; пер. с фр. В. Колесникова. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 128 с.
31. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё; пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
32. Бэкон, Ф. О достоинстве и приумножении наук / Ф. Бэкон // Соч. в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1971. – 590 с.

33. Варбург, А. Великое переселение образов: исследование по истории и психологии возрождения античности / А. Варбург. – СПб.: Азбука-Классика, 2008. – 381 с.
34. Васильев, Л.С. История Востока. В 2 т. Т. 1 / Л.С. Васильев. – М.: Выс. шк., 1993. – 495 с.
35. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – Ивано-Франковск: Ист-Вью, 2002. – 352 с.
36. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Пер. с нем; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2016-2019.
37. Винер, Н. Кибернетика или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – 2-е изд. – М.: Наука, 1983. – 343 с.
38. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – 488 с.
39. Гарипова, З.Г. Казань: общество, политика, культура / З.Г. Гарипова. – Казань: Магариф, 2004. – 165 с.
40. Гринченко, С.Н. Социальная метаэволюция человечества как последовательность формирования механизмов его системной памяти / С.Н. Гринченко // Исследовано в России. Электронный журнал. – 2021. – Т. 145. – С. 1652–1681.
41. Дахин, А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории / А.В. Дахин // Уровень жизни населения регионов России. – 2024. – Т. 20. – № 1. – С. 105–118.
42. Дахин, А.В. Онтология памяти / А.В. Дахин. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2025. – 136 с.
43. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор; пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. – М.: Логос, 2000. – 184 с.
44. Декарт, Р. Правила для руководства ума / Р. Декарт; пер. с фр. – М.: Политическая литература, 1950 – С. 156–157.
45. Делёз, Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз; пер. с фр. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
46. Деннет, Д.К. Разум от начала до конца / Д.К. Деннет. – М.: Бомбора, 2021. – 527 с.
47. Друкер, П.Ф. Бизнес и инновации / П.Ф. Друкер. – М.: Вильямс, 2007. – 423 с.
48. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. СПб.: ТИД Амфора. 2009. – 351 с.

49. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Аполлонова и Т. Котельниковой. – Москва: Изд. дом Дело, 2018. – 732 с.
50. Евстигнеева, Л.П. Догоняющее развитие: современная трактовка / Л.П. Евстигнеева, Р.Н. Евстигнеев. – М.: Институт экономики РАН, 2012. – 45 с.
51. Жижек, С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек. – М.: ИД ДЕЛО, 2014. – 528 с.
52. Зверева, Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории / Г.И. Зверева // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1997. – С. 11–24.
53. Зеленов, Л.А. Антропология / Л.А. Зеленов // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. – Н. Новгород: Гладкова О.В., 2006. – 244 с.
54. Зеленов, Л.А. Правда о коммунизме / Л.А. Зеленов. – Н. Новгород: ННГАСУ, ОАЧ, 2004. – 140 с.
55. Зеленов, Л.А. Философия / Л.А. Зеленов // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. – Н. Новгород: Гладкова О.В., 2006. – 168 с.
56. Зиновьев, А.А. Запад. Феномен западнизма / А.А. Зиновьев. – М.: Эксмо, 2003. – 507 с.
57. Ильенков, Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории / Э.В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
58. Иноземцев, В.Л. (включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов) Пределы «догоняющего» развития / В.Л. Иноземцев. – М.: Экономика, 2005. – 295 с.
59. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): краткий курс / под ред. Комис. ЦК ВКП(б). – М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. – 351 с.
60. История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2006. – 768 с.
61. История индустриализации Среднего Поволжья. 1926–1941 гг. / отв. ред. проф. К.Я. Наякшин. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1974. – 541 с.
62. Йейтс, Ф. Искусство памяти / Ф. Йейтс. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 479 с.
63. Как это было: документальный сборник / сост. В.А. Угрюмов. – Нижний Новгород: Деком, 2011. – 186 с.
64. Карло, Ж. Геоэкономика / Ж. Карло, П. Савона. – М.: Ad Marginem, 1997. – 208 с.

65. Карут, К. Травма, время и история / К. Карут // Травма: пункты / под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. – М.: НЛО, 2009. – С. 561–581.
66. Каспэ, С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика / С.И. Каспэ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 255 с.
67. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О.И. Шкаратана. – Москва. 2000. – 606 с.
68. Кедров, Б.М. К. Маркс о науке и техническом прогрессе / Б.М. Кедров. – М.: Знание, 1985. – 64 с.
69. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. – 399 с.
70. Клеман К.* Патриотизм снизу «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?». М.: Новое литературное обозрение. 2021. – 129 с.
- *Находится под запретом въезда в РФ в соответствии с п.1 ч.1. Ст. 27, Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15.08.1996 N 114-ФЗ (запрет на въезд «в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства»).
71. Клопихина, В.С. Политика памяти как инструмент реализации советской идеологии в 1920–1930 годы (по материалам истпартов Северного Кавказа) / В.С. Клопихина. – Ставрополь: Ставролит, 2018. – 218 с.
72. Кознова, И. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России / И. Кознова. – М.: РОССПЭН, 2016. – 463 с.
73. Коллективизация сельского хозяйства в Среднем Поволжье (1927–1937) / ред. Н.Н. Панов, Ф.А. Каревский. – Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1970. – 670 с.
74. Курилла, И.И. (включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов) Битва за прошлое: как политика меняет историю / И.И. Курилла. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 230 с.
75. Кутырев, В.А. Время Mortido / В.А. Кутырев. – СПб.: Алетейя, 2012. – 336 с.
76. Кутырёв, В.А. Бытие и ничто / В.А. Кутырев. – СПб.: Алетейя, 2010. – 491 с.
77. Кутырев, В.А. Последнее целование. Человек как традиция / В.А. Кутырев. – СПб.: Алетейя, 2015. – 312 с.
78. Кутырев, В.А. Унесённые прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире / В.А. Кутырев. – СПб.: Алетейя, 2016. – 300 с.
79. Лакан, Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан. – М.: Русское феноменологическое о-во, 1997. – 183 с.
80. Ле Гофф, Ж. История и память / Ж. Ле Гофф. – М.: РОСПЭН, 2013. – 303 с.

81. Ленин, В.И. Государство и революция / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 33. – М.: Политиздат, 1969. – С. 1–120.
82. Ленин, В.И. Задачи союзов молодежи / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 41. – М.: Политиздат, 1974. – С. 298–318.
83. Ленин, В.И. О культуре / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1980. – 336 с.
84. Ленин, В.И. Очередные задачи советской власти / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 36. – М.: Политиздат, 1974. – С. 165–208.
85. Лёзина, Е. XX век: проработка прошлого: практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах, Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы / Е. Лёзина. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 584 с.
86. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998. – 160 с.
87. Лихачёв, Д.С. Введение / Д.С. Лихачев // История русской литературы X–XVII вв.: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1979. – 431 с.
88. Лойко, О.Т. Феномен социальной памяти / О.Т. Лойко. – Томск: ТГУ, 2002. – 255 с.
89. Лосев, А.Ф. Античная мифология в её историческом развитии / А.Ф. Лосев. – М.: Учпедгиз, 1957. – 620 с.
90. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 269 с.
91. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки рус. культуры, 1996. – 447 с.
92. Лотман, Ю.М. Память в культурологическом освещении / Ю.М. Лотман // Избр. ст.: в 3 т. Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 200–202.
93. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
94. Луман Н. Общество как социальная система. // Общество общества. В 5-и книгах. Кн.1. М.: Логос. – 2011. С.15-201.
95. Лурия, А.Р. Маленькая книжка о большой памяти: Ум мнемониста / А.Р. Лурия. – М.: МГУ, 1968. – 88 с.
96. Малинова, О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О.Ю. Малинова. – М.: РОСПЭН, 2015. – 206 с.
97. Маркарян, Э.С. Очерки теории культуры / Э.С. Маркарян. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1969. – 228 с.

98. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурных традиций // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96.
99. Маркс, К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. 2-е изд. Т. 4. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 419–459.
100. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. 2-е изд. Т. 3. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 7–544.
101. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. – М.: Изд-во политической литературы, 1955. – С. 1–4.
102. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 479 с.
103. Мемориальное право: теоретико-исторические и практические аспекты: коллективная монография / под ред. А.А. Васильева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2025. – 356 с.
104. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сборник научных трудов / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – 224 с.
105. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – М.: Прогресс, 1973. – 406 с.
106. Морен, Э. Метод. Природа Природы / Э. Морен. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
107. Научно-техническая революция и социализм / под ред. Б.М. Кедрова. – М.: Политиздат, 1973. – 366 с.
108. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
109. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 188 с.
110. Огурцов, А.П. Философия науки: двадцатый век: концепции и проблемы: в 3 ч. / А.П. Огурцов. – СПб.: Мирь, 2011.
111. О преодолении культа личности и его последствий. Постановление ЦК КПСС. 30.04.1956 г. – М.: Госполитиздат, 1956. – 31 с.
112. Память в сети: цифровой поворот в memory studies: сборник статей. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2023. – 352 с.
113. Пантин, В.И. Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности / В.И. Пантин. – М.: Русское слово, 2007. – 125 с.
114. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

115. Павлов, И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных / И.П. Павлов // Полное собрание трудов. Т. 3. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 607 с.
116. Перлов, И.Д. «Родимые пятна» прошлого / И.Д. Перлов. – М.: Госполитиздат, 1958. – 63 с.
117. Платон. Федон / Платон // Соч.: в 3 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1970. – 611 с.
118. Политика памяти в России, странах ЕС и государствах постсоветского пространства: типология, конфликтный потенциал, динамика трансформации: сб. научн. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – 272 с.
119. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т. 1–2 / К. Поппер. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
120. Ракитов, А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход / А.И. Ракитов. – М.: Политиздат, 1982. – 303 с.
121. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. – 725 с.
122. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2017. – 287 с.
123. Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи: в 2-х т. / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий и др. – М.: Новое литературное обозрение, 2014.
124. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1056 с.
125. Сталин, И.В. Отчётный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. / И.В. Сталин // Сочинения. Т. 13. – М.: Политиздат, 1951. – С. 282–374.
126. Субетто, А.И. Манифест ноосферного социализма / А.И. Субетто. – СПб.: Астерион, 2011. – 108 с.
127. Субетто, А.И. Системогенетика и проблемы глобального развития: коллективная научная монография / А.И. Субетто; под науч. ред. А.И. Субетто и В.А. Шамахова. – СПб.: Астерион, 2015. – 286 с.
128. Тейлор, Ф.У. Принципы научного менеджмента / Ф.У. Тейлор. – М.: Контроллинг, 1991. – 104 с.
129. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2003. – 669 с.
130. Тоффлер, Э. Новая волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2002.
131. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2010. – 776 с.

132. Трансформация объектов правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт / под общ. ред. В.В. Блажеева, Е.А. Егоровой. – М.: Проспект, 2021. – 592 с.
133. Трубецкой, С.Н. Сочинения / С.Н. Трубецкой. – М.: Мысль, 1994. – 816 с.
134. Трубина, Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы / Е.Г. Трубина. – Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2002. – 103 с.
135. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
136. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2000. – 384 с.
137. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое издательство, 2007. – 346 с.
138. Хартили, Д. Волга. История главной реки России / Д. Хартили. – М.: Эксмо, 2024. – 560 с.
139. Хаттон, П.Х. История как искусство памяти / П.Х. Хаттон. – СПб.: Владимир Даль, 2003. – 421 с.
140. Хоружий, С.С. После перерыва. Пути русской философии / С.С. Хоружий. – СПб.: Алетейя, 1994. – 447 с.
141. Хренов, Н.А. «Новая визуальность как проблема культуры» / Н.А. Хренов. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 416 с.
142. Человек. Наука. Техника. Опыт марксистского анализа науч.-техн. революции. – М.: Политиздат, 1973. – 366 с.
143. Чепьюк, О.Р. Экономика без человека: генезис пустоты / О.Р. Чепьюк. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. – 209 с.
144. Шилз, Э. О содержании термина «традиция» / Э. Шилз // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 240–245.
145. Шпакова Р.П. Немецкая социология. Под ред. Р.П. Шпаковой. СПб.: Наука. 2003. – 562 с..
146. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 415 с.
147. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: Росспэн, 2004. – 398 с.
148. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы. 1961. С. 5–342, 139–142.

149. Эшби, У.Р. Введение в кибернетику / У.Р. Эшби. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 432 с.
150. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм. – Минск: Попурри, 1998. – 146 с.
151. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 302 с.
152. Ялтаев, И.Ф. Деревня Марийской автономной области в годы коллективизации (1929–1936) / И.Ф. Ялтаев. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2015. – 278 с.

Статьи, периодические издания

153. Айерман, Р. Социальная теория и травма / Р. Айерман // Социологическое обозрение. – 2013. – № 1. – С. 121–138.
154. Аникин, Д.А. «Культура отмены» и стратегии коллективной памяти в цифровом обществе / Д.А. Аникин // Гуманитарные знания в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы. – М.: МЭИ, 2023. – С. 87–93.
155. Аникин, Д.А. Распад СССР как предмет политики памяти: партийные акторы и их нарративы / Д.А. Аникин, Р.Ю. Батищев // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2022. – № 6. – С. 40–55.
156. Анисимова, С.Ю. Историческая память в историографии античной Греции: философский анализ взаимодействия / С.Ю. Анисимова // Аспирантский вестник Поволжья. – 2015. – № 3–4. – С. 13–17.
157. Аристотель. О памяти и воображении / Аристотель; пер. С.В. Месяц // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 162.
158. Арнасон, Й. Коммунизм и модерн. Пер. В.М. Масловского // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 11–35.
159. Аронов, Д.В. Международно-правовые аспекты сохранения памятников Великой Отечественной войны в странах СНГ, Восточной и Центральной Европы в контексте формирования исторического сознания российского социума / Д.В. Аронов, В.Е. Сизов, С.К. Жияева // Современное общество и право. – 2022. – № 2 (57). – С. 3–15.
160. Аршин, К.В. Остановка коренизации в СССР (историософский аспект) / К.В. Аршин // ABYSS (Вопросы философии, плитологии и социальной антропологии). – 2023. – № 1(23). – С. 124–131.
161. Астров, А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центральноевропейских государств (на примере Эстонии) / А. Астров // Историческая политика в XXI веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 184–213.

162. Бадмаева, Е.Н. Голод в Нижнем Поволжье в 1921 и 1923 гг. / Е.Н. Бадмаева // Новый исторический вестник. – 2010. – № 4 (26). – С. 47–59.
163. Бадмаева, Е.Н. Особенности российской модернизации в годы коллективизации в Нижнем Поволжье / Е.Н. Бадмаева // Вестник Калмыцкого университета. – 2012. – № 3(15). – С. 38–39.
164. Беседина, Е.С. Правовое регулирование исторической политики: зарубежный опыт / Е.С. Беседина, А.А. Васильев // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. – 2025. – Т. 17. – № 1. – С. 58–70.
165. Бикетова, Е.А. Политика памяти в Беларуси: особенности национального дискурса / Е.А. Бикетова // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2020. – № 36. – С. 49–59.
166. Васильев, А.Г. «Осевое время» memory studies: российский след / А.Г. Васильев // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 1(6). – С. 6–11.
167. Васильев, А.Г. Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций / А.Г. Васильев // Человек и культура. – 2015. – № 1. – С. 72–91.
168. Васильев, А.Г. Традиция от классической философии к memory studies / А.Г. Васильев // Философские науки. – 2012. – № 12. – С. 54–63.
169. Визгин, В.П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы / В.П. Визгин // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1997. – С. 39–59.
170. Гавришина, О.В. История как текст / О.В. Гавришина // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59. – С. 59–67.
171. Гапоненко, Л.Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти / Л.Б. Гапоненко // Дискурс-Пи. – 2020. – Т. 17. – № 3(40). – С. 40–53.
172. Герман, А.А. Политика «коренизации» в автономных республиках РСФСР в 1920-е годы (на материалах АССР немцев Поволжья) / А.А. Герман // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. – 2013. – Т. 13. – Вып. 4. – С. 94–97.
173. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 127–128.
174. Глозман, А.Б. Наука и производство в интерпретации отечественных философов 60–80-х гг. XX столетия / А.Б. Глозман // Философия и общество. – 2013. – № 3. – С. 105–120.
175. Гумбрехт, Х.У. Современный. Современность (Modern, Modernität, Moderne) / Х.У. Гумбрехт // Словарь основных исторических понятий. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 240–296.

176. Даудов, А.Х. Из истории латинизации национальных алфавитов / А.Х. Даудов, Е.П. Мамышева // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2011. – Вып. 2. – С. 7–12.
177. Дахин, А.В. Идея социального и светского государства: феноменология конституирования в России / А.В. Дахин // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1(45). – С. 274–278.
178. Дахин, А.В. Коллективная социально-историческая память: предпосылки становления целостной философской теории / А.В. Дахин // Уровень жизни населения регионов России. – 2024. – Том 20. – № 1. – С. 105–118.
179. Дахин, А.В. Народы СССР и народ Российской федерации: теория и практика определения государствообразующего сообщества / А.В. Дахин // История и политика. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2023. – С. 151–159.
180. Дахин, А.В. Объемлющий строй коллективной социальной памяти: философские основания мемо-политики в России / А.В. Дахин, Р.В. Сундуков // Социальное время. – 2023. – № 2. – С. 28–33.
181. Дахин, А.В. Память, история, вселенная: на пути к новой онтологии реальности / А.В. Дахин // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 1(3). – С. 19–34.
182. Дахин, А.В. Политика памяти и объемлющий строй коллективной социально-исторической памяти / А.В. Дахин, Р.С. Лукшин, Л.А. Ханов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2026. – № 1 (73) – С. 44–62.
183. Дахин, А.В. Политические эпохи на шкале исторического времени: переосмысление привычных концепций / А.В. Дахин // Политическая концептология. – 2022. – № 2. – С. 14–31.
184. Дахин, А.В. Региональная стратификация общества: глобальное и локальное в культуре, экономике, и политике. Часть 1 / А.В. Дахин // Власть. – 2015. – № 10. – С. 5–15; Часть 2 // Власть. – 2015. – № 11. – С. 40–48.
185. Дахин, А.В. Россия как многонациональный народ: конституционная норма, философия и идентичность в информационном обществе / А.В. Дахин // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1(49). – С. 210–217.
186. Дахин, А.В. Феноменология универсальности в культуре / А.В. Дахин // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – 1995. – С. 109–126.
187. Дахин, А.В. Человек – дом социального бытия: диверсификация рамок коллективной социально-исторической памяти / А.В. Дахин // Аспирантский вестник Поволжья. – 2021. – № 3–4. – С. 37–44.

188. Дахин, А.В. Экономика памяти и экономическая память общества / А.В. Дахин // Зеленовские чтения: материалы 53 Международного академического симпозиума. – Н. Новгород, 2025. – С. 53–68.
189. Демьяненко, В. Самая секретная экспедиция в истории финансов: как появилась ФРС / В. Демьяненко, О. Кувшинова // Econsc.online. – 2023. – 22 декабря.
190. Дорская, А.А. Мемориальные законы как инструмент легитимации власти / А.А. Дорская, А.Ю. Дорский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 223–238.
191. Дорская, А.А. Официальная политика памяти современных государств: сравнительный анализ законодательства и судебной практики / А.А. Дорская // V Прокопьевские чтения. – Калининград, 2022. – С. 38–46.
192. Дорская, А.А. Роль социальных травм в конструировании социокультурного пространства: правовые аспекты / А.А. Дорская // XVIII Международные Лихачевские научные чтения. – СПб., 2018. – С. 492–493.
193. Ефременко, Д.В. Обретая уверенность в собственном прошлом. Российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке / Д.В. Ефременко // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 15–45.
194. Журавлев, О.М. Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 1) / О.М. Журавлев, И.А. Матвеев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – Т. 16. – № 2. – С. 169–176.
195. Защитную функцию выполняет поправка 2020 г. к Конституции: Закон Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ.
196. Зеленов, Л.А. Идеалы человечества – идеалы марксизма / Л.А. Зеленов // Социализм: теория, история, перспективы. – Н. Новгород: НГМА, 2010. – С. 30–37.
197. Зеленов, Л.А. Три постулата принципа гуманизма / Л.А. Зеленов // Актуальные проблемы в области гуманитарных наук. – Н. Новгород: МВД РФ, 2001. – С. 3–9.
198. Зеленов Л.А. Типология человеческой деятельности // Социология высшей школы. 1985. Вып. 2. С. 41–48.
199. Зерубавель, Я. Динамика коллективной памяти / Я. Зерубавель // Ab Imperio. – 2004. – № 3. – С. 17–42. (2024 в сноске 380 выглядит опечаткой, в сноске 24 стоит 2004. Оставляю 2004).
200. Кантор, Ю. Девиации исторической политики в Восточной Европе на постсоветском пространстве / Ю. Кантор // Quaestio Rossica. – 2021. – Vol. 9. – № 3. – С. 1064–1079.

201. Клопихина, В.С. Политика памяти как инструмент реализации советской идеологии / В.С. Клопихина // Ставролит. – 2018. – 218 с.
202. Коган, А.Б. Об опережающем отражении / А.Б. Коган // Философские науки. – 1985. – № 2. – С. 142.
203. Козеллек, Р. Историко-терминологическое введение / Р. Козеллек // Словарь основных исторических понятий. – М., 2014. – С. 126–239.
204. Кукарцева, М.А. Некоторые идеи постструктурализма и деконструктивизма в философско-историческом знании США / М.А. Кукарцева, Е.Н. Коломоец // Философия и общество. – 1999. – № 1. – С. 116–138.
205. Леонтьев, А.А. Язык, деятельность, социальная память / А.А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1988. – Вып. 6–7. – С. 340–345.
206. Лифанов, С.С. Историческая память и наднациональная идентичность в западноевропейских государствах / С.С. Лифанов // Дискурс-Пи. – 2021. – Т. 18. – № 4. – С. 78–93.
207. Лихачёв, Д.С. Экология культуры // Лихачёв Д.С. Заметки о русском. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2014.
208. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль; Русский Остров, 2004. 624 с.
209. Луначарский, А.В. Латинизация русской письменности / А.В. Луначарский // Культура и письменность Востока. – Баку, 1930. – Кн. 6. – С. 20–26.
210. Лукшин, Р.С. ИИ и обучение служением: философский взгляд на симбиоз разума и души / Р.С. Лукшин // Образование. Наука. Научные кадры. – 2026. – № 1 – С. 229–236.
211. Лукшин, Р.С. Интернет-технологии в экономике России / Р.С. Лукшин // Диалог мировоззрений. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. – С. 92–96.
212. Лукшин, Р.С. Исследование философских оснований экономики инноваций и экономики памяти / Р.С. Лукшин // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 15. – № 4. – С. 80–88.
213. Лукшин, Р.С. Философские горизонты инноваций: Сохраняя память в эпоху прорывных технологий / Р.С. Лукшин // Философия и культура. – 2026 – № 2. – С. 1–9.
214. Лукшин, Р.С. Философское понимание прогресса и инноваций в сохранении исторической памяти: сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума / Р.С. Лукшин. – М.: Инфинити, 2025. – С. 69–75.

215. Лукшин, Р.С. Философия памяти в эпоху искусственного интеллекта: вызовы и перспективы: материалы Межвузовского международного конгресса / Р.С. Лукшин. – М., 2025. – С. 30–38.
216. Лукшин, Р.С. Формирование исторического сознания и памяти в процессе обучения: крах или новые возможности? / Р.С. Лукшин // Диалог мировоззрений. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2015. – С. 101–109.
217. Мамонтов, В.Ф. В поисках твёрдой почвы / В.Ф. Мамонтов // Новая и новейшая история. – 1996. – № 6. – С. 63–70.
218. Масловский, М.В. Анализ советской версии модерна в исторической социологии Йохана Арнасона. // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 5-9.
219. Масловский, М.В. Поствеберианская социология революции и анализ советского модерна. // Неприкосновенный запас. 2017. № 5. С. 70-79.
220. Матусевич, О.А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия / О.А. Матусевич // Труды Белорусского государственного технологического университета. История, философия, филология. – 2014. – № 5(169). – С. 116–118.
221. Мау, В. Догоняющая модернизация в современной России / В. Мау // Проблемы теории и практики управления. – 2004. – № 4. – С. 13–16.
222. Миллер, А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и её воздействие на европейскую культуру памяти / А.И. Миллер // Полития. – 2016. – № 1 (80). – С. 111–121.
223. Миллер, А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия / А.И. Миллер // Полития. – 2019. – № 3(94). – С. 87–102.
224. Миллер, А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России / А.И. Миллер // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 52.
225. Мисько, О.Н. Федеральная резервная система США: История создания и участия в управлении государственным долгом / О.Н. Мисько // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – Сер. 5. Вып. 2. – С. 98–104.
226. Мороз, О. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель / О. Мороз, Е. Суверина // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 1. – С. 39–74.
227. Москалев, Г.Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права / Г.Л. Москалев // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15. – № 8. – С. 1072–1073.
228. Мусаев, В.И. Поворот в советской национальной политике в середине – второй половине 1930-х гг. / В.И. Мусаев // Народы и религии Евразии. – № 15(2). – С. 96–111.

229. Нечаев, Д.Н. Мемориальная культура и политическая мифология: политика памяти в сфере государственного управления России / Д.Н. Нечаев, О.В. Леонова // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 12–21.
230. Нечаева, А.А. Становление memory studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия / А.А. Нечаева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2020. – № 4(60). – С. 121–129.
231. Орлов, Б.С. Демократия – визитная карточка Европы / Б.С. Орлов // Актуальные проблемы Европы. – 2000. – № 1. – С. 81–93.
232. Пантин, В.И. Волны политической модернизации в истории России / В.И. Пантин, В.В. Лапкин // Полис. – 1998. – № 2. – С. 39–51.
233. Парменид. Антология мировой философии / Парменид // Философия древности и Средневековья. Ч. 1. – М.: Мысль, 1969.
234. Плотин. Об ощущении и памяти / Плотин; пер. Д.В. Бугай // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 169–173.
235. Реут, О.Ч. Противоречия современной российской мемориальной политики / О.Ч. Реут // Дневник алтайской школы политических исследований. – 2019. – № 35. – С. 165–169.
236. Сидоров, А.В. Официальная политика памяти в США и Европейском Союзе: сравнительный терминологический анализ / А.В. Сидоров // Образование и право. – 2022. – № 3. – С. 374–380.
237. Скоробогатов, А.В. Мемориальное законодательство как средство сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / А.В. Скоробогатов. – Улан-Удэ, 2024. – С. 162–166.
238. Скоробогатов, А.В. Социальная память как средство конструирования идентичности личности: философско-правовой анализ / А.В. Скоробогатов // История государства и права. – 2021. – № 9. – С. 3–10.
239. Сундуков, Р.В. Объемлющий строй коллективной социальной памяти / Р.В. Сундуков // Социальное время. – 2023. – № 2.
240. Тихонова, С.В. Цифровое общество и цифровая антропология / С.В. Тихонова, С.М. Фролова // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Педагогика. Психология». – 2019. – Т. 19. – Вып. 3. – С. 227–290.
241. Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния / Ж.Т. Тощенко // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3–14.

242. Ужанов, А.Е. Сбережение советских памятников как проблема реконструкции Победы СССР во Второй мировой войне / А.Е. Ужанов // Вестник Академии военных наук. – 2018. – № 2(63). – С. 69–72.
243. Устьянцев, В.Б. Историческое сознание и историческая память / В.Б. Устьянцев // Исторические воззрения как форма общественного сознания. – Саратов, 1995. – С. 28–34.
244. Устьянцев, В.Б. Социальная память и начало исторического знания / В.Б. Устьянцев // Филос. вопр. социал. познания. – Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 1980. – С. 37–50.
245. Финкель, Е. В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г. / Е. Финкель // Историческая политика в XXI веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 292–327.
246. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
247. Хобсбаум, Э. Изобретение традиций. // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47-62. С. 58.
248. Чолахян, В.А. Развитие промышленности Нижнего Поволжья в предвоенные годы (1937–1941) / В.А. Чолахян // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2023. – Т. 23. – Вып. 3. – С. 400–407.
249. Шимов, Я. Европейский проект и демократия / Я. Шимов // Логос. – 2004. – № 2. – С. 79–84.
250. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 3–12.
251. Шулындин, Б.П. Российская цивилизация и технологический прогресс / Б.П. Шулындин // Философия и общество. – 2002. – № 2. – С. 138–162.

Диссертации, авторефераты диссертаций

252. Алёкминская, Г.М. Политика коренизации на промышленных предприятиях Татарской АССР во второй половине 1920-х – 1930-е гг.: автореферат дисс. канд. ист. наук / Г.М. Алёкминская. – Казань, 2013. – 24 с.
253. Аникин, Д.А. Пространство социальной памяти: автореферат дисс. канд. филос. наук: 09.00.11 / Д.А. Аникин. – Саратов, 2008. – 20 с.
254. Дахин, А.В. Системный анализ основных типов взаимодействия в материальном мире: автореферат дисс. канд. филос. наук: 09.00.11 / А.В. Дахин. – Иваново, 1988. – 19 с.

255. Дахин, А.В. Социальная формация универсума: становление и бытие: дисс. д-ра филос. наук: 09.00.01 / А.В. Дахин. – Н. Новгород, 1996. – С. 9, 15–16, 18–19.
256. Жуков, В.З. Методологические проблемы исследования противоречий социалистического общества: дисс. канд. филос. наук: 09.00.01 / В.З. Жуков. – Москва, 1984. – 145 с.
257. Лойко, О.Т. Онтология социальной памяти: автореферат дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / О.Т. Лойко. – Красноярск, 2004. – 54 с.
258. Мамаева, О.Б. Социально-историческая память как базис национального характера русских: дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / О.Б. Мамаева. – Н. Новгород, 2001. – 184 с.
259. Николаи, Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры: дисс. д-ра филос. наук: 19.00.13 / Ф.В. Николаи. – Н. Новгород, 2018. – 335 с.
260. Сергеева, Э.А. Идеология в структуре противоборства информационных влияний на социальную реальность: дисс. канд. филос. наук: 5.7.7 / Э.А. Сергеева. – Н. Новгород, 2024. – 206 с.
261. Туруев, В.Б. Институты финансового рынка США в глобальной экономике: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.14 / В.Б. Туруев. – М., 2004. – 394 с.
262. Устьянцев, В.Б. Социальный и гносеологический аспекты становления исторического знания: автореферат дисс. канд. филос. наук: 09.00.00 / В.Б. Устьянцев. – Саратов, 1972. – 17 с.
263. Хохлова, А.П. Феномен отчуждения в цифровом информационном пространстве общества потребления: автореферат дисс. канд. филос. наук: 5.7.7 / А.П. Хохлова. – Саранск, 2023. – 26 с.
264. Щуров, В.А. Универсальность техники как объект социально-философского анализа: автореферат дисс. д-ра филос. наук: 09.00.11 / В.А. Щуров. – Н. Новгород, 1996. – 39 с.
265. Яндараева, И.С. Конструирование воображаемых сообществ в структурах социальной памяти: дисс. канд. филос. наук: 09.00.11 / И.С. Яндараева. – Ижевск, 2012. – 160 с.

Электронные ресурсы

266. Американские фондовые рынки [Электронный ресурс] // Investing.com. – Режим доступа: <https://ru.investing.com/equities/americas>.
267. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации 29.02.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431/page/5>.

268. Декрет ВЦИК «О национализации банков» от 14 (27) декабря 1917 г. [Электронный ресурс] // Декреты Советской власти. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/8983392/page:2>.
269. Закон Российской Федерации от 14 марта 2020 года №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [Электронный ресурс].
270. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 г. [Электронный ресурс].
271. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1918 г. [Электронный ресурс].
272. Масловский, М. В. «Советская модель модерна в современной исторической социологии» // [Электронный ресурс]. Электронная библиотека КиберЛенинка. 2019 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-model-moderna-v-sovremennoy-istoricheskoy-sotsiologii>.
273. Никифорова, В. Атлас «Мнемозина» Аби Варбурга [Электронный ресурс] / В. Никифорова // Искусство и культура. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZgZ9MStPMwIBgtEI>.
274. Постановление 2-го Съезда Советов СССР 26 января 1924 г. «О сооружении памятников В. И. Ленину» [Электронный ресурс] // Интернет публикация. Подг.: М.В. Зеленов. – Режим доступа: <https://opentextnn.ru/space/leniniana/postanovlenie-2-go-sezda-sovetov-sssr-26-janvarja-1924-g-o-sooruzhenii-pamjatnikov-v-i-leninu/>.
275. Проект «мест памяти» П. Нора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000227/st004.shtml>.
276. Смит, В. Происхождение центральных банков [Электронный ресурс] / В. Смит. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/8983392/page:6/>.
277. Сообщение Комиссии по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина) от 13 июня 1924 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pretich.ru/articles.php?article_id=811.
278. Тен, А. На этом поле много не бывает [Электронный ресурс] / А. Тен // Коммерсантъ. Северо-Запад. – 26.03.2025. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7604781>.
279. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс].

280. Федеральный закон «О народных художественных промыслах» от 06.01.1999 №7-ФЗ [Электронный ресурс].
281. Хоффманн, Ш.-Л. «Прошедшее будущее»: теория истории Райнхарта Козеллека для мира в кризисе [Электронный ресурс] / Ш.-Л.Хоффманн // Аeon. – 2020. – Режим доступа: <https://monocler.ru/teoriya-istorii-rajnharta-kozelleka>.
282. Board of Governors of the Federal Reserve System. Monetary Policy Report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/publications/mpr_default.htm.
283. Caulier-Grice, J. Defining Social Innovation [Электронный ресурс] / J. Caulier-Grice et al. // TEPSIE. – 2012. – Режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-64849-1_8.
284. Federal Reserve Board. Beige Book [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/publications/beige-book-default.htm>.
285. Legal memory [Электронный ресурс] // Merriam-Webster. – 2024. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/legal/legal%20memory>.
286. Schwab, K. COVID-19: The Great Reset [Электронный ресурс] / K. Schwab, T. Malleret. – 2020. – Режим доступа: https://straight2point.info/wp-content/uploads/2020/08/COVID-19_The-Great-Reset-Klaus-Schwab.pdf.

Иностранная литература

287. Bernhard, M. Kubik, J. (eds.) Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration. New York: Oxford University Press, 2014. 384 p.
288. Campbell, K. The laws of memory: the ICTY, the archive, and transitional justice / K. Campbell // Social & Legal Studies. – 2013. – Vol. 22. – No 2. – P. 247–269.
289. Confino, A. Collective memory and cultural history: problems of method / A. Confino // American Historical Review. – 1997. – No 103. – Pp. 1386–1404.
290. De Brito, A.B. The politics of memory: Transitional justice in democratizing societies / A.B. De Brito, C. González-Enríquez, P. Aguilar (ed.). – OUP Oxford, 2001. – 440 p.
291. Douglas, L. The memory of judgment: the law, the holocaust, and denial / L. Douglas // History and Memory. – 1995. – Vol. 7. – No 2. – P. 100–120.
292. Dujisin, Z. A history of post-communism remembrance: from memory politics to the emergence of a field of anticommunism / Z. Dujisin // Theory and society. – 2021. – Vol. 50. – Pp. 65–96.

293. Fortunati, V. Cultural Memory: A European Perspective / V. Fortunati, E. Lamberti // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. – Berlin: de Gruyter, 2008. – P. 127–141.
294. Hausmann, R. The Atlas of Economic Complexity: Mapping Paths to Prosperity / R. Hausmann et al. – Cambridge, MA: MIT Press, 2014. – 364 p.
295. Heinze, E. Beyond ‘memory laws’: Towards a general theory of law and historical discourse / E. Heinze // Law and Memory: Addressing Historical Injustice by Law. – Cambridge University Press, 2016. – Pp. 413–434.
296. Herf, J. Divided memory: the Nazi past in the two Germanys / J. Herf. – Cambridge: Harvard University Press, 1998. – 527 p.
297. Himka, J.-P. Legislating Historical Truth: Ukraine’s Laws of 9 April 2015 / J.-P. Himka. – 2015.
298. Hodgkin, K. Contested pasts: Politics of memory / K. Hodgkin, S. Radstone. – New York: Routledge, 2003.
299. Hoskins, A. Memory of the Multitude: The End of Collective Memory / A. Hoskins // Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition. – New York: Routledge, 2017. – P. 85–109.
300. Hoskins, A. The Restless Past: An Introduction to Digital Memory and Media / A. Hoskins // Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition. – New York: Routledge, 2017. – P. 1–24.
301. Irwin-Zarecka, I. Frames of remembrance: the dynamics of collective memory / I. Irwin-Zarecka. – New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2007. – 214 p.
302. Kansteiner, W. Against the Concept of Cultural Trauma / W. Kansteiner, H. Weilnbock // Cultural Memory Studies. – Berlin: De Gruyter, 2008. – P. 229–240.
303. Kansteiner, W. Digital doping for historians: Can history, memory, and historical theory be rendered artificially intelligent? / W. Kansteiner // History and theory. – 2022. – № 61(4). – Pp. 119–133.
304. Kansteiner, W. Finding meaning in memory: a methodological critique of collective memory studies / W. Kansteiner // History and Theory. – 2002. – Vol. 41. – Pp. 179–197.
305. Kansteiner, W. The Holocaust in the 21st Century: Digital Anxiety, Transnational Cosmopolitanism, and Never Again Genocide without Memory / W. Kansteiner // Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition. – New York: Routledge, 2017. – P. 110–140.
306. Koposov, N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia / N. Koposov. – Cambridge univ. press, 2018. – 321 p.
307. Kopstein, J.S. Intimate Violence: Anti-Jewish Pogroms in the Shadow of the Holocaust / J.S. Kopstein, J. Wittenberg. – Ithaca: Cornell University Press, 2018. – 192 p.

308. Laignel-Lavastine, A. Fascism and communism in Romania: The comparative stakes and uses / A. Laignel-Lavastine // *Stalinism and Nazism: History and memory compared*. – Lincoln: University of Nebraska Press, 2004. – Pp. 157–193.
309. Lebow R.N., Kansteiner W., Fogu C. (eds.) *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Durham: Duke University Press, 2006. 366 p.
310. Makhortykh, M. Shall the robot remember? Conceptualizing the role of none-human agents in digital memory communications / M. Makhortykh // *Memory Mind & Media*. – 2024. – 3(3). – Pp. 1–17.
311. Martin, T. *The Affirmation Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union 1923–1939* / T. Martin. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. – 496 p.
312. Meyer, E. Memory and politics / E. Meyer // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. – Berlin: de Gruyter, 2008. – P. 173–181.
313. Mulgan, G. *Social Innovation: What It Is, Why It Matters and How It Can Be Accelerated* / G. Mulgan. – London: The Young Foundation, 2007. – 52 p.
314. Mullins, E. *The Secrets of the Federal Reserve. The London connection* / E. Mullins. – Boston: Federal Reserve Bank of Boston, 1982. – 326 p.
315. Olick J.K. *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. New York: Routledge, 2007. 229 p.
316. Passerini, L. Introduction / L. Passerini // *Memory and totalitarianism. International Yearbook of Oral History and Life Stories*. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – Pp. 1–20.
317. Pol, E. Social innovation: Buzz word or enduring term? / E. Pol, S. Ville // *The Journal of Socio-Economics*. – 2009. – Vol. 38. – No 6. – Pp. 878–892.
318. *Science of Memory: Concepts* / Roediger H.L.III, Dudai Y., Fitzpatrick S.M. (Eds.). – Oxford University Press, 2007. – 464 p.
319. Sierp, A. *History, Memory, and Trans-European Identity: Unifying Divisions*. New York: Routledge, 2014. 192 p.
320. Snyder, T. *Black Earth: The Holocaust as History and Warning* / T. Snyder. – N.Y., 2015. – 462 p.
321. Swanson, K.W. Race and selective legal memory / K.W. Swanson // *Columbia Law Review*. – 2020. – Vol. 120. – No 4. – Pp. 1077–1118.
322. Tulving, E. Are there 256 different kinds of memory? / E. Tulving // *The foundations of remembering*. – Psychology Press, 2011. – Pp. 39–52.
323. Warburg, P.M. *The Federal Reserve system, its origin and growth* / P.M. Warburg. – New York: Arno Press, 1975.

324. Young, J.K. Memory studies on the frontlines of the culture wars / J.K. Young // *Memory Studies*. – 2023. – Vol. 16. – No. 6. – P. 1702–1708.
325. Zerubavel, E. *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life* / E. Zerubavel. – Chicago: University of Chicago Press, 1981. – 201 p.
326. Zerubavel, Y. The Holiday Cycle and the Commemoration of the Past / Y. Zerubavel // *Proceedings of the Ninth World Congress of Jewish Studies*. – Jerusalem, 1986. – Vol. 4. – Pp. 111—118.
327. Zerubavel, Y. *The Recovery of Masada: A Study in Collective Memory* / Y. Zerubavel, B. Barnett // *Sociological Quarterly*. – 1986. – Vol. 27. – No. 2. – Pp. 147–64.